



# ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (11)

научно-  
теоретический  
журнал

Выходит  
4 раза в год

Основан  
в 2006 г.

## РЕГИОН НОМЕРА: Япония

<b>Кожевников В.В.</b> От редактора рубрики .....	<b>5</b>
<b>Кожевников В.В.</b> Внешняя политика Японии при правительстве Ю. Хатояма: возможны ли перемены? .....	<b>9</b>
<b>Толстогузов С.А.</b> Внешняя политика кабинета Хатояма и идея Восточноазиатского сообщества .....	<b>16</b>
<b>Хузиятов Т.Д.</b> Глобальная и региональная экономическая стратегия Японии .....	<b>24</b>
<b>Фокин Н.И.</b> Японская ловушка. Где выход? .....	<b>30</b>
<b>Гайкин В.А.</b> Корейская диаспора в Маньчжурии в колониальных планах Японии (1910 – 1931 гг.) .....	<b>37</b>
<b>Пустовойт Е.В.</b> Деятельность японского правительства по преобразованию княжества Рюкю в префектуру Окинава в 70-х гг. XIX в. ....	<b>44</b>
<b>Бреславец Т.И.</b> Послевоенные сочинения Дадзай Осаму .....	<b>50</b>
<b>Хованчук О.А.</b> Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения .....	<b>58</b>

## СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

<b>Тригуб Г.Я.</b> Участие городских самоуправлений Забайкальской области в призрении населения (последняя четверть XIX – начало XX в.) .....	<b>65</b>
---	-----------

## КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

<b>Михалёва И.В.</b> Этносоциальная и культурная основа российской и южнокорейской демократии .....	<b>72</b>
---	-----------

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

<b>Исаев А.А.</b> Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг. ....	<b>78</b>
---	-----------

## МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<b>Мурзакова А.А.</b> Архитекторы японо-американского союза: лидеры оккупационного периода (1945 – 1951 гг.) .....	<b>83</b>
<b>Булипопова Е.В.</b> Северная Корея как азиатский "Прометей": мифология и политехнология "двойного стандарта" .....	<b>89</b>
<b>Золотухин И.Н.</b> Чемпионаты мира по футболу в геополитическом измерении .....	<b>95</b>

Владивосток  
2009

## НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**Караман В.В.** Ритмы поэзии.  
Русско-японские параллели ..... **112**

**Соловьева Е.В.** Культурное взаимодействие России  
и Китая на современном этапе развития:  
обзор политико-правовых документов ..... **129**

## РЕЦЕНЗИИ

**Белоглазов Г.Г.** Новая книга по истории китайцев  
в России ..... **134**

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Литошенко Д.А.** Terra incognita. Очерк восьмой.  
Дао Тихоокеанского государственного  
экономического университета ..... **137**

**СОКРАЩЕНИЯ** ..... **144**

**НАШИ АВТОРЫ** ..... **145**

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,  
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 2006 – 2009 ГГ.** ..... **146**

## Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,  
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев  
(ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов,  
О.В. Лобода, О.И. Шестак.

---

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего  
профессионального образования "Владивостокский государственный университет  
экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: [oikomene@rambler.ru](mailto:oikomene@rambler.ru); [ojkum@rambler.ru](mailto:ojkum@rambler.ru)

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых  
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

---



# OJKUMENA

*Regional researches*

№ 4 (11)

*Scientific-  
theoretical  
journal*

Issued  
4 times a year

Founded  
in 2006

## REGION OF NUMBER: JAPAN

- Kozhevnikov V.V.** From the editor of a heading ..... 5
- Kozhevnikov V.V.** Foreign policy of Japan  
in the time of Yukio Hatoyama's government:  
Are the changes possible? ..... 9
- Tolstoguzov S.V.** Foreign Policy of the Hatoyama Cabinet  
and East Asia Community ..... 16
- Khuziyatov T.D.** Global and Regional Economic  
Strategy of Japan ..... 24
- Fokin N.I.** Japan trap. Where is the exit? ..... 30
- Gaikin V.K.** Korean diaspora in Manchuria in colonial  
plans of Japan (1910 – 1931) ..... 37
- Pustovoyt E.V.** Japanese central government  
activities for Ryukyu Clan reorganization into the  
Okinawa prefecture in 70-s of XIX century ..... 44
- BRESLAVETS T.I.** Dazai Osamu's Post-War Works ..... 50
- Khovanchuk O.A.** Special features in the development  
of Japanese traditional costume and esthetics ..... 58

## THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Trigub G.J.** Participation of city self-managements  
of Trasbaikalia in the display of assistance to needy  
population (last quarter XIX – beginning XX century) ..... 65

## CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Mikhalyova I.V.** Ethnosocial and cultural base  
of Russian and South Korean democracy ..... 72

## POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Isaev A.A.** Sociopolitical moods  
on the Japanese concessions of Sakhalin  
in 1930 – the beginning of 1940th ..... 78

## WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

- Murzakova N.S.** Architects of the U.S.-Japanese Alliance:  
Leaders of the Occupation Period (1945 – 1951) ..... 83
- Bulipopova E.V.** North Korea as Asian "Prometheus":  
Mythology and Political Technology of Double Standard ..... 89
- Zolotukhin I.N.** The FIFA World Cup Championships  
in the Geopolitical Dimension ..... 95

## SCIENTIFIC MESSAGES

- Karaman V.V.** The poetic rhythms.  
The Russian-Japanese parallels ..... 112

Vladivostok  
2009

<b>Solovjova E.V.</b> Cultural interaction of Russia and China at the development present stage: the review of politiko-legal documents .....	<b>129</b>
<b>REVIEWS</b>	
<b>Beloglazov G.G.</b> The new book on history of the Chineses in Russia .....	<b>134</b>
<b>SCIENTIFIC LIFE</b>	
<b>Litoshenko D.A.</b> Terra incognita. Eighth sketch. Dao of Pacific State Economic University .....	<b>137</b>
<b>REDUCTIONS</b> .....	<b>144</b>
<b>OUR AUTHORS</b> .....	<b>145</b>
<b>THE INDEX OF THE ARTICLES AND THE MATERIALS PUBLISHED IN JOURNAL FOR 2006 – 2009</b> .....	<b>146</b>

### Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij  
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, V.N. Karaman,  
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, A.M. Kuznetsov,  
O.V. Loboda, O.I. Shestak.

---

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: [oikomene@rambler.ru](mailto:oikomene@rambler.ru); [ojkum@rambler.ru](mailto:ojkum@rambler.ru)

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.  
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

---

<http://www.ojkum.ru/>

## От редактора рубрики

Настоящий выпуск журнала, посвящен японоведческим исследованиям во Владивостоке. В России существует несколько исследовательских центров, специализирующихся на изучении Японии. Это Институт востоковедения РАН в Москве и Санкт-Петербурге, Институт стран Азии и Африки при МГУ и другие.

Востоковедение на Дальнем Востоке России имеет богатую историю. Центром его является, конечно, Владивосток и, не побоюсь сказать, что Владивосток исторически является третьим в России традиционным центром японоведения после Москвы и Санкт-Петербурга.

Дальневосточному государственному университету (ДВГУ) уже 110 лет. А свое начало он берет как раз с Восточного Института, открытого во Владивостоке 21 октября 1899 г. Это было первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке России. За 20 лет своей деятельности Восточный Институт превратился в крупный центр практического востоковедения, известный не только в России, но и за рубежом. Институт и стал центром дальневосточной японистики. В 1920 г. на базе восточного Института был создан Дальневосточный государственный университет.

В 1938 – 1939 гг. по ряду причин японоведение во Владивостоке прекратило свое существование, и было восстановлено только в 1962 г. сначала в рамках восточного отделения филфака ДВГУ, а с 1970 г. – Восточного факультета.

В 1994 г. после открытия Владивостока для иностранцев Восточный факультет ДВГУ был преобразован в Восточный институт, в рамках которого был сформирован факультет японоведения.

В настоящее время японоведение во Владивостоке представлено двумя составляющими – университетская японистика и академическая японистика. Традиционным центром университетской японистики является факультет японоведения Восточного института ДВГУ. Основные направления научной деятельности его преподавателей – это история, экономика, литература, филология.

Надо заметить, что университетская японистика во Владивостоке не ограничивается Восточным институтом ДВГУ. Японский язык, культура Японии с 1996 г. изучается и в Восточном институте Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ). Здесь существуют две специализации: лингвистика и межкультурные коммуникации, а также перевод и переводоведение.

С 1991 г. в Морском государственном университете осуществляется преподавание японского языка. А в феврале 2002 г. на его базе был создан Институт Восточной Азии, в рамках которого сформирован факультет восточных языков, на котором существует кафедра японской филологии.

Еще одним центром изучения японского языка и культуры является Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС).

Академическая японистика представлена Институтом истории, ар-

хеологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Японоведение в Институте истории ДВО РАН берет начало с декабря 1972 г., когда был создан сектор Японии. Ему было поручено исследовать историю и культуру северной части Японии, в первую очередь острова Хоккайдо. Следующей коллективной темой сектора Японии, начиная с 80-х годов, стала "Японская историография отношений России с сопредельными странами" и "Японская историография русско-японских и советско-японских отношений". Кроме того, разрабатывались проблемы внутривосточной ситуации в Японии, перспективы российско-японских отношений, такие темы как "Корейская диаспора в Японии", "Дискуссионные проблемы древней и средневековой истории Японии", "История Окинавы" и ряд других.

В 2009 году, в условиях растущей роли Владивостока в международных отношениях на Дальнем Востоке, учитывая необходимость анализировать ситуацию в регионе, в Институте было принято решение о создании Отдела внешней политики и безопасности, в рамках которого был создан Центр внешней политики и международных отношений Японии, который призван анализировать как внешнюю политику Японии в АТР, так и перспективы российско-японских отношений

Дальневосточная японистика существует не только во Владивостоке, и это важно отметить. Прежде всего, необходимо вспомнить ближайших соседей. И, в первую очередь, Хабаровск. Разумеется, основное внимание там уделяется изучению японского языка. В городе насчитывается 9 высших учебных заведений, в которых ведется подготовка специалистов по японскому языку. Отмечу только основной вуз – Дальневосточный государственный гуманитарный университет. В последние годы выпускниками его Восточного факультета было защищено две диссертации на соискание степени кандидата наук.

Еще одним центром японоведения на Дальнем Востоке является о. Сахалин. Здесь существует три вуза, где готовятся японисты – по специальности "учитель японского языка" и "бакалавр востоковедения" со знанием японского языка. Центром региональной японистики является Сахалинский государственный университет, который сотрудничает с десятком вузов и учреждений культуры Японии, в основном на Хоккайдо.

Подборка статей настоящей рубрики призвана показать основные направления японоведческих исследований, существующие во Владивостоке.

Именно поэтому здесь представлены самые разные направления: внешняя политика и международные отношения, экономика, история, культура. Среди авторов как сотрудники Института истории ДВО РАН, так и преподаватели ДВГУ.

Рубрика открывается двумя статьями, которые анализируют будущую внешнюю политику Японии. Это вызвано тем, что впервые за много лет в японской политической жизни произошло знаменательное событие – правящая либерально-демократическая партия проиграла выборы, и к власти пришла демократическая партия Японии, сформировавшая новое правительство. Многие ожидают перемен, как во внешней политике Японии вообще, так и в российско-японских отношениях. Насколько реальны такие ожидания, возможны ли подвижки во внешнеполитическом курсе нового правительства и, если да, то какие? На эти вопросы отвечают статьи В.В. Кожевникова "Внешняя политика Японии при правительстве Ю. Хатояма: возможны ли перемены?" и С.А. Толстого "Внешняя политика кабинета Хатояма и идея Восточноазиатского сообщества".

В первой анализируется основной курс Ю. Хатояма в отношениях с США и перспективы российско-японских отношений. Автор приходит

к выводу, что ожидать коренных перемен в политике по отношению к США не приходится, хотя попытки придать Японии большую самостоятельность в ней просматриваются. Наибольшие изменения ожидалось среди экспертов в политике Японии по отношению к России. Ю. Хатояма давал своими заявлениями надежду на более компромиссный подход в территориальной проблеме. Автор полагает, что давление консервативных сил, включая и чиновников в МИДе, видимо, не позволит новому кабинету отойти от традиционной позиции в российско-японских отношениях.

Во второй статье подробно рассматривается инициатива нового премьер-министра о создании в регионе т.н. Восточноазиатского сообщества, в котором бы Япония могла играть решающую роль, как региональный лидер. В статье объективно показаны трудности, с которым эта инициатива встретится в ближайшем будущем.

Т.Д. Хузиятов в статье "Глобальная и региональная экономическая стратегия Японии" рассматривает важнейшие направления внешнеэкономической стратегии Японии, которые сформулированы в последних правительственных документах, а также вопросы ее реализации в условиях глобального экономического кризиса. Особое внимание уделено интересам Японии в Восточной Азии.

Н.И. Фокин в работе "Японская ловушка: где выход?" на примере японской экономики рассматривает современные тенденции рыночной экономики в условиях мирового финансового кризиса, когда не срабатывают традиционные инструменты экономического подъема. Важность "японской ловушки", еще мало осознается экономистами, и достоинство статьи – во-первых, в актуальности поднятой проблемы, а во-вторых, в глубине ее анализа.

Статья В.А. Гайкина "Корейская диаспора в Манчжурии в колониальных планах Японии (1910 – 1913 гг.)" посвящена проблемам японской колонизации Северо-Восточного Китая, и в частности, использованию для этой цели корейской диаспоры в Манчжурии под предлогом "защиты и покровительства". Автор много лет исследует проблемы корейских диаспор в Китае, Японии, и считается одним из признанных авторитетов в этой области. В своей работе он выделяет три причины "покровительства" японскими властями корейского населения в этом регионе и выделяет главное в планах Японии относительно корейской диаспоры – стремление использовать её для закрепления японского присутствия на материке.

Проблемам истории посвящена также статья Е.В. Пустовойта "Деятельность японского правительства по преобразованию княжества Рюкю в префектуру Окинава в 70-х гг. XIX в.". В отечественном японоведении мало уделяется внимания истории Окинавы, поэтому Пустовойт Е.В. серьезно занимается историей Рюкю в средние века и новое время. В данной статье рассмотрен процесс включения королевства Рюкю в состав японского государства в 70-х гг. XIX в. Автор смог показать, что неспособность рюкюского правительства противостоять Японии в военном и экономическом плане, а также пассивная позиция Китая, обернулись для Рюкю юридической ликвидацией маленького островного королевства.

Работа Т.И. Бреславец "Послевоенные сочинения Дадзай Осаму" представляет на суд читателя литературоведческое направление дальневосточной японистики. Автор по праву считается родоначальницей современных литературоведческих исследований в регионе. У неё несколько учеников, защитивших кандидатские диссертации и успешно ведущих научную работу в данной области. Представленная статья посвящена творчеству известного японского писателя первой половины XX в., который главное внимание в своем творчестве уделял описанию

эпохи, рассматривал метания японской интеллигенции, анализировал собственные душевные страдания. Автор статьи глубоко анализирует его последние работы, ставшие шедеврами.

О.А. Хованчук является одним из немногих в России специалистов по истории японского костюма. В статье "Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения" она рассматривает основные этапы истории японского традиционного костюма и формирования современного варианта национальной одежды – кимоно. Она подробно прослеживает влияние природных, социальных, религиозных факторов на развитие и изменение форм одежды. Особое внимание уделяет вопросам эстетического мировоззрения японцев, на примере восприятия и использования цвета и орнамента, их соответствия правилам сезонности и т.д. Данный подход является новым в указанной проблематике и позволяет лучше понять культуру Японии.

Работы, вошедшие в настоящий выпуск, конечно, не могут отразить весь спектр японоведческих исследований во Владивостоке, но они дают представление о том, в каком направлении движутся японисты нашего города. Надеемся, что в следующих номерах журнала будут представлены и другие авторы.

*Кожевников В.В.*



УДК 327.1(52)

*Кожевников В.В.*

## Внешняя политика Японии при правительстве Ю. Хатояма: возможны ли перемены?

Foreign policy of Japan in the time of Yukio Hatoyama's government:  
Are the changes possible?

---

Статья посвящена анализу внешнеполитического курса Японии после прихода к власти Демократической партии Японии во главе с премьер-министром Ю. Хатояма. Рассматриваются общие тенденции, наметившиеся в первые месяцы нахождения у власти кабинета министров, главное внимание уделено появлению новых тенденций в развитии японо-американских и японо-российских отношений. Показаны попытки консервативных политологов повлиять на формирование новым правительством политики в отношении России.

**Ключевые слова:** Япония, Демократическая партия, внешняя политика, Азиатско-тихоокеанский регион, японо-российские отношения, японо-американские отношения, территориальная проблема



Article is devoted to the analysis of a foreign policy of Japan after coming to power of Democratic party of Japan led by Prime Minister Yukio Hatoyama. The general tendencies which were appeared in the first months of coming into power of the cabinet are considered, the main attention is devoted to new tendencies in development of the Japanese-American and Japanese-Russian relations. Attempts of conservative political scientists to affect formation by the new government of a policy concerning Russia are shown.

**Key words:** Japan, Democratic Party, foreign policy, Asian-Pacific region, the Japanese-Russian relations, the Japanese-American relations, a territorial problem

---

В сентябре 2009 г. в политической жизни Японии произошло знаменательное событие: правящая долгое время Либерально-демократическая партия Японии проиграла выборы и уступила власть своим соперникам – Демократической партии Японии. Это событие вызвало массу комментариев относительно будущего курса развития Японии по всем направлениям. Нас интересует, как эти события отразятся на международной арене.

В "Манифесте", предвыборной программе демократов, главное внимание уделяется внутренним проблемам, вопросам же внешней политики посвящено пять пунктов из пятидесяти пяти. В качестве главных задач внешней политики обозначены следующие: "строить тесные равноправные японо-американские отношения", "укреплять азиатскую дипломатию, поставив целью строительство Восточноазиатского сообще-

ства", "непризнание права Северной Кореи на ядерное оружие", "реализация мира и процветания во всем мире", "уничтожение ядерного оружия, устранение угрозы терроризма" [3, с. 22-23].

Обращает на себя внимание тот факт, что в "Манифесте" о России говорится только в разделе, посвященном Корейской проблеме, в контексте сотрудничества с разными странами, включая США, Южной Корею, Китаем [3, с. 23].

Приступив к должности премьер-министра 16 сентября 2009 г. Ю. Хатояма, за месяц с небольшим участвовал в экологическом саммите ООН, в заседании Совета Безопасности по ядерному разоружению и нераспространению, в генеральной ассамблее ООН, в саммите "двадцатки" в Питтсбурге, совершил внеплановую поездку в Копенгаген на сессию МОК. Через неделю он посетил Республику Корея и Китай для трехсторонних переговоров Японии, Кореи и Китая. Затем он побывал на встрече лидеров АСЕАН в Таиланде, где отдельно провел еще встречи с лидерами опять же Кореи и Китая. Впечатляющая внешнеполитическая активность.

Поездки и выступления Ю. Хатояма создают видимость "перезагрузки" японской внешней политики в направлении большей самостоятельности и инициативности.

Но перед ним стоят серьезные задачи – определить внешнеполитические приоритеты и в частности определиться с позицией Японии в отношениях с США. Речь идет как о тактических задачах, например, проблемы военных баз на Окинаве, так и стратегических – основные тенденции взаимоотношений. Ему также придется принять решение о содействии антитеррористическим операциям США в Афганистане. Ясно что, для большей самостоятельности во внешней политике требуется и большее участие страны в международных акциях, включая, военные. Новый министр иностранных дел Кацуя Окада срочно слетал в Кабул для ознакомления с ситуацией на месте, и нашел, что даже для оказания помощи сугубо гражданского характера потребовался бы армейский контингент для самообороны. Но Япония, само население и сами военные, не готовы к участию в военных операциях за границей. Одним из важных шагов нового правительства было уведомление США о том, что Япония прекращает с января 2010 г. тыловую поддержку международной эскадры в Индийском океане.

Словом, на внешней арене много проблем для правительства. Но ряд комментаторов рекомендуют премьеру уделять больше внимания внутренней политике. Потому что народ ждет от него не успехи в результате личных инициатив премьера, а ощутимое улучшение условий жизни и экономической конъюнктуры.

Обращает на себя также внимание и тот факт, что некоторые эксперты на всякий случай предостерегают премьера Ю. Хатояма от "легкомысленных" попыток решать территориальный вопрос с Россией. Другими словами, они намекают, что если при отсутствии реальных условий для решения столько сложного вопроса, подойти к нему с точки зрения любимого Хатоямой девиза о "братстве", то это ничем хорошим для Японии не кончится.

Подробнее рассмотрим три основные направления будущей внешней политики нового правительства.

1. Отношения с США. Традиционно японо-американский союз был фундаментом внешней политики Японии, определяемой ЛДП в течение многих лет. И это казалось незыблемым. Но после прихода к власти администрации Б. Обама в 2008 г. в японских СМИ появился целый ряд выступлений политологов и журналистов, опасавшихся ослабления союзнических отношений между Японией и США при новой администра-

ции. Чаще всего, эти опасения связаны с перспективами укрепления партнерских отношений между новой американской администрацией и Китаем, а также со снижением внимания США к интересам Японии в скорейшем разрешении проблем с похищенными Северной Кореей японцев. Газета "Нихон кэйдзай" написала, что на фоне разворачивания прямых взаимоотношений между США и Китая существование Японии как субъекта геополитических игр будет "предано забвению". Цунэо Ватанабэ, видный политолог-американист Токийского фонда, отмечал, что при администрации Б. Обамы Япония может потерять особый партнерский статус, которым она пользовалась в первом сроке президентства Буша.

После победы демократов в Японии эта проблема стала еще более актуальной, учитывая стремления лидера ДПЯ Ю. Хатояма проводить более независимую от США политику на внешней арене. На повестку дня вышел вопрос о формировании новых отношений с США. В этом контексте интересна позиция специалиста по международным отношениям – Тэрумаса Наканиси, профессора Университета Киото. Еще год назад он предостерег правительство от излишней зависимости от США во внешней политике. Японцы были слишком твердо уверены, что однополярный мир во главе с США остается незыблемым, подчеркивает Наканиси. А для того, чтобы остаться игроком международных политических игр, каждая держава, в том числе Япония, должна стать "отдельным полюсом", хотя бы небольшим, но самостоятельным полюсом – пишет он. По мнению автора статьи, это особенно важно в Восточной Азии, где баланс сил быстро меняется в связи с усилением влияния Китая. Признавая бесспорную необходимость сохранения альянса с США, он пишет, что в то же время Япония должна преодолеть комплекс "челобитьевской дипломатии" в отношении своего главного союзника. Такая позиция весьма примечательна, тем более что Т. Наканиси предлагает программу из трех пунктов, необходимых для установления самостоятельной внешней политики Японии.

"Первое – создание самостоятельной системы противоракетной обороны. Она, по мнению профессора, должна быть по существу национальной, хотя не должна выходить из рамки альянса с США. Для окруженной государствами с ядерным оружием страны это единственно реалистичная мера для подкрепления дипломатического влияния.

Второе – разворачивание космических программ. Они не только поднимут технологическую конкурентоспособность Японии, но также усилят ее влияние по вопросам глобальной экологии.

Третье – создание национального разведывательно-аналитического центра при премьер-министре, а также создание ведомства по разработке долгосрочной государственной стратегии" [4].

А в собственно дипломатической сфере, они призывает к расширению двусторонних отношений с Индией в качестве серьезного союзника, имеющего общие с Японией интересы по вопросам национальной безопасности [4]. Прислушается ли новая японская администрация к его рекомендациям? Некоторые заявления премьер-министра и министра иностранных дел говорят о том, что некоторые идеи профессора находят отклик в формируемой сейчас политике.

Ряд других японских аналитиков обсуждает вероятность создания новой международной структуры – "Большая четверка" (США, ЕС, Япония, Китай), опасаясь того, что если Япония не будет активна, то может сложиться "Тройка", без Японии. Некоторые аналитики допускают даже возможность появления "Двойки" (США, Китай) после того как в июле прошла встреча в Вашингтоне, которая называлась "первый американо-китайский диалог по проблемам стратегии экономики". Но большинство

специалистов полагают, что, скорее всего, американская администрация будет стремиться разыгрывать все карты – и Китай и Японию и страны АСЕАН и другие международные структуры. Похоже, что к этому стремится и Китай. И некоторые политологи призывают Японию к тому же, считая, что сложнейшие международные вопросы лучше обсуждать не в многостороннем формате, а с основными "актерами" внешней политики. В речи на сессии парламента 26 октября 2009 г. Ю. Хатояма подробно говорил о будущей внешней политике. В частности, он подчеркнул стремление укреплять "равные отношения" между Японией и США. При этом он подчеркнул, что его задача "углубить многослойный союз, в котором обе страны будут координировать свои действия и сотрудничать не только в двусторонних отношениях, но и в целях укрепления мира и процветания Азиатско-тихоокеанского региона [2].

2. Отношения в регионе Восточной Азии. Одним из ключевых пунктов внешнеполитической программы Ю. Хатояма стала идея создания Восточноазиатского сообщества, включенная в "Манифест". Эта идея подробно проанализирована в статье С.А. Толстогузова, публикуемой здесь же, и я отсылаю читателя к ней.

3. Российско-японские отношения. Так уж случилось, что 2009 г. был достаточно насыщен двусторонними российско-японскими контактами на высшем уровне: встреча Президента РФ с премьером Т. Асо на Сахалине в феврале на церемонии запуска завода в рамках проекта "Сахалин-2", затем в мае – визит премьер-министра В.В. Путина в Японию.

23 сентября 2009 года в Нью-Йорке президент Д.А. Медведев встретился с Ю. Хатояма на сессии ООН и поздравил его с победой на выборах и назначением на пост главы правительства. Д. А. Медведев заявил, что Премьер-министр Японии хорошо знает Россию, и это важный фактор, который должен способствовать укреплению двусторонних отношений, развитию не только торгово-экономического сотрудничества, но и сотрудничества по всем остальным вопросам, включая наиболее сложные.

Ю. Хатояма, в свою очередь, подчеркнул, что между нашими странами существует территориальная проблема, и "мы хотели бы окончательно решить этот вопрос и заключить мирный договор в нынешнем, нашем поколении". Комментаторы сразу обратили внимание на эту фразу, но заметим, что и Т. Асо, и Медведев в начале года говорили о том же...

Из этой встречи следует, что российская сторона возлагает определенные надежды на новое правительство и премьер-министра в частности. Похоже, Япония изменит жесткую позицию в территориальном вопросе.

Здесь хотел бы обратить внимание на традиционную российскую позицию в отношениях с Японией. В обобщенном виде она представлена в выступлении заместителя Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина на Шестом Российско-Японском Форуме: "Перспективы российско-японского сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации", (Иркутск, 3 октября, 2009 года): "ситуация в мире и в АТР буквально диктует необходимость качественного развития взаимодействия наших стран перед лицом многочисленных и, к сожалению, растущих современных вызовов и угроз".

Он рассуждал о том, что на глобальном уровне речь должна идти о серьезном укреплении российско-японского фланга в усилиях по преодолению таких проблем, как: мировой финансово-экономический кризис, глобальные изменения климата, распространение ОМУ, международный терроризм, наркопреступность, бедность, деградация окружающей среды, дефицит энергоресурсов, инфекционные заболевания и так да-

лее. Далее говорится о том, что у новой России, прочно вставшей на демократический и рыночный путь развития и проводящей прагматичную деидеологизированную внешнюю политику, нет, и не может быть принципиальных, стратегических разногласий с Японией. "Нас не разделяет идеологическая или военно-политическая конфронтация, мы, в отличие от эпохи "холодной войны", не принадлежим к противоборствующим и политически несовместимым лагерям, у нас единые ценностные ориентиры. Мы не являемся антагонистами и в мировой экономике, не конкурируем друг с другом на зарубежных рынках, наши экономические структуры, как ни банально это напоминание, взаимодополняемые" [1]. Подобные заявления делались представителями России в разных вариантах практически на всех встречах, на всех уровнях в последние годы. Поэтому российской стороне непонятна позиция Японии, которая не откликается на подобные, казалось бы, логические "заклинания". Этим непониманием и вызвана обостренная реакция России летом 2009 г. на новый закон, принятый в Японии, где речь идет о "японской исконности Южных Курил". Как в официальных заявлениях, так и в средствах массовой информации России прокатилось возмущение этими действиями Японии: утверждалось, что это осложняет двусторонние отношения, что не стоит связывать развитие экономических отношений с территориальным вопросом, что это провокационные действия и т.д. и т.п. Не останавливаясь на причинах принятия этого закона в Японии, а здесь далеко не все так однозначно, как это увидели в России, давайте посмотрим, как в Японии относятся к современному состоянию российско-японских отношений и перспективам их развития. Здесь можно выделить два подхода: сдержанный и радикальный.

Представителем первого является Президент Японского Фонда Ё. Сасакава которой недавно писал: "Одними восклицаниями "Отдайте!" дипломатические переговоры не могут продвигаться. Природные ресурсы Сибири, в частности природный газ и нефть, стали жизненно необходимыми для Японии, которая в настоящее время практически полностью опирается на энергоносители с Ближнего Востока. А для России не может быть лучшего партнера чем Япония, которая располагает и финансовым и техническим потенциалами, и в то же время является миролюбивым государством.

Если это так, то можно было бы найти ключ к решению запутанного территориального вопроса, путем поиска точек совпадения интересов двух стран. Речь идет о такой схеме, по которой Япония и Россия признали бы друг друга "нужным" и российское правительство убедило бы своего народа в том, что "выгоднее отдать 4 острова, чем их держать при себе". В качестве конкретной меры он предлагает создать серьезную организацию с участием политиков, чиновников и независимых экспертов и на ее базе снова приступить к разработке общей стратегии Японии в отношении России [6].

Ё. Сасакава демонстрирует достаточно взвешенный, аналитичный подход, учитывающий и взаимную заинтересованность, в чем-то перекликающийся с позицией российской стороны.

С другой стороны, часть аналитиков обеспокоены заявлениями Ю. Хатояма накануне и сразу после победы на выборах, из которых можно было сделать вывод о компромиссной позиции нового премьера в территориальном вопросе.

В частности, профессор С. Хакамада, который долгое время был одним из основных консультантов правительства по российским делам в период ЛДП, считает, что Япония долгое время не соблюдала "баланса между политическими и экономическими отношениями". Другими словами, он критикует предыдущие правительства за то, что Япония раз-

вивала экономические отношения с Россией, несмотря на то, что не было прогресса в решении территориальной проблемы. "И Путин и Медведев подчеркивают стремление решать территориальный вопрос на базе Совместной декларации 1956 г. то есть на базе передачи двух островов. Для Японии это не приемлемо. Новая администрация должна серьезно обсудить подход к России" [7].

С. Хакамада и его единомышленники считают, что усилия Японии по развитию экономических отношений с Россией дали обратный эффект. "Предлагая, передав два острова на базе Совместной декларации 1956 г., решить тем самым проблему, Россия знает, что это неприемлемо для Японии. А раз она это предлагает, значит, она считает, что и даже два острова передавать нет необходимости". Поэтому С. Хакамада настаивает на том, чтобы вести переговоры на базе Токийской декларации 1993 г., в которой говорится о четырех островах, не идя на компромиссы, на которые намекает Я. Хатояма.

Аналогичный подход предлагает и профессор университета Кёрин Сайто Мотохидэ: "Россия показывает готовность решить территориальную проблему на базе Совместной декларации 1956 г., то есть ограничиться окончательной передачей двух островов и получить за это помощь в освоении Сибири. Но Япония должна иметь в виду, что Россия может ради своих интересов пойти на уступки, это видно из ситуации с российско-американскими переговорами по Афганистану... Сейчас Россия не может успешно развивать Дальний Восток и Сибирь. При этом Китай поднимает голову. Россия нуждается в высоких технологиях. Надо дать понять ей что, для России лучший способ решить проблемы, это решить территориальную проблему, Так и нужно строить политику в отношении России новому стабильному правительству" [5].

Таким образом, складывается впечатление, что в целом внешняя политика Японии не претерпит значительных изменений, несмотря на заявления премьер-министра и министра иностранных дел. Можно предположить, что в области внешней политики основное внимание будет уделяться по-прежнему США, ибо проявившееся в начале деятельности кабинета стремление отойти от США, в последние дни сходит на нет.

Но при этом активизируется политика в отношении Китая и Кореи, а также стран АСЕАН.

Российское направление будет оставаться на периферии внешней политики Японии.

Что касается стремления создать Восточноазиатское сообщество, то, вряд ли это пойдет гладко, как по причинам, изложенным в статье С.А. Толстого, так и из-за традиционных антияпонских настроений, сложившихся в Восточной Азии. Предшествующий опыт японских инициатив говорит именно об этом.

В отношениях с Россией, несмотря на ожидания со стороны России, с одной стороны, и обнадеживающие заявления Ю. Хатояма, с другой, вряд ли стоит ожидать коренных перемен. По большей части, японское общественное мнение рассматривает позицию России, как стремление использовать экономический потенциал Японии, но не решать территориальную проблему. Ю. Хатояма далеко не свободен в своих решениях, и отход от традиционной позиции Японии, т.е. возвращения 4 островов, вряд ли возможен.

В настоящее время новое правительство стоит на распутье: придерживаться старой политики, развивая экономические связи с Россией, в надежде на её уступчивость в территориальном вопросе в будущем или вернуться к тактике "неразделения политики и экономики", увязывая экономическое сотрудничество с продвижением в территориальном во-

просе, как предлагают консерваторы. И этот выбор пока не очевиден. На последней сессии парламента Ю. Хатояма, говоря об отношениях с Россией, подчеркнул, что планирует параллельно развивать политические и экономические отношения, и будет добиваться заключения мирного договора на основе решения территориальной проблемы. Также он заявил, что рассматривает Россию как партнера в АТР [2].

Первая часть его заявления говорит о том, что скорее всего, ситуация по-прежнему будет оставаться без изменений. Главная проблема видится в том, что обе стороны говорят, не слыша друг друга, они ведут параллельные монологи, а не диалог. Что мешает слышать друг друга? Нежелание? Политическая составляющая? Скорее всего, причина кроется в психологической составляющей обеих стран. А это очень трудно преодолеть. Пока не будет стремления услышать друг друга за пределами многолетних шор, взаимоприемлемого результата не будет.

И, наконец, перед правительством Хатояма стоят серьезные внутренние проблемы, и рано или поздно ему придется заняться именно ими, отложив внешнюю политику, которой он увлекся в начале своей деятельности.

А если правительство демократов не справится с экономической ситуацией, то оно лишится поддержки избирателей, что еще больше сузит возможность маневров и компромиссов. Практика других стран показывает, что решение внутренних проблем путем придания большего внимания внешней политике не приводит к результату.



---

## Литература

1. Стенограмма выступления заместителя Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина на Шестом Российско-Японском Форуме: "Перспективы российско-японского сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации", Иркутск, 3 октября, 2009 года. // URL: [http://www.mid.ru/brp\\_4.nsf/0/6D42D6FB04236BEAC32576440036B2AA](http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D42D6FB04236BEAC32576440036B2AA)

2. Дай хяку сити дзю кай коккай ни окэру хатояма найкаку сори дайджин сёсин хёмэй энсэцу. Хэйсэй ни дзю ити нэн дзю гацу ни дзю року нити = Речь премьер-министра Хатояма на 173 сессии парламента. 26 октября 2009. // URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/hatoyama/statement/200910/26syosin.html>

3. Минсюто сэйкэн кояку. Manifesto. = Демократическая партия Японии: официальные обязательства власти. Манифест. Токио, 2009. 18 августа. 24 с.

4. Наканиси Т. Японии нужно не челобитие, а настоящий союз с США при новой администрации. // URL: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/20081114.shtml>

5. Сайто М. Росиа ва нитиро канкэй о донно ёни тораэру ка = Как Россия воспринимает японо-российские отношения? // URL: <http://www.ceac.jp/cgi/m-bbs/index.php?thread=&form%5Bno%5D=1142>

6. Сасакава Ё. Нитиро ва "тоой ринкоку" дэ ёй но ка? = Можно ли оставаться России и Японии "далекими соседями" в XXI веке. // URL: <http://www.eri-21.or.jp/disclosure/pdf/200906-07.pdf>

7. Хакамада С. Синсэнкэй ва асо сэйкэн но тайко сэйсаку но кэйкэн ни нарабэ = Новой администрации необходимо изучать опыт политики в отношении России у кабинета Т. Асо. // URL: [http://www.ceac.jp/cgi/m-bbs/index.php?title=&form\[no\]=1156](http://www.ceac.jp/cgi/m-bbs/index.php?title=&form[no]=1156)

УДК 327.1(52)

Толстогузов С.А.

## Внешняя политика кабинета Хатояма и идея Восточноазиатского сообщества

Foreign Policy of the Hatoyama Cabinet and East Asia Community

---

Статья Толстогузова С.А. "Внешняя политика кабинета Хатояма и идея Восточноазиатского сообщества" посвящена начальному этапу внешнеполитической деятельности нового кабинета Хатояма Юкио. В ней разбираются встречи в Питтсбурге, Пекине и Хуахине и их влияние на японо-американские и японо-китайские отношения.

**Ключевые слова:** Япония, внешняя политика, Хатояма Юкио, Восточноазиатское сообщество, АТР



Tolstoguzov S. has described "Foreign Policy of the Hatoyama Cabinet and East Asia Community". The topic of the paper concerns the manuevers of the new Democratic Cabinet of Japan in the first two months after the elections. Dr. Tolstoguzov summerises the results of Hatoyama's meetings in Pittsburg, Pekin and Hua Hin; and analises the perspectives of Japanese relations with America and China.

**Key words:** *Japan, foreign policy, Hatoyama Yukio, East Asia Community, Asia-Pacific Region*

---

Сентябрь 2009 года оказался богат на события в японской политике. Главным из них становится окончание почти пятидесятилетнего господства Либерально-демократической партии, закончившегося после сокрушительнейшего поражения на выборах в нижнюю палату, на которых демократическая партия получила 308 мест в парламенте, почти в три раза увеличив свое представительство, где ранее были представлены всего лишь 112 депутатами.

Причем победа эта стала прогнозируемой достаточно давно. На волне растущей поддержки лидеры оппозиции начали раздавать многочисленные обещания, предполагающие крупномасштабные сокращения налогов (включая отмену налога на бензин), субсидии на детей, изменение системы образования и отмена платы за учебу для малообеспеченных семей, увеличить субвенции регионам, рассказать правду о закрытых договоренностях с американским правительством о заходах военных судов с ядерным оружием на борту и другие.

Немалая часть обещаний касалась внешней политики, реализацией которых пришлось заниматься новому правительству после обретения власти. Основной пункт в предвыборной программе – поставить в центр всей деятельности правительства вопросы внешней политики и обеспечения гарантий безопасности. Заседание Совета Безопасности



ООН и очередная встреча двадцатки в Питтсбурге дали новому правительству сразу после избрания прекрасный шанс продемонстрировать свое понимание новых подходов к внешней политике Японии.

Одним из ключевых пунктов внешнеполитической программы Ю.Хатояма стала идея Содружество Восточной Азии (Хигаси Адзиа кё-дотай). На первой своей встрече в Нью-Йорке с председателем Госсовета КНР Ху Дзинтао Ю.Хатояма предложил "выработать идею сообщества Восточной Азии, выстраивая доверительные отношения, признавая взаимные различия" [7, с. 1]. Некоторые наблюдатели явно поспешили объявить о готовности Японии и Китая к созданию некоего союза [16]. Однако пока говорить об этом несколько рано, но определенные перемены эта идея предполагает.

После встречи Ю.Хатояма и Ху Дзинтао в Нью-Йорке в сентябре 2009 года было сообщено следующее. 1. Премьер-министр Хатояма Юкио предложил курс на стратегическое укрепление отношений взаимного благоприятствования, реализацию идеи сообщества Восточной Азии, сохранять приверженность заявлению Мураяма (Премьер-министр-социалист Мураяма Томиити, который в 1995 году принес официальные извинения от имени Японии китайскому народу за действия в период оккупации – С.Т.); 2. Председатель Госсовета Ху Дзинтао предложил укрепление двусторонних отношений на основе обменов визитами руководителей и развития связей на уровне общественности, подчеркнув необходимость подходить к решению взаимных проблем в широком плане и глобальном контексте; 3. Премьер-министр подчеркнул необходимость превращения Восточно-Китайского моря в море дружбы посредством совместной разработки газовых месторождений; 4. Оба руководителя сошлись во мнении о необходимости прилагать усилия в направлении ликвидации ядерного оружия на Корейском полуострове; 5. Председатель Госсовета высоко оценил курс премьера на сокращение выбросов "парниковых" газов [7, с.1].

Из всего этого набора наибольший интерес комментаторов и наблюдателей вызвали предложения о создании сообщества Восточной Азии. Причем, фокус внимания двух стран был сосредоточен не на вопросах экономического характера, а в сфере дипломатии. Если говорить конкретнее, на четвертом пункте, в соответствии с которым стороны сошлись во мнении относительно необходимости совместных усилий по ликвидации ядерного оружия на Корейском полуострове, а китайская сторона заявила, что будет продолжать усилия, направленные на возвращение Северной Кореи за стол переговоров в рамках шестистороннего диалога [7, с.1].

Именно в русле этой северокорейской проблемы начало развиваться сотрудничество возможных участников сообщества Восточной Азии после завершения встреч в Нью-Йорке и Питтсбурге. 28 сентября в Шанхае состоялась встреча министров иностранных дел Китая, Японии и Южной Кореи, на которой обсуждались планы конкретных действий представителей трех стран.

Министры продемонстрировали редкое единство мнений в вопросе о Северной Корее. Окада Кацую заявил: "Мы требуем скорейшего возвращения Северной Кореи за стол шестисторонних переговоров", с чем полностью согласился Ян Цзечи, который высказался за то, чтобы "Следует продолжить прилагать усилия, чтобы Северная Корея вернулась за стол шестисторонних переговоров" [13, с.5].

Северная Корея не заметила или проигнорировала это согласие в позициях министров иностранных дел, когда 1 октября заявила в официальном сообщении телеграфного агентства, что "Полностью отклоняет резолюцию Совета Безопасности ООН" о "Мире без ядерного оружия" [3,

с. 5]. После чего китайским руководителям пришлось срочно применить сильные дипломатические средства, чтобы побудить северокорейских представителей проявить гибкость и пойти навстречу мировому сообществу. В Корею был срочно направлен премьер-министр КНР Вэнь Цзябао, которому достаточно быстро удалось уговорить Ким Чен Ира вернуться за стол переговоров, чтобы Китаю было что представить на следующей встрече руководителей трех стран, запланированной на 10 октября. На самой встрече он сказал о результатах своей встречи с Ким Чен Иром, что "возможно обретение позитивных подвижек в вопросе о возобновлении заседаний шестисторонней комиссии. Сейчас есть шанс. Если его не использовать сейчас, то он быстро исчезнет [1]" После чего премьер Вэнь Цзябао попросил своих партнеров пойти на конструктивное сотрудничество в этом вопросе.

В любом случае ясно, что желание японской стороны развивать идею Восточноазиатского сообщества вызвала большой интерес у Китая. Официальный представитель МИД КНР Цзян Юй 17 сентября на очередной пресс-конференции заявила, что "китайская сторона готова углублять взаимодействие со всеми странами Восточной Азии и прилагать общие усилия к формированию Восточноазиатского сообщества" [4].

Предпосылкой для изменения в расстановке сил стало желание нового японского премьера изменить климат в отношениях с Китаем и не акцентировать внимание на "взаимных различиях" и разногласиях. Еще в преддверии встречи в Нью-Йорке Ю.Хатояма заявил, что не будет посещать храм Ясукуни дзиндзя, из-за чего постоянно происходили трения с китайской стороной. При личной встрече с Ху Дзиньтао он сразу же повторил это свое заявление, чем вызвал очень благоприятную реакцию со стороны Председателя Госсовета, который ответил высокой оценкой действий японской стороны в вопросе о сокращении выбросов парниковых газов, которому после подписания Киотосского протокола уделяется большое внимание японским правительством.

Таким образом, получается, что на нынешнем этапе идеи строительства сообщества Восточной Азии главным образом реализуются в дипломатической сфере в вопросе о Северной Корее. Китай здесь внезапно занял место Америки и добился согласованных действий со стороны Японии и Южной Кореи, которые прежде предпочитали блокироваться с Соединенными Штатами и оставлять Китай в меньшинстве на шестисторонних переговорах в паре с Россией.

Изменение в расстановке сил по вопросам о Северной Корее пока очень шатко и неопределенно. Президент Ю.Кореи явно не удовлетворится простым возвращением Северной Кореи за стол шестисторонних переговоров. Ему нужны реальные шаги в направлении полной денуклеаризации Северной Кореи и здесь он может найти поле для совместных действий с США. Ли Мён Бак выдвинул идею большой сделки "биг багэн" с севером, предполагающее пакетом разрешить все проблемы вместо постепенных шагов в расчете на мелкие уступки. Для него возвращение Ким Чен Ира за стол переговоров – это не цель, а только средство для достижения отказа Кореи от обладания ядерным оружием. В этом его готовы поддержать Штаты, о чем заявила Госсекретарь Хилари Клинтон [2].

В противоположность Кореи Японии фактически не нужна активизация политики на корейском полуострове. Для этой страны сейчас предпочтительно вялотекущее развитие ситуации, когда не стоит вопрос об остром кризисе и можно до бесконечности вести переговоры о судьбе похищенных корейцами японцев, чем предпринимать реальные меры давления с целью прогресса в ядерной проблеме.

Вялотекущее развитие ситуации позволит Хатояме выиграть вре-

мя, необходимое, чтобы сократить напряженность, возникающую вокруг дислоцированных на японской территории американских воинских контингентов и продолжить реорганизацию американского присутствия на территории страны в выгодном для себя ключе.

Основная проблема сообщества Восточной Азии состоит в неопределенности концепции и задач строительства этой структуры. Пока невозможно даже назвать возможный состав участников. Как уже говорилось, китайская позиция ориентирована на формулу АСЕАН плюс 1 (Китай), в качестве варианта, которой допускается АСЕАН плюс 3 (Китай, Япония и Южная Корея), о которой премьер Вэнь Цзябао говорил на встрече 10 октября [5]. Следует, однако, заметить, что АСЕАН существует как самостоятельная организация с собственными руководящими структурами, которые не будет просто преобразовать в новое сообщество. Наверное, не все члены АСЕАН с большой радостью отнесутся к появлению новой группы влиятельных участников.

Пока же японская сторона явно не определилось с пониманием вопроса о стратегии в создании сообщества Восточной Азии, и даже не уверена, что будет реализовывать программу в рамках сотрудничества с Китаем и Южной Кореей. Как заявил премьер Хатояма на встрече 10 октября, "три страны станут только ядром сообщества Восточной Азии". А всего за три дня до этого, на пресс-конференции 6 октября Окада Кацудя, он рассматривает в числе возможных участников Японию, Китай, Южную Корею, страны АСЕАН, Индию, Австралию, Новую Зеландию, далеко на юг, расширив рамки возможных участников, при этом, забыв о том, что Россия также имеет право претендовать на участие в Содружестве Восточной Азии. Одновременно закладывая еще один конфликт в эту еще не созданную организацию, так как Австралия отстаивает концептуально иную идею содружества стран тихоокеанского кольца, в которое могли бы входить все страны по обе стороны океана, включая и Америку.

На саммите АСЕАН 23 – 25 октября Ю.Хатояма предложил "активизировать дискуссию, направленную на построение сообщества Восточной Азии, основанного на принципах открытости и прозрачности" [8, с. 3], продемонстрировав, что именно АСЕАН может стать ядром [11] будущего содружества. Однако идея была воспринята в прямом смысле как призыв к дискуссии. В Заявлении председательствовавшего на встрече премьера Тайланда было предложено рассмотреть японское предложение только как одно из возможных направлений дискуссии наряду с предложением Австралии о создании Азиатско-Тихоокеанского Содружества. А также приветствовалось предложение Филиппин о приглашении других глав Азиатско-Тихоокеанского региона для обсуждения проблем регионального экономического сотрудничества [14]. Практически это означает начало обсуждения с вопроса о том, каким должно быть содружество Восточноазиатским или Азиатско-Тихоокеанским, причем не нашлось желающих пригласить остальные страны Восточной Азии, чтобы уравновесить предложение Филиппин.

Соответственно дискуссия не предполагает обсуждения конкретных вопросов строительства союза, в то время как внутри АСЕАН уже несколько лет идет укрепление внутренней структуры на основе созданных в 2006 году трех советов по вопросам политики и безопасности, по экономическим проблемам и социально-культурным вопросам. Поэтому в другом Заявлении говорится, что "Мы признаем, что развитие внутри-региональных связей принесет пользу государствам-членам АСЕАН и их народам, внесет свой вклад в центральную роль АСЕАН в региональной структуре, обеспечит дальнейшего строительства сообщества, которое все более становится связанным с Азиатско-Тихоокеанским регионом и

мировым сообществом, и образовать основу для еще более обширной Восточноазиатской общности [15]." Практически Азиатско-Тихоокеанское содружество представляется промежуточным шагом в строительстве Восточно-азиатского, что в свою очередь отодвигает реализацию идей японского премьера на длительный срок. И главная причина таких формулировок в отношении самих стран АСЕАН, активно занятых строительством собственного дома на основании программы создания к 2015 году Содружества стран АСЕАН.

В общем Ю.Хатояма смог похвастаться только тем, что "практически все руководители, участвовавшие в саммите, разделяли его идеи" [12] и приветствовали предложение открыть дискуссию об общих принципах Содружества, но не более.

Все, что предлагает Ю.Хатояма, отнесено к делам дальней перспективы, для реализации которых потребуется много времени и средств. Пока японцам предложено заниматься созданием в регионе транспортной и информационной инфраструктуры, которая поможет наладить более тесные связи в регионе. Япония согласилась с этой задачей и даже обещает выделить 20 млрд. долларов на эти цели и провести встречу руководителей стран бассейна реки Меконг в этом году. Все это может квалифицироваться только как начальная ступень реализации планов Ю. Хатояма.

Кроме того, нельзя не учитывать того факта, что вслед за октябрьским саммитом запланировано проведение в Сингапуре ноябрьского саммита АСЕАН плюс Америка, который также может существенно повлиять на развитие событий и реализацию планов новой японской администрации.

Оакада Кацуя на пресс-конференции 6 октября разъяснил журналистам, что не видит Соединенных Штатов в качестве полноправного члена этой организации, при этом не исключив возможности их участия в переговорах по различным вопросам, включая торговые.

Премьер Хатояма также неоднократно подчеркивал желание дистанцироваться от политики Америки. В кратком выступлении для прессы перед началом трехсторонней встречи в Пекине 10 октября он сказал: "До нынешнего времени мы, может быть и в незначительной степени, но слишком полагались на Штаты. Японо-американский союз имеет большую важность, но теперь мне хочется выработать такую политику, в которой (Япония), как одно из государств Азиатского региона, более акцентирует свое внимание на Азии [5]". Даже недвусмысленные заверения Ю. Хатояма, сделанные на саммите в Тайланде, когда он заявил, что "У него нет намерения устранять Америку (из числа стран сообщества Восточной Азии), даже нет намерения устранить какую-либо иную страну [10]", не могли развеять всех сомнений американцев, которые предпочли провести отдельный саммит со странами АСЕАН.

Пока антиамериканизм присутствует в очень умеренных формах в качестве разрозненных мер, таких как окончание с середины января будущего года операции по обеспечению топливом военных судов в Индийском океане. Это фактически означает полное прекращение участия Японии в Ираке, сохранявшееся в такой форме после ухода из страны подразделений японских "Сил самообороны". Не проявляет она и большого интереса к американским операциям в Афганистане, хотя пообещала, что в качестве компенсации рассмотрит возможные варианты своего участия.

Выбранная позиция не способствует скорейшему разрешению острых проблем в отношении размещенного в Японии американского воинского контингента. Это предопределило фактическое затягивание вопроса о переносе базы Футэмма на Окинаве в новое место, о чем су-

ществует договоренность от 2006 года. Нужно только определить место новой взлетной полосы, чтобы можно было рапортовать о существенных шагах в поддержании союзнических отношений с Америкой. Однако японская сторона откровенно затягивает этот вопрос, несмотря на очевидное согласие американской стороны на вариант строительства новой взлетной полосы в "Кэмп Швабе" на Окинаве. Ю. Хатояма пока предпочитает искать альтернативные варианты переноса, но окончательное решение по этому вопросу будет вынесено не ранее следующего года, а договоренности, на которые рассчитывал президент Обама, запланировавший на ноябрь визит в Японию, повисли в воздухе, что вызвало неудовольствие американского президента, сократившего время своего визита с двух дней до нескольких часов.

По возвращении с саммита АСЕАН Ю. Хатояма выступил в парламенте с обширной программной речью. Значительная ее часть касалась внешней политики, причем в самых лестных выражениях говорилось о сотрудничестве с Соединенными Штатами. Премьер сказал, что "важно прилагать усилия к тому, чтобы море оставалось приносящим плоды на ниве дружбы и сотрудничества. Это в интересах не только Японии и государств Азиатско-Тихоокеанского региона, но и всего мира. Основой для этого является тесный и равноправный Японо-Американский союз [9, с. 4]". Более того, Ю. Хатояма заявил, что будет и дальше углублять этот союз в различных областях "во имя мира и процветания Азиатско-Тихоокеанского региона [9, с. 4]", тем самым продемонстрировав, что подготовка к визиту американского президента в Японию ведется полным ходом.

В выступлении Ю. Хатояма много говорилось об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Премьер вспомнил, что "Япония является морским государством, расположенным в Азиатско-Тихоокеанском регионе [9, с. 4]", что показывает, что Япония не будет оставаться в стороне от инициатив австралийского премьера и готова развиваться сотрудничество в этом регионе в самых различных областях.

Даже для России нашлось место в выступлении Хатоямы. Премьер заявил, что "будет укреплять отношения сотрудничества, рассматривая Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе [9, с. 4]", упомянув при этом о необходимости заключения мирного договора, в котором будет решаться проблема "северных территорий".

Термин Азиатско-Тихоокеанский регион употребляется в тексте более десяти раз, в результате даже создается впечатление, что он полностью вытесняет идею Восточноазиатского сообщества. Оно сохраняется, пока не доходишь до последнего абзаца, в котором говорится о том, что все вышеперечисленное намечается реализовывать для "идеи Содружества Восточной Азии, как формы сотрудничества, которой свойственна высокая степень прозрачности и которая является открытой для участия представителей других регионов [9, с. 4]". Таким образом, идея построения Содружества Восточной Азии продолжает оставаться базовой для политики этого кабинета.

Пока мы видим только желание Ю. Хатояма выработать новый курс. Детали его должны выкристаллизоваться в ходе дальнейших событий. Визит в Японию президента Обамы и встреча в формате АСЕАН плюс Америка внесут дальнейшие коррективы.

Соответственно, идея Содружества, оказавшись неожиданно увязанной с внешнеполитическим сотрудничеством, потенциально может вызвать значительные изменения в международных отношениях в зоне Тихого океана. Во всяком случае, можно ожидать, что она будет далеко выходить за рамки только экономических вопросов. И высказывания, содержащиеся в последнем выступлении Ю. Хатояма, Российским

МИДом были восприняты очень позитивно. "Мы очень внимательно и с удовлетворением восприняли заявления премьер-министра о том, что Япония расценивает Россию как партнера, с которым готова совместно работать по решению проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, развивая сотрудничество как на двусторонней основе, так и по международной повестке дня, – отметил заместитель министра иностранных дел РФ Алексей Бородавкин. – Японская сторона, как и российская, настроена на то, чтобы наше сотрудничество и партнерство приобрело качественно новый стратегический характер [6]".

Первый месяц у власти новой администрации демократической партии не стал периодом выжидания и раскачки, что обещает в дальнейшем интересные события, требующие самого пристального внимания. Нам предстоит стать свидетелями увлекательного процесса адаптации многочисленных предвыборных обещаний к реалиям внешней и внутренней политики. Это уже заметно на примере идеи Содружества Восточной Азии, которой, по всей видимости, предстоит еще более значительная трансформация.



### Литература

1. Абиру Руй, Хатояма сюсё "Бэйкоку ни идзон сисугитэита", Ниттюкан сюно кайги дэ. URL: <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091010-00000534-san-pol>
2. "Каку бусо сита Кита Тёсэн ни ва сэйсай канва синай" Куринтон Бэй кокуму тёкан. URL: <http://www.afpb.com/article/politics/2655194/4792135>
3. "Каку наки сэкай" кэцуги хихан. // Тюгоку симбун, 2009, 1 октября.
4. Китай поддерживает концепцию Восточноазиатского сообщества, выдвинутую новым премьер-министром Японии, Пресс-конференция МИД КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6761056.html>
5. Роккакоку кёги соки кайсай дэ итти, Ниттюкан сюно га кайги. URL: <http://www.47news.jp/CN/200910/CN2009101001000035.html>
6. Россия и Япония хотят, но не могут договориться по Южным Курилам. URL: <http://newsme.com.ua/world/261999/>
7. Такахаси Сигэру, Хигаси Адзиа Кёдотай о тэйан. // Тюгоку симбун, 2009, 23 сентября, С. 1.
8. Уэда Сёко, "Кёдотай" котику э рэнкэй. // Тюгоку симбун, 2009, 26 октября.
9. Хатояма сюсё но сёсин хёмэй эндзэцу. // Тюгоку симбун, 2009, 27 октября.
10. Хигаси Адзиа кёдотай, Бэй хайдзё сэдзу = Хатояма сюсё. URL: <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091024-00000130-jij-pol>
11. "Хигаси Адзиа кёдотай" Бэйкоку но санка о мотомэру кангаэ хёмэй э. URL: <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091024-00000002-mai-pol>
12. Хигаси Адзиа кёдотай "кёкан эта" = Хатояма сюсё. URL: <http://headlines.yahoo.co.jp/hl?a=20091025-00000062-jij-pol>
13. Хигаси Адзиа Кёдотай э кёрёку. // Тюгоку симбун, 2009, 29 сентября.
14. Chairman's Statement of the 4th East Asia Summit Cha-am Hua Hin, Thailand, 25 October 2009. URL: [http://www.15thaseansummit-th.org/PDF/25-08\\_EAS%20Statement.pdf](http://www.15thaseansummit-th.org/PDF/25-08_EAS%20Statement.pdf)
15. Chairman's Statement of the 15th ASEAN Summit "Enhancing Connectivity,

Empowering Peoples", 23-25 October 2009. URL: [http://www.15thaseansummitth.org/PDF/2402Chairman'sStatementofthe15thASEANSummit\\_final\\_with\\_logo.pdf](http://www.15thaseansummitth.org/PDF/2402Chairman'sStatementofthe15thASEANSummit_final_with_logo.pdf)

16. Julian Ryall and Malcolm Moore, China and Japan begin talks on building alliance. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/japan/6258990/China-and-Japan-begin-talks-on-building-alliance.html>

УДК 291.211.8

Хузиятов Т.Д.

## Глобальная и региональная экономическая стратегия Японии

Global and Regional Economic Strategy of Japan

В статье рассматриваются важнейшие направления внешнеэкономической стратегии Японии, которые сформулированы в последних правительственных документах, а также вопросы ее реализации в условиях глобального экономического кризиса. Особое внимание уделено интересам Японии в Восточной Азии.

**Ключевые слова:** внешнеэкономическая политика, внешнеэкономическая стратегия, Восточная Азия, "зона объема", многоуровневое сотрудничество, соглашение о свободной торговле (ССТ), соглашение об экономическом партнерстве (СЭП), "спираль удач" инноваций и спроса.



The paper deals with the most important directions of external economic strategy of Japan, which have been formulated in the recent governmental documents, and with issues of its realization under the global economic crisis. The interests of Japan in East Asia are of particular attention.

**Key words:** external economic strategy, external economic policy, East Asia, "volume zone", Free trade agreement (FTA), Economic partnership agreement (EPA), virtuous circle of innovations and demand.

В связи с победой на всеобщих парламентских выборах в Японии Демократической партии высказываются самые разные версии относительно изменения политического курса в той или иной сфере, в том числе, в сфере внешнеэкономической. Между тем, как нам кажется, экономика, в целом, и внешнеэкономические связи, в частности, – область деятельности достаточно консервативная, чтобы можно было ожидать каких-то радикальных изменений уже в ближайшее время. Более того, политика японских правительств характеризуется весьма высокой степенью преемственности, во всяком случае, по принципиальным вопросам.

Прежде, чем дать характеристику внешнеэкономических связей Японии со странами Восточной (и Северо-Восточной) Азии, отметим, что они основываются на внешнеэкономической стратегии, которая, в свою очередь, есть часть экономической стратегии Японии. В связи с этим следует, видимо, оценить программные документы, принятые в Японии в последние годы как на правительственном уровне, так и бизнесом, прежде всего, Кэйданрэн.

В 2002-2007 гг. экономика Японии, преодолев, в общем, длительную экономическую депрессию, последовавшую за крахом экономики "мыльного пузыря", показывала положительную динамику. Хотя темпы



роста были скромными, однако продолжительность подъема оказалась максимальной за последние десятилетия. Вместе с тем и политическое руководство, и бизнес осознавали необходимость формирования новой модели экономического развития, которая позволила бы стране создать базу устойчивого экономического роста в условиях глобализации, сосредоточить ресурсы на наиболее перспективных направлениях, повысить свою международную конкурентоспособность, сохранить и упрочить позиции в мировой экономике в качестве одного из мировых лидеров.

В апреле 2006 г. Министерство экономики, торговли и промышленности опубликовало "Глобальную экономическую стратегию", а в июне того же года – "Стратегию нового экономического роста" [1].

Характеризуя цели "нового роста", разработчики отмечают, что в течение 40 лет Япония была второй экономикой мира, однако с учетом нынешних темпов роста ВВП в ближайшие годы уступит это место Китаю. При этом целью Японии должно быть не просто поддержание себя в качестве одной из крупнейших экономик, но превращение в сильную экономику с доминирующим присутствием в мире. Под этим понимается экономика, противостоящая рискам и неопределенностям, обладающая высокой конкурентоспособностью в международном сообществе, устанавливающая высокий уровень доходов на душу населения, или "привлекательная Япония", которая продолжает предлагать своему народу и всему миру все новую пользу.

Не анализируя здесь "Стратегию нового экономического роста" детально, отметим лишь основные положения, которые важны для понимания сути внешнеэкономической стратегии на предстоящие годы.

#### 1. Цели "Стратегии нового экономического роста".

1) Новый рост в условиях сокращения численности населения. Акцент делается на рост производительности труда, усиление НИОКР, изменение структуры промышленности в пользу высокопроизводительных отраслей.

2) "Спираль удачи" инноваций и спроса. Под этим понимается, что инновации порождают спрос, а спрос стимулирует инновации. Особо подчеркивается значение двух "спиралей удачи" – а) экономического роста Японии и Азии (инновации в Японии ведут к экономическому росту Азии, развивают региональную специализацию, порождают доходы, которые ведут к новым инновациям); б) региональных инноваций и спроса.

3) Яркое будущее в результате реализации реформ. Япония становится мировым центром инноваций; происходит оживление регионов; народ рассматривается как сокровище страны; происходит рост национального благосостояния; возрождение экономики поддерживает систему социального обеспечения; Япония становится страной привлекательной и уважаемой другими странами.

2. Укрепление международной конкурентоспособности (глобальная промышленная стратегия).

1) "Спираль удачи" экономического роста Японии и Азии. Япония будет вносить вклад в развитие соседних стран Азии и содействовать созданию среды для совместного роста. Главные задачи:

а) скорейшее заключение соглашений об экономическом партнерстве со странами Азии;

б) системные реформы для формирования кооперационных связей и оптимальной международной функциональной специализации в Азии;

в) обеспечение мобильности рынка капиталов в Азии.

2) Глобальный центр инноваций. Главные задачи:

а) создание новых отраслей – мировых лидеров;

б) усиление передовых отраслей по производству материалов и компонентов и ключевых отраслей обрабатывающей промышленности;

в) активизация усилий по привлечению в Японию прямых иностранных инвестиций;

г) помощь отраслям, зависящим от внутреннего спроса, в их развитии в международном измерении.

3) Повышение производительности через ИТ. Главные задачи:

а) запуск кампании повышения производительности через ИТ;

б) реализация менеджмента ИТ мирового класса;

в) обеспечение условий для поддержки производственными и инфраструктурными предприятиями повышения производительности через ИТ.

3. Стимулирование региональной экономики (региональная промышленная стратегия) и малого и среднего бизнеса.

4. Кросс-секторальная политика (человеческие ресурсы, капитал, деньги, квалификация, знания).

"Глобальная экономическая стратегия" нацелена на формирование нового облика Японии как мировой и азиатской экономической державы в условиях глобализации и информационной революции и является своего рода внешнеэкономическим разделом общей стратегии развития страны на ближайшие десятилетия. Глобальная стратегия выделяет следующие три направления.

1) Совместное развитие в Азии. Экономическая активность в Японии тесно связана с созданием производственных сетей в Азии. Роль Восточной Азии как центра мирового экономического роста обеспечивается "спиралью удачи" активных прямых инвестиций и экономического роста в азиатских странах. Кроме того, по мере роста масштабов их экономик и повышения покупательной способности населения эти страны становятся не только всемирной фабрикой, но и одним из наиболее перспективных мировых рынков конечного потребления.

2) Опора на "мягкую мощь". Одним из ключевых понятий в "Глобальной экономической стратегии" Японии стало понятие "мягкой мощи", которая воплощается в социальных ценностях страны, ее культуре, политической идеологии, способности сотрудничать. В современном мире она все более определяет силу страны при относительном снижении значимости "жесткой мощи" – экономического и военного потенциала.

3) Вклад Японии в создание "глобальных ценностей". В XXI в. Япония как часть Азии может выполнять роль "стержня" в создании новой глобальной системы и новой системы в Азии. Япония раньше других стран столкнулась с проблемами загрязнения среды, урбанизации, стареющего общества, многие из которых стали общечеловеческими, и может внести свой вклад в решение подобных проблем на глобальном уровне.

В докладе намечены четыре основных направления международной экономической политики Японии.

1. Дальнейшая экономическая интеграция Восточной Азии.

2. Глобализация и повышение конкурентоспособности производства.

3. Превращение Японии в более открытую и привлекательную страну.

4. Региональные стратегии Японии и вклад в решение общечеловеческих проблем.

Сходные цели и задачи поставлены и в ряде документов Кэйданрэн.

В дальнейшем в ряде документов, в частности, "Белых книгах по международной экономике и торговле" Министерства экономики, тор-

говли и промышленности Японии, идеи, заложенные в стратегиях, развивались и уточнялись. Естественно, мировой кризис не мог не оказать влияние на содержание этих документов, но он скорее активизировал усилия Японии по реализации стратегических целей в мире, в целом, и Азии, в особенности.

"Белая книга по международной экономике и торговле" 2009 г. имеет подзаголовок "Глобальная экономическая стратегия преобразования кризиса в возможности" [2]. В документе, в частности, определяются направление развития японской экономики в условиях кризиса, а также глобальная экономическая стратегия и внешнеэкономическая политика страны.

Отмечается, что в 2002-2007 гг. японская экономика находилась на подъеме, который поддерживался, прежде всего, внешним спросом. Экспортная квота (отношение объема экспорта к ВВП), отражающая зависимость экономики от экспорта, увеличилась с 10% в 2000 г. до 17,6% в 2007 г., хотя и оставалась ниже, чем в ряде других стран (Великобритания и Франция – на уровне 25-26%, Германия, Китай и Республика Корея – на уровне 40-46%; США – около 12%). В условиях кризиса японский экспорт, представляющий, в основном, продукцию с высокой добавленной стоимостью (автомобили, электро- и общее машиностроение), столкнулся с падением спроса на мировых рынках, особенно в развитых странах, что негативно сказалось на общем состоянии экономики.

В то же время, как показал кризис, в азиатских и других странах с развивающимися рынками продолжается экономический рост. Более того, здесь формируется т.н. азиатский средний класс, к которому относятся семьи с располагаемыми годовыми доходами 5-35 тыс. долл. Численность азиатского среднего класса увеличилась за 1990 – 2008 гг. со 140 млн. до 880 млн. чел., причем половина из них проживает в Китае. Таким образом, рынки развивающихся экономик предоставляют японским компаниям отличные возможности, хотя им предстоит все сильнее конкурировать с корейскими и китайскими компаниями. Для успешного освоения азиатских рынков предполагается все большая локализация производства и закупок, а также опора на местный персонал.

Отметим, что на страны Восточной Азии в 2008 г. пришлось около 47% японского экспорта и 38% импорта. Китай стал основным торговым партнером Японии (торговый оборот – 266 млрд. долл.), а объем импорта из Китая фактически равен совокупному японскому импорту из США и ЕС [3].

К приоритетным направлениям внешнеэкономической политики Японии на ближайшие годы отнесены следующие:

- 1) интегрированные меры внутри- и внешнеэкономического характера;
- 2) развитие инноваций в "зоне объема" (на развивающихся рынках);
- 3) глобальное развертывание "низкоуглеродистой революции" (сокращение вредных выбросов);
- 4) многоуровневое сотрудничество, включая промышленную кооперацию, со странами, богатыми природными ресурсами.

Интеграция мер внутри- и внешнеэкономического характера предполагает, что в дополнение к стимулированию внутреннего спроса Япония будет прилагать усилия, направленные на экономический рост в Азии и вместе с Азией, имея в виду формирование здесь глобального центра роста.

Ставится, в частности, задача продвижения концепции удвоения размеров азиатской экономики; для расширения спроса здесь планируется, в частности, сотрудничество в реализации инфраструктурных

проектов и в формировании системы социального обеспечения. Япония возлагает большие надежды на созданный в 2008 г. по ее инициативе Институт экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии (ERIA), который в перспективе призван стать "мозговым трестом", азиатским аналогом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Кроме того, Япония планирует в полной мере использовать свои возможности как страны-организатора саммита АТЭС в 2010 г. по развитию экономического сотрудничества в регионе.

Другая практическая задача – все большая либерализация торговли и инвестиций, а также предотвращение протекционизма. Здесь, в частности, предусматриваются расширение сети соглашений о свободной торговле (ССТ) и экономическом партнерстве (СЭП) как двустороннего, так и многостороннего характера, а также усилия по успешному завершению переговоров в рамках Раунда Доха ВТО.

Отметим, что Япония уже имеет действующие ССТ и/или СЭП с отдельными странами АСЕАН, а также с АСЕАН в целом, и ведет соответствующие переговоры с Китаем и Кореей (в двустороннем и трехстороннем форматах), а также с рядом других стран.

Япония ведет мониторинг выполнения странами и регионами международных договоренностей по режиму торговли, в том числе, в условиях кризиса, и доводит свою позицию по поводу принятия протекционистских мер до соответствующих правительств и организаций [4]. Вопреки устойчивому мнению о Японии как стране с высокими протекционистскими барьерами, и статистика, и анализ внешнеэкономических мер японского правительства, скорее, говорят о том, что в Японии сформировался один из самых либеральных внешнеторговых режимов, а в условиях экономического кризиса правительство практически не использовало дополнительных защитных мер.

Например, с сентября 2008 г. по июнь 2009 г. в Китае было принято 7 мер по ограничению импорта, в России – 9, в США – 9, в ЕС – 13, в Японии – всего одна [4, с. 80].

Развитие инноваций в "зоне объема" подразумевает нацеленность на сегмент среднего класса в странах Азии и других развивающихся экономиках. Здесь, в частности, предполагается разработка технологий снижения издержек при сохранении качества, активный маркетинг в указанном сегменте, поддержание условий для производства лицензированной продукции (через инвестиционные соглашения и соглашения об охране прав интеллектуальной собственности), отмена двойного налогообложения и др. Если до сих пор японские компании ориентировались, в основном, на верхний слой среднего класса и имели там прочные позиции (с высокой нормой прибыли), то теперь речь идет об освоении среднего слоя (норма прибыли низкая, но потенциально высокий объем).

Глобальное развертывание "низкоуглеродистой революции" означает формирование системы международного сотрудничества в целях сохранения энергоносителей и сокращения вредных выбросов, в частности, углекислого газа, а также продвижение стратегии по созданию за рубежом производств, основанных на чистых технологиях, в которых Япония является лидером.

Наконец, многоуровневое сотрудничество, включая промышленную кооперацию, со странами, богатыми природными ресурсами, предполагает дополнение дипломатии высокого уровня дипломатией такими мерами, как направление миссий (государственных и частных); заключение соглашений об экономическом партнерстве и инвестиционных соглашений; поддержка ресурсных экономик через предоставление технологий и построение отношений взаимности; усиление международных

обменов по всем направлениям, включая туризм, образование и др.

Таким образом, Япония в рамках своей внешнеэкономической стратегии выделяет ряд перспективных направлений, среди которых, безусловно, приоритетным является Азия, но в которых и для российско-японских экономических отношений появляются вполне определенные возможности для развития подлинного взаимодействия.



---

### Литература

1. URL: <http://www.meti.go.jp/report/whitepaper/index.html>
2. URL: <http://www.meti.go.jp/report/tsuhaku2009/index.html>
3. URL: [http://www.jetro.go.jp/en/reports/white\\_paper/](http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/)
4. URL: <http://www.meti.go.jp/report/data/g90527c01j.html>
5. Urata, Shujiro. Battling Protectionism in the Global Financial Crisis. *Global Asia*, Vol. 4, # 3, 2009. Pp. 76-81.

УДК 338 (520) (075.8) +338.12.0

Фокин Н.И.

## Японская ловушка. Где выход?

Japan trap. Where is the exit?

---

Японская ловушка рассматривается как ликвидная ловушка, которую рыночная экономика без вмешательства государства не способна скорректировать. Но это и такое состояние экономики, в котором не срабатывают традиционные инструменты экономического подъема – снижение процентных ставок и увеличение правительственных расходов. В то же время, по мнению автора, попадание экономики Японии в ситуацию длительной рецессии не является специфически японским явлением. У нее есть и универсальные для многих экономик черты. Некоторые из них характерны и для российской экономики. Но важность проблемы японской ловушки и в концептуальном и практическом плане осознается не многими экономистами. В этой связи рассматриваются возможные пути выхода из японской ловушки. Особо выделен предлагаемый американским экономистом П. Кругманом инфляционный путь выхода.

**Ключевые слова:** японская ловушка, рецессия, кризис, дефляция, ликвидная ловушка, инфляция, экономический рост, экономическая политика.



Japan's trap is scrutinized as a liquidity trap, which market economy is not able to correct without government interference. This is such condition of economy in which conventional instruments of economic recovery – interest rate cut and government spending increase – don't have function. At the same time in the judgment of the author long-run recession of Japanese economy is not unique to the Japanese phenomena. It has universal features. Some of them are inherent for Russia. But importance of Japan's trap both as conceptual and practical matter is realized by only few economists. In this connection possible ways out of trap are analyzed. The proposition of American economist Krugman for way of this situation was especially outlined.

**Key words:** Japan trap, recession, crisis, deflation, liquidity trap, inflation, economic growth, economic policy.

---

### Постановка проблемы

Глобальный экономический кризис породил специфические бестселлеры. Мировой бестселлер 2009 года под номером один – книга самого читаемого экономиста XXI века, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2008 год Пола Кругмана с характерным названием "Возвращение экономики депрессии и кризис 2009 года". У самой концептуально значимой, на наш взгляд, третьей главы этой книги также примечательное название – "японская ловушка" [8, с. 56-76]. Последние

данные о состоянии японской экономики накануне 2010 года еще раз убеждают в актуальности выделенной автором проблематики.

Японская ловушка – уникальная ситуация в экономике. Ее содержание – ловушка ликвидности. Ее фундаментальная характеристика – несрабатывание традиционных инструментов экономического оживления: дешевых денег и правительственных расходов. Ее первое проявление – пузыри на финансовых рынках. Ее последующее проявление и формат – рецессия с обострениями. Ее длительность – не имеет аналогий: свыше десяти лет. Ее интеллектуальные последствия – значительная потеря интереса к Японии со стороны многих экономистов, управленцев, бизнесменов, прежде всего, в США.

К последнему обстоятельству – потере интереса к Японии – Кругман возвращается неоднократно. Почему это произошло? Возможная причина – для американцев по-настоящему интересны только успешные экономики. Но это лежащее на поверхности объяснение. Глубинная причина – неготовность экономической науки и бизнеса воспринять то, что произошло и происходит в Японии. Воспринять то, что может быть названо движением по пути "от японского чуда – через японскую ловушку – к неопределенному экономическому будущему". Поэтому Кругман и пишет: "Я продолжаю изумляться, как мало экономистов во всем мире осознают, насколько важна проблема японской ловушки и в практическом плане, и как вызов всем нашим экономическим доктринам" [8, с. 73].

Между тем проблема японской ловушки не обойдена вниманием в российской экономической и востоковедческой литературе. В этом плане выделим опубликованную в 2007 году работу Е.Л. Леонтьевой с очень точным, на наш взгляд, названием "Дефляционный кризис в Японии" [2]. Название удачно передает остроту проблем японской ловушки, придавая им статус кризисных проблем.

### **Ловушка – не японская**

Почему же данная проблема важна? Потому что ее острота и содержание соотносится с экономическим кризисом. Потому что для многих исследователей японская экономика предстает как модель-ориентир. Потому что, и это на наш взгляд, главное, проблема японской ловушки важна в силу ее универсальности. Ранее данная ей характеристика, как уникальной ситуации в японской экономике, не является точной.

Что свидетельствует об универсальности японской ловушки?

Во-первых, ее предыстория.

С одной стороны – это предыстория не просто успеха, а неповторимого чуда. Японских темпов экономического роста ни одна страна, даже Советский Союз во времена Сталина, никогда не достигала. Поэтому и есть только одно экономическое чудо – японское, а не советское или южнокорейское, или индийское или какое-то другое. С другой стороны, важен тренд. В начале высокие темпы, потом замирание и проблемы с оживлением. Японию отличает только амплитуда разброса экстремальных точек этого тренда, а по своим изломам он является общим для многих стран, включая и Россию<sup>1</sup>.

Во-вторых, феномен пузыря.

С одной стороны, размеры японского пузыря не могут не впечатлять. В своей максимальной точке в начале 90-х годов японская экономика по капитализации компаний, то есть суммарной цене их акций, стала больше американской. Самый запоминающийся фактоид: ква-

<sup>1</sup> Совсем недавно (2007-август 2008 года) по темпам роста ВВП Россия отставала только от Китая и Казахстана и занимала 3 место в мире.

дратная миля земли под Императорским Дворцом в Токио стоила дороже всей территории американского штата Калифорния. Но причины раздувания пузыря не зависят от его размера, они универсальны для любой страны.

В-третьих, парадоксы новейшей экономической истории.

С одной стороны, Япония – вторая экономика мира, с высокообразованными и внутренне мотивированными к труду работниками, с современными производственными фондами, впечатляющими технологиями, стабильным правительством. Экономика, способная кредитовать многие нации. Экономика, по большому счету ни от кого не зависящая – несмотря на громадные абсолютные размеры экспорта его доля по отношению к ВВП относительно мала – в 2,5 раза ниже, чем в среднем в мире<sup>1</sup>.

С другой стороны, экономика, большую часть времени после начала 90-х, проведенная в просадке и сползании, то есть в состоянии, которое описывается понятием "slump", не сводимому к понятию "crisis". Экономика, с исчезающим положительным сальдо торгового баланса<sup>2</sup>.

Потерю одного десятилетия можно рассматривать как неблагоприятное стечение обстоятельств, внешний рок. Потерю второго, а Япония в этом состоянии уже 16 лет – внешними обстоятельствами не объяснить.

С учетом этих трех обстоятельств и ситуация в экономике Японии, описываемая понятием "ловушка", не является уникальной. Поэтому и сама ловушка предстает не как исключительно японская. Она – не только японская. Но в Японии она достигла своих зрелых форм, потому в исследовательском плане – более продуктивна. Исследовать ее важно и в силу неизбежности вопроса – если в ловушку попала Япония, то почему в нее не попадет Америка или другая страна?

### Как выйти из ловушки: анализ японского опыта

Для выхода из ловушки задействован весь конвенциональный набор известных подходов и инструментов экономической политики. Через учетную ставку Банка Японии достигнута понижающая динамика всего спектра процентных ставок. Цель – сделать кредиты доступными и через их доступность стимулировать инвестиционную и потребительскую активность в японской экономике. Через фискальную политику обеспечивается рост правительственных расходов. Цель – поддержать совокупный спрос.

С осени 2008 года реализуется программа антикризисных действий. Есть все основания рассматривать ее и как программу выхода из японской ловушки. Первое основание – временной формат программы. Она включает меры не только краткосрочного, но и среднесрочного и долгосрочного характера<sup>3</sup>. Второе основание – цели программы. Их три. Они фундаментальны. Они не сфокусированы исключительно на кризисе. Снятие общественного беспокойства с акцентом на поддержание уровня жизни и занятости [9, с.25]. Ускорение создания "общества устойчивости" через энергосбережение и 50 процентную самообеспеченность продовольствием. Содействие адаптации к новой структуре издержек и усиление потенциала роста через поддержку малых и средних предпри-

<sup>1</sup> Расчеты наши. В их основе – данные Мирового банка за 1999-2008 годы.

<sup>2</sup> Сальдо по торговле товарами составляет всего +5,1 млрд. долларов в двенадцати-месячном измерении [5, с.78]

<sup>3</sup> Например, среднесрочные эффекты должно дать стимулирование притока зарубежных портфельных инвестиций, в частности, освобождение от налога на прибыль юридических лиц инвестиций зарубежных паевых фондов в акции японских предприятий. Долгосрочный характер имеет деятельность специальной рабочей группы по изучению вопроса о стимулировании развития сельского хозяйства.



ятий и местных органов власти.

Отметим и такую уникальную особенность японской антикризисной программы как акцент на поддержке повседневной жизни людей и занятости. Он контрастирует с общепринятым пониманием антикризисных мер, таких, как проекты общественных работ. Оно выражается в поддержке внутреннего спроса не только через банки, а напрямую через людей. Знаковым и психологически важным символом такой поддержки стали ежегодные субсидии по 120 долларов на взрослого, 200 – на ребенка и престарелого. Сюда можно отнести и упрощение процедуры страхования для временных работников, снижение налоговых ставок для физических лиц; повышение необлагаемых налогом расходов на приобретение жилья составят до 60 тысяч долларов – исторически максимальной суммы налоговых вычетов.

Как оценить эффективность разработанной программы

Ее антикризисная составляющая реализована достаточно успешно. Но "антирецессионная" составляющая положительного эффекта не дала. Об этом свидетельствуют показатели экономического развития за 2009 год. С другой стороны, возможно, о положительных эффектах говорить преждевременно – значительная часть программы, как мы уже отметили – это меры среднесрочного и долгосрочного периода.

В то же время можно с достаточно высокой степенью аргументированности заключить, что сильно выраженное предпочтение ликвидности как состояние "медвежести"<sup>1</sup> резко ограничило стимулирующий эффект низкой цены денег. Низкие процентные ставки, оказались не способны оживить японскую экономику. К тому же их стимулирующий эффект выбран практически полностью: процентная ставка Банка Японии в ноябре 2009 года уже приблизилась к нулевой отметке – 0,1 процента [7]. И, как отмечают эксперты, Банк испытывает давление на понижение процентной ставки до нуля.

Можно заключить, что не работала и фискальная составляющая программы санации, несмотря на ее впечатляющие размеры. В целом за 90-е годы было запущено 10 программ бюджетного стимулирования. Единственный результат к которому они привели – нарастающий дефицит бюджета – в 2001 году он приблизился к 10 процентам от ВВП, а государственный долг – к 100 процентам, что отражалось на рейтинге страны [4]. Поэтому и в принятой в 2008 году последней программе антикризисного менеджмента заявлено осторожное отношение к возможностям инфраструктурных проектов.

Итоговый вывод – Япония все еще остается в состоянии перманентной рецессии и выход из ловушки пока не найден. Японская ловушка предстает как рецессия, которая не корректируется рыночным механизмом. Выход из нее требует государственного вмешательства. В связи с этим возникает вопрос, на что оно должно быть направлено, то есть в чем причины ловушки, и почему оно до сих пор не было предпринято, то есть кто виноват.

### **В чем причины ловушки или кто виноват?**

Палитра мнений в отношении причин рассматриваемого феномена широка. Здесь и отрицание рецессии как таковой<sup>2</sup>. И попытки объ-

<sup>1</sup> Термин Джона Мейнарда Кейнса – "bearishness". Если этот термин переводить буквально, то и приходится обращаться к такому неудачному новообразованию как "медвежесть". Если переводить содержательно – то это абсолютная эластичность кривой спроса на ликвидность.

<sup>2</sup> Например, "рецессия 90-х никак не сказалась на уровне жизни народа. Более того, японцы стали жить лучше – на 20 процентов" [1, с.200]

яснить ее высоким уровнем личных доходов<sup>1</sup>. И аргументированное объяснение рецессии замедлением капиталовложений [2, с. 3], и падением "жизненной силы" делового сообщества [3, с. 109].

Заслуживает внимания и объяснение Кругмана. Причины японской ловушки – в охватившей весь мир в конце 80-х глобальной эпидемии риска недобросовестного поведения. Ее спровоцировала финансовая либерализация. И если США в этих условиях показали "классический пример неосмотрительной, близорукой, подчас коррупционной политики" [8, с. 66], то Япония – пример вообще гротескный и неприемлемый<sup>2</sup>.

Но Кругман в своих рассуждениях идет дальше. Поиск причин ловушки не может быть ограничен поиском возможных просчетов, ошибок в выбранной стратегии экономического роста и конкретных действиях правительства. Таких просчетов, ошибок, особенно запоздалых действий – можно привести немало. Но даже если бы всего этого "субъективного негатива" и не было – японская экономика все равно могла бы оказаться в ловушке. Свой вывод он подкрепляет "кооперативно-ясельной" моделью кризиса. Ее усложненный вариант станет инструментом анализа японкой ловушки.

В реально существующей организации кооперативного типа – ассоциации молодых пар с детьми "Капитолийский Холм" – родители сами занимаются с детьми. За каждый час занятий получают купон. Он дает право отвести их ребенка на час другим родителям. Жесткой очередности, своего рода плана графика "сидения" – нет. Все решается оперативно, в рабочем порядке, в зависимости от ситуации. Если у пары выпадает несколько свободных вечеров, то они сидят с детьми и накапливают запасы купонов. Количество купонов ограничено. Ограничитель естественный – число детей. Поэтому накопление запасов купонов у одних пар – это уменьшение запасов у других пар.

Неизбежно появляются пары, считающие необходимым накопить достаточное количество "запасных" купонов. Для разного рода непредвиденных ситуаций в жизни. Эти пары стремятся сидеть с другими детьми, чтобы накопить их. Они делают все возможное, чтобы без весомой причины не расходовать купоны. Они берегут их для особого случая. Возможности сидеть с детьми постепенно сужаются, работа кооператива блокируется и в конечном итоге останавливается. А кооператив – это простейшая модель экономики.

Почему случился кризис? Не потому, что члены кооператива делали плохо свою работу. Не потому что не восприняли новые технологии общения с детьми. Не потому, что возникли семейственность или коррупция. Не потому, что кооператив не производил услуги.

Кризис случился, потому что отсутствовал эффективный спрос. Члены кооператива не расходовали наличные купоны, а наоборот, стремились накопить их. Спрос – это расходы, а расходы на время сидения с их детьми были малы, потому что пары стремились аккумулировать наличность – купоны.

Вывод – в реальном мире кризисы и вызванные им ловушки имеют малое отношение или вообще никакого отношения к состоянию фундаментальных параметров, к прочности или слабости экономики. Если предельно коротко, как заключает Кругман – "bad things can happen to good economies" – плохое может происходить и с хорошими экономика-

<sup>1</sup> Например, "уровень личных доходов настолько высок, что снижает конкурентоспособность экономики" [1, с.200]

<sup>2</sup> В условиях особенно "смазанных" связей в японской экономике, таких как в организации корпоративного бизнеса (keiretsu), было бы абсурдно принимать режим либерализации в предложенном формате. Но такой формат был принят и японский пузырь и надулся до абсурдных, то есть "гротескных пропорций" [8, с.66]

ми [8, с. 19]. Отсюда и вывод, что в попадании Японии в ловушку, в затянувшемся поиске выхода из нее никто не виноват.

Все это очень далеко от сложившегося стереотипа в объяснении причин кризиса, от многозначительных кивков в сторону международной финансовой архитектуры, монополии доллара и ипотечного кризиса в США.

### Что делать?

В зависимости от понимания причин японской ловушки предлагаются разные рецепты выхода из нее. В порядке вышеприведенных рассуждений:

- если ловушка как рецессия сопровождается повышением уровня жизни – то это "рецессия роста" и выход из нее не является настоящей необходимостью.

- если в основе проблем высокие личные доходы японцев, то "видимо, следует приостановить неоправданный рост зарплат" [А с. 200].

- если рецессия вызвана замедлением капиталовложений, то все усилия должны быть сфокусированы в этой точке.

- если попадание в ловушку – результат падения "жизненной силы" бизнес сообщества, то и нужно подпитывать эти силы в ожидании роста предпринимательской активности.

Что следует из модели ловушки, предложенной Кругманом?

Ответ подсказывает реальная жизнь – найденный выход из кризисной ситуации в действующем ясельном кооперативе. Его правление, состоящее в основном из юристов, увидело в кризисе не техническую проблему, а "структурную". А подобного рода проблемы требуют и соответствующих принципиальных решений. И такие решения были предложены. Их суть – обязать каждую супружескую пару минимум два раза в месяц приводить своих детей и тратить купоны.

Но, в конце концов, мнение экономистов возобладало. Были напечатаны дополнительные купоны. Результат превзошел все ожидания. Пары с большим запасом купонов стремились их потратить. Поскольку детей стали приводить больше и чаще, то и кооперативный ВВП увеличился.

Почему стал возможный счастливый финал? Рефрен тот же. Не потому что были проведены фундаментальные реформы. Не потому что изменилось отношение к занятиям с детьми. Не потому что появились новые технологии. Выйти из кризиса удалось потому, что порядок с купонами, то есть монетарный порядок, был исправлен.

Следует ли отсюда вывод, что из ловушки можно выйти простым печатанием денег? И да, и нет. Да потому что в увеличении денежного предложения – суть выхода. Нет, потому что увеличение денежного предложения обеспечивается не простым печатанием денег, а сложным процессом повышения способности банковской системы кредитовать бизнес и население.

В рассматриваемом кооперативе так и поступили. Его члены получили возможность занимать дополнительные купоны под проценты – за один купон необходимо было отдать больше. В таком случае исчезла необходимость держать большие резервы купонов – их можно было в любой момент занять.

Но спрос на купоны и их предложение не были стабильными. Он зависели даже от времени года. Например, зимой меньше возможностей для отдыха, предложение позаниматься с детьми других пар – растет. Большинство членов кооператива соглашались сидеть с другими детьми за все меньшую плату (процент). Но даже если процент будет нулевым, все равно много пар будут предлагать свои услуги, для того чтобы зара-

ботать купоны на лето. Накопленные резервные купоны не будут активно тратиться в ожидании лета, что еще более сузит возможности сидеть с другими детьми. Кооператив сползает в рецессию, оказывается в ловушке даже при нулевой ставке процента. Как предотвратить сползание, как не попасть в ловушку? Ответ только один – обесценить полученные зимой купоны. Как называется обесценение?

Поэтому ответ, который дает Кругман на знаковый вопрос "Что делать Японии?" – и восхищает, и разочаровывает. Как восхищает и разочаровывает любой простой ответ: все гениальное – просто, но все что просто – мы и сами знали, только не думали, что это и есть ответ.

Ответ – как путь выхода из японской ловушки – в ожидаемой инфляции. Нужно сформировать условия для того, чтобы ожидалась инфляция, чтобы росли цены. Только инфляция заставит тратить, только она отвратит от стремления сберегать и накапливать. Каким образом ее повысить – вопрос за рамками нашего исследования .

Сторонникам этой точки зрения приходится противостоять широко распространенному мнению, скорее даже вере, что ценовая стабильность всегда предпочтительна и желанна. Но важность ценовой стабильности не базируется на стандартных экономических моделях. Наоборот, учебник экономической теории применительно к японской ситуации, прямо укажет на инфляцию как на естественное решение проблемы ловушки. "Традиционная экономическая теория и традиционная экономическая мудрость – это не всегда одно и то же" – заключает Кругман [8, с. 75].

Отсюда и вывод – из японской ловушки можно с удивительной легкостью выйти. На наш взгляд, этот вывод следует переформулировать: проведенный анализ разных взглядов на данный феномен свидетельствует – экономические явления не так просты, как кажется. Они гораздо проще, в чем и заключается неимоверная сложность их понимания.



---

## Литература

1. Алексеев В.В. Очерки экономики Японии. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. 244 с.
2. Леонтьева Е.Л. Дефляционный кризис в Японии. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 56 с.
3. Пауэл Б. Объяснение японской рецессии. В кн.: Маэстро бума. Уроки Японии / Сб. статей; Пер. с англ. А.В.Фильчука; Под ред. А.В.Куряева. Челябинск: Социум, 2003. С. 109-129.
4. Япония будет активно бороться с дефицитом бюджета. URL:[http://www.forexpf.ru/\\_newses\\_/newsid.php?news=277830](http://www.forexpf.ru/_newses_/newsid.php?news=277830) [Дата обращения: 06.11.2009]
5. Economic and financial indicators//The Economist, August 1st, 2009. P.77-78.
6. Greenspan A.The age of turbulence. Printed in the USA, 2008. 563 p.
7. Japan forecasts no growth in 2009 URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/7791068.stm> [Дата обращения: 06.11.2009]
8. Krugman P.R. The return of depression economics and the crisis 2008. New York, London. W.W.Norton and Co, Inc., 2009. 193 p.
9. Mix of steps could create 1 million jobs//The Nikkei Weekly, 2009. March 16. P.25

УДК 323.15

Гайкин В.А.

## Корейская диаспора в Маньчжурии колониальных планах Японии (1910 – 1931 гг.)

Korean diaspora in Manchuria in colonial plans of Japan (1910 – 1931)

С 1910 г. по 1931 г. Япония проводила в отношении корейской диаспоры в Маньчжурии политику, получившую название "защита и покровительство". Её целью было использование корейских переселенцев в целях японской колониальной экспансии в Северо-Восточном Китае.

**Ключевые слова:** *корейская диаспора, японская экспансия, Туманган, "Меморандум Танака", Цзяньдао.*



The Japanese government implemented policy of "protection and patronage" to Korean diaspora in Manchuria from 1910 to 1931. The purpose of that policy was to manipulate Koreans for an accomplishment of the Japanese colonial expansion in Northeast China.

**Key words:** *Korean diaspora, Japanese expansion, "the memorandum Tanaka", Tumen River, Tzyandao.*

С середины XIX в. корейцы начали заселять и осваивать долину пограничной реки Туманган и к началу XX в. в этом районе сформировался своеобразный корейский анклав на китайской территории, получивший название Цзяньдао. По переписи 1907 г. в Цзяньдао проживало 72 076 корейцев и только 21 983 китайцев [11, т.1, с.326].

Попытки японских экспансионистов установить в 1907 – 1909 гг. административно-политический и военный контроль над Цзяньдао продемонстрировали китайским властям планы Японии использовать присутствие корейцев в Маньчжурии в качестве предлога для проникновения в Маньчжурию. Китай после заключения в 1909 г. "Договора о Цзяньдао" с Японией начал проводить политику сопротивления корейской иммиграции. Согласно Договору, разрешалось проживание ненатурализованных корейцев только в Цзяньдао [16, Р. 135]. Двойственность положения корейцев заключалась в том, что, оставаясь гражданами Кореи, они находились под юрисдикцией китайских властей Цзяньдао.

Однако корейцы жили и в других районах Маньчжурии – в провинции Цилинь, долине реки Ялуцзян, вдоль линий КВЖД и ЮМЖД. Во всех этих районах корейцы, живущие там "де-факто", юридически были бесправны и полностью зависели от произвола китайских властей, которые в принципе могли либо выселить не перешедших в китайское подданство корейцев (а таких было большинство) в Корею. В мае 1910 г. китайские чиновники распространили "Правила управления корейца-

ми", действовавшие в районах вдоль реки Ялуцзян, на уезд Цзиань. Согласно правилам, кореец, решивший переселиться в Маньчжурию, должен был за три дня до этого предупредить китайские власти (пункт 10) [11, т. 9, с.335]. Переходить в китайское подданство могли только лица, во-первых, вышедшие из корейского подданства, во-вторых, прожившие более трех лет в Китае.

Событием, ухудшившим отношение китайской администрации к корейской диаспоре в Маньчжурии стала аннексия Кореи Японией в августе 1910 г., после которой корейцы в Корею и за рубежом стали считаться японскими подданными. Граница между Китаем и Кореей стала границей между Китаем и агрессивно ведущей себя Японией.

Компромиссным результатом японо-китайских переговоров о корейских переселенцах был пункт, внесённый в "соглашение о корейско-маньчжурском прямом сообщении", которое было заключено в 1911 г. Пункт гласил: "Корейцы, давно проживающие в Китае, могут оставаться на месте жительства, другие же корейцы могут приезжать в Китай по железной дороге, только будучи снабжёнными "хучжао", то есть паспортом от китайского правительства" [5, с.14].

Помня о той роли, которую сыграли корейцы в недавнем споре из-за Цзяньдао<sup>1</sup>, китайское правительство провело ряд мер по ограничению проживания корейцев в Маньчжурии, видя в этом предпосылку для возможной агрессии Японии.

Японцы не упускали возможности играть роль защитников корейских переселенцев. 20 сентября 1913 г. газета "Сеул пресс" писала: "В уезде Аньдун китайские власти решили к концу ноября выселить за границу всех корейцев-арендаторов земельных участков. За корейцев вступился японский консул в Аньдуне, который обратился к властям с просьбой отменить распоряжение. Вследствие этого заступничества отношение к корейцам изменилось к лучшему" [4, 1913, № 159, с. 18].

Необходимо отметить, что китайская администрация проводила репрессии против корейцев, не принявших китайское подданство. Опасаясь гонений, корейские крестьяне в Маньчжурии стали массово принимать китайское гражданство. Переход в китайское гражданство поощрялся. По сообщению газеты "Далёкая окраина", "Пекинское правительство уведомило мукденскую администрацию, что корейцы, проживающие в Маньчжурии и принявшие китайское подданство, могут быть занесены в избирательные списки наряду с китайцами" [3, 1912, № 1719].

Правовое (а точнее бесправное) положение корейцев в Южной Маньчжурии несколько изменилось после 1915 г. Китайское правительство было вынуждено подписать с Японией договор, который вошёл в историю как "21 требование". Согласно первому пункту этого договора, японским подданным, которыми считались и корейцы после аннексии Кореи Японией, разрешалось проживание, занятия торговлей, аренда земли на длительный срок в Южной Маньчжурии [1, 1915, № 34, с. 241]. Таким образом, жившие в этих районах фактически бесправные корейцы, за исключением принявших китайское подданство, теоретически приобрели такие же права, как и корейцы Цзяньдао. Более того, являясь формально иностранцами (японскими гражданами), обладающими правом экстерриториальности, становились неподсудны китайским судам.

На укрепление японского влияния в Цзяньдао с 1920 г. выделялась особая статья экстраординарных расходов в бюджете "корейского генерал-губернаторства". И как утверждали колонизаторы, "правитель-

<sup>1</sup> См. об этом: Гайкин В.А. Проект "Туманган": из прошлого в будущее // Ойкумена. 2008. № 2. С.153-157.

ство в сотрудничестве с японскими консульствами в Маньчжурии делало всё возможное для их (корейцев – В.Г.) благосостояния, учреждая школы и больницы, проводя финансовые льготы, помогая беднякам во время стихийных бедствий" [13, с. 159]. На "помощь" корейцам было израсходовано в 1921 г. – 288368 иен, 1922 г. – 618072 иены, 1923 г. – 782095 иен, 1924 г. – 943764 иены. 1925 г. – 744071 иена, 1926 г. – 760849 иен, 1927 г. – 935949 иен [11, т. 10, с. 658]. С 1921 г. по 1927 г. расходы на эти цели возросли более чем в три раза.

Существовали и секретные фонды "Помощи маньчжурским корейцам". В закрытой инструкции от 15 мая 1919 г. указывалось, для каких целей предназначены эти средства: 1. Подкуп влиятельных лиц в среде антияпонски настроенных корейцев. 2. Ведение прояпонской пропаганды и пресечение антияпонской агитации. 3. Скупка антияпонских изданий для предотвращения распространения антияпонских идей. 4. Создание организаций для борьбы против патриотических антияпонских обществ [11, т.10, с. 102].

В 1921 г. министерство иностранных дел Японии заключило с маньчжурскими властями соглашение, разрешающее японским экспансионистам "заботиться" об образовании, состоянии здоровья корейских переселенцев, организовывать в Маньчжурии "общества корейских резидентов" [10, с. 284].

Экономическая политика в Цзяньдао проводилась через различные японские компании и банки, филиалы японских фирм, учреждённых в Маньчжурии. Их основная цель – финансирование вывоза сельхозпродуктов в Японию, закабаление корейских крестьян, установление контроля над пахотной землёй и производством сельхозпродуктов через кредитование производителей, скупка земель и эксплуатация арендаторов.

В 1911 г., когда в результате пожара в Лунцзинцуне сгорела половина домов, было основано "Канто кюсайкай" (Цзяньдаоское общество вспомоществования) "для оказания помощи" корейским погорельцам через предоставление ссуд [7, с. 258]. В секретном японском издании прямо говорилось " ...корейское генерал-губернаторство, чтобы расширить наше влияние...выделило 25 тыс. иен, чтобы сразу приступить к скупке земли в районе Лунцзинцуня, предоставляя ссуды корейцам под заклад их земли" [11, т. 9, с. 862]. Если проценты по ссудам не платились больше года, земля переходила в собственность "Цзяньдаоского общества вспомоществования", а кореец переходил на положение арендатора. До 1915 г. ссуды получили 73 корейца на общую сумму 12435 иен и 10 японцев на сумму 4150 иен [11, т. 9, с. 863].

В 1918 г. в Цзяньдао был основан филиал компании "Тотаку" (Восточно-колониальная компания), и функции "Канто кюсайкай" перешли к нему. "Тотаку" больше 80% капитала вкладывала в сельское хозяйство. С 1926 г. начала давать ссуды корейским крестьянам, в заклад принимался урожай за 70% рыночной цены [7, с. 259].

Одним из проводников японского экономического влияния в районах Маньчжурии, населённых корейцами, было "Тоа кангё кабусики кайся" ("Восточноазиатское общество поощрения производства"). Эта полуправительственная компания с участием капитала крупных монополий, занималась кредитованием корейских крестьян, скупкой земель в Маньчжурии. Земля зачастую покупалась на имя подставных лиц – китайцев [8, с. 175]. Капитал компании составлял в 1927 г. 20 млн. иен [11, т. 10, с. 621]. Правительство (японское?) оказывало ей регулярную помощь, которая увеличилась с 50 тыс. иен в 1922 г. до 150 тыс. иен в 1926 г. В Маньчжурии компания владела 126 300 тё земли, из них 2084 тё рисовых полей, которые обрабатывали 665 дворов арендаторов-

корейцев [11, т. 10, с. 679].

Особенно важную роль играли общества корейских резидентов (Тёсэндзинминкай). Первое такое общество было основано японским консулом в Аньдуне в 1913 г., затем были созданы общества в Цзяньдао в провинции Цзилинь. В уставе общества корейских резидентов в Тэлине было указано, что цель этой организации – повышение благосостояния её членов, улучшение санитарии, образования, развитие экономики. Председатель уездного общества назначал районных старост и старост "десятидворок".

Общества получали финансовые средства, как путём сбора членских взносов, так и через получение помощи из Японии. Так, общество в Аньдуне в 1928 г. получило от министерства иностранных дел Японии 8860 иен, от корейского генерал-губернаторства – 9410 иен [11, т. 10, с. 644]. В 1922 г. в Цзяньдао были открыты финансовые отделы обществ – в Тоудаогоу, Хунчуне, Яньцзи, Лунцинцуне. Финансовая деятельность заключалась в предоставлении ссуд "среднякам хозяйствам" [7, с. 255], и постепенном установлении контроля над сельским хозяйством Цзяньдао. До мая 1927 г. от финансовых отделов обществ ссуды получили 5617 дворов корейцев, то есть 10% корейских хозяйств Цзяньдао [11, т. 10, с. 368]. Учитывая, что ссуды предоставлялись главным образом середнякам хозяйствам, каковыми в условиях Цзяньдао были крестьяне-собственники, то в этой группе ссуды получили около 28% хозяйств [11, т. 10, с. 636].

Финансирование японским правительством этих обществ, которые представляли собой передаточный механизм контроля над корейцами со стороны консульств Японии в Маньчжурии, было важным инструментом японского политического и идеологического влияния. Деятельность этих структур заключалась в проведении переписей корейцев, различных обследований, руководство школами. Они вели идеологическую обработку корейской диаспоры, боролись с участниками национально-освободительного движения.

Экономическая экспансия японских компаний привела к тому, что торговля Цзяньдао всё более и более ориентировалась на Корею и Японию. В конце 1920-х гг. за границу, главным образом в Японию, вывозилось 50% всего урожая сельскохозяйственных культур [6, с. 73]. Оттуда ввозились промышленные товары, ткани.

В области идеологической экспансии японские колонизаторы главный упор делали на подрывную деятельность обществ корейских резидентов и целенаправленное школьное образование корейских детей в Маньчжурии. "Идеи, получаемые в школе, корейские дети несут в деревни. Нельзя пренебрегать работой органов просвещения среди корейцев", – писал японский автор [7, с. 253]. Учитывая, что корейские школы были тесно связаны с националистическим движением, с борьбой за независимость, японские колонизаторы стремились противопоставить им школы, управляемые японцами, и снабжаемые учебниками нужного содержания. Эти учебные заведения получали регулярные субсидии от школьных властей Кореи, ЮМЖД и различных организаций. Так 5 корейских школ Маньчжурии, управляемых администрацией северных провинций Кореи, получили в 1922 г. из бюджета Кореи около 120 тысяч иен [7, с. 253].

Активно осуществлялась идеологическая экспансия. 400 экземпляров японской газеты "Майнити симпо", издававшейся в Сеуле на корейском языке, бесплатно распространялись среди корейского населения Маньчжурии, 100 экземпляров сеульского журнала "Корея" с 1915 г. также бесплатно рассылались корейским землевладельцам Цзяньдао [11, т. 10, с. 661]. Ежегодно для (лояльных японцам) корейцев устраи-



вались экскурсии в Корею, вернувшись, они должны были рассказывать о той заботе, с которой колонизаторы относятся в Корею к корейскому народу. С 1917 г. по 1925 г. таковых в Корею побывало 414 человек [11, т. 10, с. 659, 660].

Резкое увеличение численности корейцев в Маньчжурии (В Цзяньдао, основном районе проживания корейцев в Маньчжурии в 1907 г. насчитывалось 72 056 корейцев, в 1921 г. – 307 806, в 1931 г. – 395 847) [11, т. 1, с. 326; 6, с. 68], растущая активность Японии в Цзяньдао, по существу превратившей этот район в свою полуколонию, заставили китайские власти принять радикальные меры в 1920-е годы.

Вторая половина 1920-х годов – это период гонений на корейцев, равных которым не было в истории корейской эмиграции в Китае. Правовой основой для преследования корейцев послужили, как ни странно, два японо-китайских секретных соглашения, инициатором заключения которых была Япония. Это – "Двустороннее соглашение о контроле над корейцами", заключённое 11 июня 1925 г. и получившее название "Договор Мицзя", и "Правила осуществления контроля над корейцами", заключённое 8 июля 1925 г. [9, с. 139]. Подписывая эти соглашения, японцы надеялись с помощью китайских властей пресечь антияпонскую деятельность корейских борцов за независимость в приграничных с Кореей районах Маньчжурии. Они давали право китайской администрации арестовывать корейцев, являющихся японскими подданными, невзирая на право экстерриториальности, и выдавать их Японии.

Однако для китайской администрации нежелательными были как корейские коммунисты, так и корейские крестьяне, которых японцы стремились использовать в качестве орудия колониальной политики. Вслед за заключением соглашений последовала серия законов и постановлений, выпущенных китайскими властями, обрушивших на корейцев Маньчжурии репрессии под предлогом борьбы с антияпонским движением. Эти законы преследовали цель, если не изгнать сотни тысяч корейцев из Маньчжурии, то запугать, заставить принять китайское подданство [9, с. 154-156].

За 1925 – 1926 гг. было зарегистрировано 30 случаев гонений на корейцев, основывавшихся на вышеуказанных постановлениях. Из них – 10 были в области образования, 5 – запрещение проживания, 4 – запрещение аренды земли, 4 – принуждение к натурализации, 1 – покупка земли, 6 – связаны с документами на проживание [9, с. 142, 143].

Рекордным по количеству инцидентов и интенсивности репрессий был 1927 г., когда было зарегистрировано 197 случаев. По мотивам они распределялись следующим образом: на первом месте – изгнание с места жительства (94 случая), на втором месте – принуждение к натурализации (36 случаев), на третьем месте – нарушение арендных прав (18 случаев), 12 случаев незаконного налогообложения, закрытие корейских школ (19 случаев), штрафы и прочее [9, с. 150, 151].

Японская пресса подняла кампанию, обвиняя китайские власти в преднамеренном преследовании корейцев и японских подданных и утверждая, что эти конфликты являются результатом действий, направленных против японской политики в Маньчжурии [2, 1928, № 7, с. 1].

Ненависть, питаемая китайцами к Японии и ко всему с ней связанному, переносилась на корейцев. Таким образом, Япония претворяла в жизнь излюбленное правило колонизаторов "разделяй и властвуй", вбивая клин между китайским и корейским населением Маньчжурии. Японские колонизаторы выработали специфическую многоцелевую политику в отношении маньчжурских корейцев, которая демагогически называлась "защитой и покровительством". Она являлась составной частью агрессивной политики Японии по установлению своего господства

в Северо-Восточном Китае.

Во-первых, Япония использовала лозунг "защиты корейцев" как предлог для посылки войск в Маньчжурию с целью территориальной экспансии. Присутствие корейских переселенцев в Маньчжурии стало фактором, усиливающим позиции Японии в этом регионе.

Во-вторых, целью политики "защиты и покровительства" было стремление Японии использовать корейских крестьян для японской сельскохозяйственной колонизации Маньчжурии. Колонизация этого региона силами японских колонистов по многим причинам не удалась [12, № 10, с. 54, 55, 56].

Третьей целью политики "защиты и покровительства" являлась борьба с антияпонским движением корейского населения Маньчжурии. Тем не менее, корейские переселенцы не стали послушным орудием японской агрессии. По данным японской разведки, "в конце 1921 г. 150 тысяч корейцев в Маньчжурии и Сибири находились под влиянием большевистской пропаганды" [15, с. 22]. Если японские карательные экспедиции, периодически (в 1910, 1920, 1930 гг.) вторгавшиеся в Северо-Восточный Китай для расправы с борцами за независимость, были кнутом, то "покровительство" было пряником, которым японцы надеялись привлечь корейское население на свою сторону, создать вокруг борцов за освобождение Кореи вакуум и тем самым обречь их на поражение.

Цели политики "защиты и покровительства" были сформулированы в секретном "Меморандуме Танака". В главе "Поддержка и защита корейской эмиграции" говорилось: "С одной стороны, мы сможем использовать натурализовавшихся корейцев, чтобы скупать землю под выращивание риса. С другой стороны, мы сможем увеличить им помощь через посредство "кооперативного общества", ЮМЖД и др., чтобы они могли служить передовым отрядом нашего экономического проникновения. Когда число корейцев достигнет 2,5 млн. или больше, их можно будет толкнуть на военные действия, если в этом будет необходимость, и под предлогом подавления корейцев мы сможем оказать им помощь" [14, с. 342].

Многие исследователи до сих пор спорят о подлинности "Меморандума Танака". Ограниченный объём статьи не позволяет нам высказаться по этой проблеме. Тем не менее, даже если предположить, что это искусно выполненная фальшивка, получившая международную известность, описание в этом документе политики Японии в отношении корейской диаспоры в Маньчжурии полностью соответствует (как это видно из статьи) тому, что было в действительности.



---

## Литература

1. Вестник Азии. Харбин. 1909-1916.
2. Вестник Маньчжурии. Харбин. 1925-1934.
3. Далёкая окраина. Владивосток. 1902-1920.
4. Китай и Япония. Обзор периодической печати. Хабаровск. 1910-1916.
5. Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи. – Известия восточного института, Владивосток. 1912. т.42-43. 320 с.

6. Мун Ындо. 1920 нѣндэ чо тонман чибан чосон инмин ы киѣгыш кусон ква сѣнхвал сантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев Восточной Маньчжурии в конце 20 – начале 30-х гг.). – Ёкса квахак. 1967. №1. с.61-79.
7. Мурата Ёсимаро, Усимару Дзюнсуке. Сайкин канто дзидзэ (Современное положение Цзяньдао). Сеул-Токио, 1927. 390 с.
8. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы). Токио, 1938. 242 с.
9. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок сільтхэ 1910-1930 (Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910-1930 гг.). – Пэксан хакпо, 1970, №9.с.133-290.
10. Сайкин ни окэру тѣсэн тиан дзёкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время 1938 г.). Токио, 1966. 360 с.
11. Тѣсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей).Токио: Канкокуси сирё кэнкюдзё. т.1-10. 1970 – 1971.
12. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антияпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы). – Рэкиси хёрон. Токио, 1962. № 6, 7, 9, 10.
13. Annual report on administration of Chosen 1926-1927. Keijo, Government-General of Chosen, 1928. 302 p.
14. The China weekly review. 1931. vol. 57. № 9. p. 330-356
15. The Journal of Asian studies. 1960. vol. XX. №1. p. 11-27.
16. Manchuria. Treaties and agreements. Washington, 1921.

УДК 952.023

*Пустовойт Е.В.*

## Деятельность японского правительства по преобразованию княжества Рюкю в префектуру Окинава в 70-х гг. XIX в.

Japanese central government activities for Ryukyu Clan reorganization into the Okinawa prefecture in 70-s of XIX century

---

В статье показаны основные моменты деятельности центрального японского правительства по преобразованию королевства Рюкю, а позднее княжества Рюкю в префектуру Окинаву в 70-х гг. XIX в. Поэтапные действия Японии позволили ей с минимальными затратами присоединить к своей территории центральную и южную части островов Рюкю. Неспособность рюкюского правительства противостоять Японии в военном и экономическом плане обернулись для последнего юридической ликвидацией маленького островного королевства.

**Ключевые слова:** *история Рюкю, рюкю-сёбун, префектура Окинава, Мацуда Митиюки, король Сё Тай.*



The paper shows the highlights of Japanese central government activities for Ryukyu Kingdom, and later Ryukyu Clan reorganization into the Okinawa prefecture in 70-s of XIX century. By stage-by-stage methods Japan managed to annex Central and Southern parts of Ryukyu Islands to its territory by least costs. The Ryukyuan government had no military and economical powers to oppose to Japan, and it became a juridical liquidation of a small island kingdom.

**Key words:** *history of Ryukyu, ryukyu-shobun, Okinawa Prefecture, Matsuda Michiyuki, Sho Tai King.*

---

Отечественные историки уделяют мало внимания изучению королевства Рюкю (японская префектура Окинава). Нет практически ни одной специальной работы, которая была бы посвящена древней, средневековой и новой истории Окинавы. В основном, внимание отечественных исследователей привлекают современные политические проблемы этой префектуры, связанные, главным образом, с присутствием американских военных баз на её территории. А ведь, могло случиться так, что Окинава не стала бы территорией Японии. Тем более, того, на протяжении длительного времени она в большей степени тяготела к Китаю. Да и сейчас не все окинавцы считают себя японцами, четко выделяя свой язык, историю и культуру. Как же Японии удалось присоединить архипелаг к себе? Какие мероприятия проводились в этом плане? Почему Китай, который долгое время считал королевство Рюкю своим вассалом, позволил Японии достаточно быстро включить архипелаг в состав империи. Ответу на эти вопросы и посвящена данная статья.

После реставрация императорской власти в 1868 г. Япония взяла активный курс на модернизацию страны. Реформированию подверглись практически все сферы жизни страны: государственное управление, политическая, экономическая, социальная и другие системы. Также кардинальные изменения произошли и в административно-территориальном устройстве Японии. Так, в 1871 г. впервые была введена новая территориальная система *фу-хан-кэн*, то есть были образованы префектуры *фу* (столичные) и *кэн*, при сохранении дореформенных княжеств хан [1, с. 41]. Затем последовал императорский указ об окончательном упразднении княжеств. В соответствии с этим указом в Японии было создано более 300 префектур, в том числе столичные *фу* – Токио, Киото и Осака. К ноябрю 1871 г. число префектур было сокращено до 75, а в 1888 г. – до 46. [1, с. 41].

Маленькое островное королевство Рюкю, которое находилось на самом юге Японии, в 70-х гг. XIX в. было присоединено к территории Японии и вошло в единую административно-территориальную систему Японии, став 47 префектурой, каковой и остается и по сей день. Процесс преобразования королевства Рюкю в префектуру Окинава условно можно разделить на три этапа с момента объявления королевства княжеством (кланом) Рюкю и до непосредственного образования префектуры Окинава. Первый этап – 1872-1874 гг., который характеризуется деятельностью Отделения МИД Японии на Рюкю. Второй этап (1874-1879 гг.) – открытие Отделение МВД Японии и передачи ему всех полномочий от Отделения МИДа после тайваньского инцидента<sup>1</sup>.

На третьем заключительном, этапе правительством предпринимаются конкретные меры по образованию префектуры Окинава и ее администрации под руководством специального чиновника МВД Мацуда Митиюки.

14 сентября 1872 г. королевство Рюкю, ставшее в 1609 г. вассалом южного японского клана Сацума, послало миссию в Японию в связи с образованием нового правительства Мэйдзи. В ходе визита рюкюским послам был вручен императорский указ, согласно которому Рюкю объявлялось княжеством (кланом), а король назначался его главой княжества с предоставлением аристократического титула. Кроме этого, вся деятельность княжества Рюкю подпадала под юрисдикцию Министерства иностранных дел Японии в лице его Отделения на Рюкю.

Японское правительство через своих уполномоченных лиц в Отделении провело ряд следующих мер. Во-первых, центральное правительство Японии приказало вывесить государственные флаги в госучреждениях островов Кумэ, Мияко, Исигаки, Ириомотэ, Ёнагуни, подчеркивая тем самым, что острова Рюкю является территорией Японии. Во-вторых, клану Рюкю предписывалось применять на своей территории уголовное законодательство Японии. Кроме того, все решения по смертным приговорам, принятые местными властями, необходимо было согласовывать с Министерством юстиции Японии. В-третьих, управлению княжеством Рюкю было приказано предоставить договора, которые королевство Рюкю заключило с западными странами. Изначально княжество отказалось выполнить это требование, но под давлением центрального правительства это было исполнено. В-четвертых, при назначении на должности регента и *сансикан* (министр в правительстве Рюкю) княжеству необходимо было получить одобрение кандидатур и разрешение на их назначение от центрального правительства. Впервые это положение

<sup>1</sup> В декабре 1871 г. транспортное судно с острова Мияко, перевозившие в Наха собранные налоги, потерпело крушение у берегов Тайваня. Большая часть экипажа была убита местными жителями. Это послужило предлогом для японского правительства предъявить свои требования цинскому правительству Китая.

было применено при вступлении в должность *сансикан* Ёнабару *узката* в июле 1877 г.

Кроме вышеперечисленных мер в обязанности отделения МИД входило пересылка княжеству Рюкю правительственных предписаний и распоряжений. По словам Каварада Морихару (чиновника Отделения МВД Японии в княжестве Рюкю) полномочия сводились "к функциям и обязанностям посольств и консульств за границей" [5, с. 66].

12 июля 1874 г. управление делами княжества Рюкю перешло от Министерства иностранных дел к Министерству внутренних дел Японии. Возможной причиной передачи полномочий одного ведомству другому послужил инцидент на Тайване. В декабре 1874 г. после завершения переговоров в Пекине по тайваньскому инциденту министр внутренних дел Окубо Тосимити представил Сандзё Санэтоми, члену государственного совета *Дайдзёкан*, доклад "Прошение о мерах по преобразованию княжества Рюкю". [3, с. 250]

В этом докладе Окубо предлагал признать острова Рюкю территорией Японии, мотивируя это тем, что неопределенность с юридическим статусом княжества дает основания иностранным государствам не считать эти острова территорией Японии в дальнейшем. Действительно, юридический статус Рюкю не был точно определен: его можно было трактовать по-разному – являются ли эти острова территорией Китая, Японии, или другого государства, или они обладают собственной независимостью.

Здесь необходимо отметить один немаловажный момент. В японской исторической литературе для обозначения мер японского правительства по присоединению Рюкю к Японии используют термин "*рюкю-сёбун*", который можно перевести, как "ликвидация Рюкю", "аннексия Рюкю" и др. Однако "ликвидации" или "аннексии" Рюкю в прямом смысле этого слова не происходило. Под термином "*рюкю-сёбун*" необходимо понимать процесс юридического преобразования королевства (княжества) Рюкю в префектуру Окинаву со всеми вытекающими из этого последствиями. Безусловно, что в ходе преобразования были упрощены и ликвидированы некоторые институты королевской административной, законодательной и судебной систем. Однако полного уничтожения или ликвидации Рюкю, как своеобразного культурно-исторического самобытного региона, не произошло. Кроме этого, среди окинавских историков используется специальный термин для обозначения "реорганизации Рюкю и образования префектуры" – *хайрютикэн* по аналогии с японским термином *хайхантикэн* ("реорганизация феодальных княжеств и образование префектур") [4, с. 46].

Специальным посланником МВД Японии по проведению *рюкю-сёбун* был назначен Мацуда Митиюки. 14 июля 1875 г. он прибыл в замок Сюри и передал высшему руководству княжества Рюкю требования правительства Японии. Они состояли в следующем: 1. приостановка отправки дани в Китай и миссий по случаю восшествия на престол нового императора Поднебесной; 2. приостановка принятия китайских миссий *саппо* по случаю смены главы княжества; 3. использование японского летосчисления от эры Мэйдзи (до этого королевство Рюкю использовало два официальных летоисчисления: японское и китайское); 4. отправка в столицу трех ответственных лиц для изучения судебно-правовой системы Японии; 5. реформирование клановой системы Рюкю; 6. отправка в Токио 10 человек для изучения новой ситуации в Японии; 7. ликвидация *Рюкюкан* (Представительство королевства Рюкю в Китае) в китайской провинции Фучжоу; 8. отправка главы княжества Сё Тай в столицу; 9. учреждение гарнизона [3, с. 251].

Помимо этого, Мацуда потребовал введения на территории кня-

жества японского законодательства. После оглашения всех требований высшее руководство княжества отказалось от разрыва отношений с Китаем, использования японского летоисчисления и реформирования государственной системы княжества, но согласилось провести некоторые изменения во внутренней политике.

Следующей мерой по подчинению Рюкю явилась реформа судебной системы княжества. Так, 13 сентября 1875 г. Отделение МВД на Рюкю направило прошение в МВД Японии с просьбой расширить полномочия Отделения. А 15 мая 1876 г. министр внутренних дел Окубо направил члену государственного совета Японии Сандзё Санэтоми представление "В отношении суда по уголовным и гражданским делам, возникающие между жителями княжества Рюкю и жителями Японии, проживающие на Рюкю", в котором предлагалось предоставить Отделению МВД все судебные и полицейские полномочия. [2, с. 257]. 17 мая правительство Японии утвердило это предложение и предоставило Отделению МВД на Рюкю все судебные и полицейские полномочия, касающиеся японцев. На должность судьи на Рюкю был назначен Кинаси Сэйитиро.

26 июля 1876 г. он был назначен главой Отделения МВД на Рюкю. В его распоряжении находился гарнизон сухопутных войск. Штат Отделения возрос до 43 человека за исключением обслуживающего персонала [5, с. 71]. На действия японского правительства по усилению полномочий Отделения руководство княжества выразило решительный протест и потребовало вернуть Рюкю право самому рассматривать гражданские и уголовные дела местных жителей. Однако правительство Японии отказало.

Рюкюское правительство не в состоянии было противостоять действиям, которые японцы проводили в княжестве. Скорее всего, руководство Рюкю предполагало, что данные японские меры будут носить временный и необязательный характер для их страны. Предполагаемая опора на Китай и на особые вассальные отношения со своим сюзереном убеждали рюкюсцев, что при необходимости последний сможет защитить Рюкю, военным или дипломатическим путем поможет отстоять самостоятельность Рюкю. Но Китай не имел возможности противостоять Японии в этом вопросе.

В ноябре 1878 г. Мацуда Митиюки, ставший к этому времени главным секретарем Министерства внутренних дел, по приказу министра внутренних дел Ито Хиробуми составил и внес на рассмотрение "План реорганизации княжества Рюкю", предусматривавший преобразование княжества Рюкю и образование префектуры Окинава. Этот план был утвержден правительством 27 декабря 1878 г.

11 марта 1879 г. в МВД Японии поступил императорский указ о образовании префектуры Окинава и назначении на должность исполняющего обязанности губернатора Кинаси Сэйитиро [2, с. 257]. По приказу Мацуда этот приказ разослали по всем районам уже бывшего княжества Рюкю. С целью сохранения существующей административной системы внутреннего управления княжеством Рюкю 28 марта всем чиновникам в городах Сюри, Наха, Кумэ-мура, Томари и остальных районах-магири было приказано не оставлять должностей и заниматься своими прямыми обязанностями, как и ранее.

В самом начале, центральное правительство Японии утвердило первоочередной курс внутренней политики на Окинаве для первых губернаторов. Согласно этому курсу от губернаторов не требовалось скорейшего проведения реформ по аналогии с центральной Японией. Главное для них было не разрушить земельную систему, торговлю, местные обычаи и традиции населения Рюкю. В дальнейшем такая политика привела к катастрофическим последствиям на Окинаве: экономической дегра-

дации населения, массовой миграции за пределы префектуры Окинавы, продовольственному кризису, сохранению полуфеодальной земельной системы на отдельных островах Сакисима. В результате нежелания властей Японии во второй половине XIX века проводить качественные преобразования там, префектура Окинава осталась самым малоразвитым и экономическим отсталым районом Японии на несколько десятилетий.

Четвертого апреля 1879 г. правительство Японии официально сообщило о преобразовании княжества Рюкю в новую префектуру Окинава. С этого момента королевство Рюкю (с 1872 г. – княжество, клан) юридически прекратило свое существование. В это же день Мацуда приступил к формированию административной системы префектуры: созданию департаментов, отделов и должностей.

После отъезда Мацуда Митиюки 21 июня было ликвидировано Отделение Министерства внутренних дел Японии, а управление префектурой было возложено на первого губернатора Набэсима Наоёси, который прибыл на Окинаву еще 18 мая.

Таким образом, существовавшее на протяжении 500 лет королевство Рюкю окончательно потеряло свою независимость и вошло в состав Японии. Поэтапные действия японского правительства позволили ему с минимальными затратами расширить свою территорию. С какой же целью Япония в эпоху правительства Мэйдзи решилась на такой шаг? Скорее всего, здесь четко прослеживается политика Японии по экспансии и расширению своей территории, стремление стать сильной азиатской державой. Двусторонние договоры между Рюкю и западными странами делали островное королевство удобным опорным пунктом для размещения военных баз и флота других стран, что, в первую очередь, могло угрожать безопасности Японии.

Несмотря на давние вассальные связи Рюкю и Китая, первые шаги японского правительства по образованию не вызвали резкой критики и протеста со стороны Поднебесной, что позволило Японии считать свои действия правомочными. Переговорный процесс по статусу Рюкю между Китаем и Японией, проходивший уже после образования префектуры Окинава, показал, что решение проблем бывшего островного королевства не входило в повестку дня политической элиты Китая, сконцентрированной на политике "самоусиления" и решения своих территориальных и внутренних проблем (проблема Илийского края и другие).

Но для рюкюсцев вассальные отношения с Китаем стали традицией, обычаем, от которого они не могли отказаться. Они рассматривали их не просто как символическое подношение дани и получение инвестиции для нового короля, в Китае они видели своего защитника, покровителя и учителя. Тем сильнее было их разочарование позицией Китая. Не имея достаточной военной и экономической сил, рюкюсцы ничего не могли противопоставить экспансионистской политике Японии.

Консервативно настроенная группа рюкюсцев была уверена в получении военной помощи и поддержки из Китая, для чего многие рюкюские высшие аристократы тайно эмигрировали в Китай за поддержкой. Либерально настроенная группа рюкюсцев признавала свою неспособность отстоять независимость и надеялась на улучшение своего социально-экономического положения. Но ни та, ни другая группы не получили ожидаемого.

Таким образом, отсутствие политической воли у тогдашних лидеров королевства; раскол на две группы – сторонников искать помощи у Китая и сторонников подчиниться давлению Японии; пассивная позиция Китая, занятого своими внутренними проблемами, и не желающего обострять отношения с Японией, привели к тому, что архипелаг Рюкю стал частью Японии, хотя определенная часть населения в глубине души до



сих пор не согласна с этим.

С образованием префектуры Окинава началась новая история островов Рюкю (Амами, Окинавы и Сакисима), дальнейшую судьбу которых решало уже центральное правительство Японии.



---

### Литература

1. История Японии. 1868-1998 гг. / под ред. А. Жукова. Т.2, – М.: Наука, 1999. 703 с.
2. Иноуэ Хидэо. Окинава си гайрон = Очерки по истории Окинавы. Наха: Иноуэ Хидэо, 1972. 281с. Яп.яз.
3. Киндзё Сэйтоку. Рюкю сёбун рон = Преобразование Рюкю. Наха: Окинава таймс, 1980. 350 с. Яп.яз.
4. Окинава кэн но хякунэн: кэнмин хякунэн си = Сто лет префектуре Окинава: столетняя история жителей префектуры. Токио: Ямакава сюшанся, 2005. 278 с. Яп.яз.
5. Синрюкюси. Киндай, гэндай хэн = Новая история Рюкю. Новейшее время и современность. Наха: Рюкюсимпося, 1993. 398 с. Яп.яз.

УДК 82.0

Бреславец Т.И.

## Послевоенные сочинения Дадзай Осаму<sup>1</sup>

### Dazai Osamu's Post-War Works

---

В заключительный период жизни (1945-1948) Дадзай Осаму (1909-1948) пишет повести "Заходящее солнце" ("Сяё") и "Потерянный человек" ("Нингэн сиккаку"), которые становятся шедеврами среди его книг. Они полны рефлексии, чувства сожаления и вины. Мотивы смерти, отчаяния, деградации характеризуют послевоенные сочинения Дадзай. В это время он известен как писатель "Неоразвлекательной группы" ("Сингэсакуха").

**Ключевые слова:** Япония, война, абсурд, литература, индивидуум.



In the last period of the life (1945-1948) Dazai Osamu (1909-1948) writes the novels "The Setting Sun" ("Shayo") and "No Longer Human" ("Ningen sikkaku"), which are known as masterpieces among his books. These stories are filled with reflections, regrets and confessions. Motives of death, despair, degradation characterize Dazai's post-war works. He is known as a writer of "Neo-Entertaining group" ("Singesakuha") at this time.

**Key words:** Japan, war, absurd, literature, individual.

---

В творчестве Дадзай Осаму (Цусима Сюдзи, 1909-1948) нашло отражение самоотчуждение личности с его настроениями саморазрушения и усталости. Автор как видный представитель "Неоразвлекательной группы" ("Сингэсакуха") свое пессимистическое мироощущение выразил в последних произведениях – повестях "Заходящее солнце" ("Сяё", 1947 г.) и "Потерянный человек" ("Нингэн сиккаку", 1948 г.), в которых показал состояние упадка человека и общества. В этих работах нельзя не видеть отпечатка психоанализа З. Фрейда, литературы Д. Г. Лоуренса, философии экзистенциализма. Выдающийся мастер слова, Дадзай отразил в художественных произведениях трагедию своей эпохи, метания интеллигенции, собственные душевные страдания.

В период 1945-1948 гг. его творчество начинает окрашиваться во все более мрачные тона, обретая пессимистическую направленность. Оно проникается настроениями абсурдности бытия и никчемности человеческого существования. В героях повести "Заходящее солнце", которая стала широко известным произведением Дадзай, в полной мере реализовалось его видение мира и человеческих судеб в нем. В Японии даже

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации. Программа "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010)", проект "Проблемы развития литератур Дальнего Востока в XX веке". № 2.1.3/1668.

появилось выражение семьи заходящего солнца (сяёдзоку) для пришедших в упадок аристократических семейств. В этом отношении повесть перекликается с пьесой А. П. Чехова "Вишневый сад", о которой не раз упоминается в книге.

Главные герои произведения – Кадзуко, выступающая рассказчицом, ее брат Наодзи, их мать, последняя из аристократов, и писатель Уэхара Дзиро. Все они переживают глубокую депрессию, страдая от последствий войны. В повести создана атмосфера упадка, духовного опустошения, деградации человеческой сути. Аристократическая семья оказалась разоренной. Переехав в деревню, две беспомощные женщины, мать и дочь, пытаются наладить свой быт. Мать, не в силах вынести безысходности, заболевает туберкулезом и медленно угасает.

Жена писателя Уэхара безропотна и смиренна, боится причинить мужу какое-либо беспокойство, сосредоточенно заботится о семье. В отличие от нее Кадзуко ниспровергает нормы общепринятой морали, восстает против традиционной добродетели, заявляя о своей непокорности судьбе. "Я очень живо представляю себе, – говорит она, – что если буду и дальше влечить такое существование, сама моя жизнь начнет разлагаться, как разлагается прямо на дереве лист банана, и от этого мне становится страшно. Я не могу этого вынести. Поэтому я хочу бежать от такой жизни" [1, с. 85].

В письмах к писателю Уэхара она открыто его добивается, чтобы выбраться из нищеты. Вскользь упоминается, что за лето она прочла один роман Лоуренса. Это замечание характеризует героиню как женщину, стремящуюся к самореализации в своих естественных желаниях, и роль соблазнительницы измученного писателя ее не смущает. В письме к нему она говорит: "Я люблю безнравственных людей. Люблю тех, у которых на лбу написано, что они аморальны. Я бы и сама с удовольствием стала безнравственной, и пусть это будет написано у меня на лбу. Мне кажется, что только тогда я смогу выжить" [1, с. 94].

Она полемически настаивает на падении как условия выживания. Кадзуко переполнена эмоциями и мечтами, а действительность населяет литературными героями, сравнивая с ними окружающих. Похоронив мать, она понимает, что нельзя бесконечно предаваться скорби, и переходит в наступление, борясь за осуществление своей любви. На этом пути ее ведут слова Иисуса Христа, обращенные к двенадцати ученикам, которых он направлял в мир, чтобы разоблачать лицемерие и возвещать об истинной Божественной любви. Обращение писателя к Библии, безусловно, является провокационным приемом, но только он способен высветить кризисное состояние личности, утратившей все ценности, кроме любви: "Интересно, рассердится ли на меня Иисус Христос, если я дам клятву свято следовать этим его заповедям, но только ради плотской любви? Я не понимаю, почему так дурна плотская любовь, и чем она хуже любви целомудренной, – недоумевает Кадзуко. – Я не могу отделаться от ощущения, что в сущности это одно и то же. О, я способна заявить во всеуслышанье: есть человек, который ради этой непонятной целомудренной любви, ради плотской любви, ради печали, от нее неотделимой, готов погубить душу и тело в геенне огненной, и этот человек – я" [1, с. 116].

Она безоглядно отказывается от норм морали, преодолевает запреты, устремляясь к страстной любви, разрушает свое прошлое, надеясь на возрождение в новой жизни. Добившись цели, Кадзуко решительно отказывается от Уэхара, проявляя волю и твердость характера. В последнем письме к нему она торжествующе объявляет: "Мое желание исполнилось, и душа обрела покой – так спокойно бывает только лесное озеро. Я победила. Дева Мария понесла не от мужа своего, но, родив, она

вся лучилась от гордости и стала Богоматерью. Я испытываю глубокое удовлетворение от того, что, без колебаний преступив старую мораль, смогла обрести прекрасного младенца" [1, с. 140].

Кадзуко совершает революцию, ниспровергая моральные устои старого мира: "Родить ребенка от любимого человека и воспитать его – вот моя революция!" [1, с. 141]. Свою позицию она противопоставляет "революционной" демагогии Уэхара и ему подобных.

В образе Наодзи, неудавшегося литератора, предстает молодой Дадзай Осаму, каким он был в пору создания сборника рассказов "Последние годы" ("Баннэн", 1936). Наодзи пристрастился к наркотикам, о чем свидетельствовали бессвязные записи в его дневнике. В юности он был увлечен левыми идеями, но скоро на смену политическому активизму пришло разочарование, повергшее его в отчаяние: "Идеи? Ложь. Принципы? Ложь. Идеалы? Ложь. Порядок? Ложь. Искренность? Истина? Чистота? Все, все – ложь" [1, с. 73].

Ему претит лицемерие людей, их мелочная расчетливость. "Справедливость? Вряд ли суть так называемой классовой борьбы именно в этом. Гуманность? Чушь! Уж я-то знаю, – уверяет он. – Низвергать других ради собственного благополучия. Убивать. Если это не смертный приговор, то что же? Нечего притворяться!" [1, с. 75-76].

С началом войны на Тихом океане Наодзи был призван в армию и отправлен на фронт, откуда вернулся "бледный как смерть", разбитый физически и совершенно деморализованный. Он прожигает жизнь, уже не видя в ней смысла, и доводит себя до самоубийства. В предсмертной записке Наодзи слышится жалоба самого Дадзай, который через год уйдет из мира.

С последними словами Наодзи обращается к сестре, развертывая перед ней историю своего поражения. Невозможность перейти на позиции пролетариев, завоевать их доверие, действовать на основе грубой силы заставляет его отказаться от попыток слиться с "атакующим классом". В великосветской среде, которой он принадлежит по рождению, он также не находит отклика своим устремлениям к добру и красоте. Дадзай выдвигает проблему существования индивида во враждебном обществе, когда единственным выходом для человека остается смерть.

Позиция Наодзи сравнима с убеждениями Мерсо, героя повести Альбера Камю "Посторонний" (1942 г.) Невольный убийца, он "осужден за то, что не играет в игру окружающих, – утверждает писатель. – В этом смысле он чужд обществу, в котором живет. Он бродит в стороне от других по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Он отказывается лгать... Он говорит то, что есть на самом деле, он избегает маскировки, и вот уже общество ощущает себя под угрозой" [3, с. 11].

В предсмертной записке Наодзи рефреном звучат угнетающие его слова о том, что все люди одинаковы. Протестуя против нивелировки личности, он расценивает эти слова как исключительно пошлые, в которых выражается презрение и к другому, и к самому себе. Они лишают человека необходимости прилагать усилия, идти путем самосовершенствования. "Однако эти продиктованные ревностью слова, – пишет Наодзи, – каким-то чудом претворились в идею, были подхвачены простым народом и начали свое триумфальное шествие по миру. Пусть сначала они не были связаны ни с демократией, ни с марксизмом, но со временем им удалось как-то незаметно соединиться с соответствующими политическими и экономическими теориями и приобрести удивительно вульгарный привкус" [1, с. 131]. Из дилеммы "непохожесть и одинаковость" творческая личность извлекает "непохожесть", преодолевая ограниченность, диктуемую обществом, но оказывается не в состоянии существовать в мире заурядности.

В образе Уэхара писатель также выводит самого себя, показывая человека, находящего "на пути к гибели", выдвигающего нигилистические идеи. Это саморазрушающаяся личность, которая постепенно умирает. Встретившись с Уэхара после долгих лет разлуки, Кадзуко обнаруживает перед собой, неизвестное существо, погибающее от туберкулеза.

Разочарованный человек, он груб и агрессивен, в нем сошлись безучастность интеллектуала и бунтарство крестьянина. Дадзай раскрывает обособленное сознание человека, отгороженного от общества, прозябающего в границах собственной конечности. Он пассивно отдается течению событий, а сам уже не способен на глубокое чувство. Союз Кадзуко и Уэхара осуществился на изломе времен, когда новая Япония еще не родилась, а старая уже погибла, и он выглядит очередной карикатурой писателя на события послевоенной эпохи – хаос и разруху, царящие на земле и в душах людей.

Повесть производит впечатление "литературы поражения", герои которой выведены как жертвы своего времени, но Дадзай поэтизирует это поражение, говоря: "Жертвы – вот самое прекрасное, что есть в этом мире" [1, с. 141]. Повесть пронизывает мотив гибельности, воплощенный в судьбах ее героев.

Кадзуко, единственная, кто остается в живых, тоже осознает себя жертвой, но в то же время ей присущи черты демоничности. Она ощущает в себе вампирическую способность лишать жизненной силы окружающих, и в первую очередь это касается ее отношений с умирающей матерью, из которой она как бы высасывает все соки, хоть и противится этому [1, с. 50]. Разрушительны столкновения Кадзуко и с братом Наодзи, поскольку она оспаривает у него любовь матери [1, с. 63-64]. Противоборство сестры и брата завершается победой Кадзуко: в то утро, когда она пережила счастье осуществления своей мечты, ее брат покончил с собой.

Новая жизнь, которую носит в себе Кадзуко, заставляет ее отрицать прошлое, отказаться от настоящего и смело смотреть в будущее, смиренно полагая, что ее предназначение состоит в преодолении. Связь с Уэхара она не считает падением, напротив, она горда своим преодолением – способностью на дне гнетущей тоски, бессилия, отчаяния найти возможность выжить и прожить жизнь до конца. В женском оптимизме, в возможностях креативности, Дадзай предлагает видеть разрешение конфликта между индивидом и обществом, любовью и идеологией. Кадзуко осмысляет ход истории и ее цели как условие воспроизводства всего живого на земле в единстве духовного и плотского.

Тема любви варьируется Дадзай в различных обстоятельствах жизни героини – от мимолетной встречи Кадзуко с молодым офицером до ее роковой страсти к писателю Уэхара. Этой страсти, которая удерживает человека в жизни, противопоставлена трогательная несбывшаяся любовь Наодзи к Суга, жене Уэхара, которая рисуется как символ благородства и чистоты.

Дадзай создал многоплановое произведение, в своеобразную структуру которого включены дневник Наодзи и его предсмертная записка, а также письма Кадзуко к Уэхара. Все это сообщает повести колорит субъективного изложения, сквозь который реалии бытия проступают размытыми, придавая суггестивной стилистике писателя дополнительные краски. Психологический анализ чувств, отношений, переживаний проводится с предельной искренностью, и картина страданий достигает убедительной полноты.

Последним крупным сочинением Дадзай стала повесть "Потерянный человек", в которой герой по имени Оба Ёдзо ведет рассказ о своей горькой судьбе. Повесть считается автобиографической, поскольку

ее события сходятся с фактами жизни писателя, однако, литературно переосмысленные, они выводят портрет того поколения, которому принадлежал автор.

В трех частях произведения автор последовательно изучает путь падения своего героя – от детских страхов до взрослой ущербности. В заключение Ёдзо видит в отце источник всех бед и обвиняет его в бесплодности собственной жизни: "Новость об отце подействовала на меня ошеломляюще. Нет отца, не стало того близкого и одновременно очень страшного человека, о котором я никогда не забывал ни на миг; я ощутил, что сосуд моих страданий опустел. И такая мысль пришла в голову: не из-за отца ли столь тяжел был этот сосуд страданий? Мною овладела полнейшая апатия. Я потерял способность даже страдать" [2, с. 150].

С детских лет Ёдзо тревожат проблемы человеческого существования, которые "испепеляют его душу", он задается вопросом: ради чего люди живут? "Чем чаще я думал об этих вещах, – признается он, – тем меньше понимал и тем большее беспокойство терзало меня. А также страх, что я один не такой, как все. Я не в силах общаться с целым миром" [2, с. 15]. Сознание собственной исключительности порождает фобию, и Ёдзо теряет способность к социализации. Он ищет средство отгородиться от мучительного для него мира людей, если нельзя с ним полностью порвать, и находит его: "И тут меня осенило: надо стать паяцем" [2, с. 15]. С этого момента жизнь героя превращается в трагифарс. Психологически достоверно Дацзай показывает, что "шутовское кривляние", "гримаса улыбки", "притворство", "ни слова правды" становятся единственной нитью, связывающей его с людьми, доступным для него видом общения.

Ёдзо не имеет представления о делах родных, ощущает себя чужаком в семье с ее унылым существованием и понимает, что никогда не сможет выйти из этого круга отчуждения, пребывания вне жизни. Учеба в средней школе явилась для него тягчайшим испытанием, ученики и учителя внушали ужас. "В эти годы служанки и слуги обучили меня кое-каким гнусностям, целомудрия я лишился..." – признается герой [2, с. 24]. Раствление окончательно сделало из него изгоя. Столкновение с изнанкой жизни, с несправедливостью и лживостью заставляют его еще больше замкнуться в себе.

Поступление в школу высшей ступени хоть и стало новым этапом в судьбе Ёдзо, но не изменило его невысокого мнения о человечестве. Однако в этой среде он случайно обретает товарища. Дацзай прибегает к приему контрастного противопоставления персонажей и выводит Такэити как антипода Ёдзо. Герой был потрясен тем, что Такэити разгадал его уловки, нарочитое кривляние, и из страха быть разоблаченным подружился с ним, приручил его. Он, конечно, не допускал возможности доверительной дружбы и на этом убеждении строил свои отношения с ним.

Загадочную часть человечества для Ёдзо составляли женщины – эти "непостижимые существа", с которыми он тоже всегда держался настороже, но они к нему относились благостно. Он выделяет в них такие качества, как импульсивность, азартность, непринужденность, а также веселость и стремление к полноте ощущений.

В юности Оба Ёдзо переезжает из провинции в Токио, чтобы "учиться в старших классах столичной гимназии", и мечтает стать большим художником, однако в городе его постепенно затягивает богемная среда. Его приятелем становится Масао Хорики, который был старше его на шесть лет и занимался европейской живописью. Он научил Ёдзо "пить сакэ, курить, развлекаться с проститутками, закладывать вещи в ломбард и разглагольствовать о левых идеях" [2, с. 45]. Непринужденность

была кажущейся. "Скованность, робость, безотчетная тревога, страхи почти доводили меня до безумия", – определяет герой свое состояние [2, с. 47].

Увлечение левым движением было недолгим. Наблюдательный аналитик, Дадзай психологически верно рисует отношения нигилистской личности с нелегальной организацией – сборищем отверженных, "жалких потерянных людей, нравственных уродов". В этой среде Ёдзо чувствовал себя в безопасности, атмосфера подполья его успокаивала так же, как обиталище "кретинок-проституток". О разных поручениях марксистского кружка он говорит иронично, травестируя идею подвига и служения. Разрыв с организацией заставил его задуматься о смерти.

Тема смерти закономерно вытекает из неспособности героя принять жизнь, и трагический настрой повести, звучащий в начале, реализуется в акте двойного самоубийства с официанткой из кафе, Цунэко, к которой у героя просыпается чувство любви. Решив покончить с нищетой и унижениями "позорной жизни", они бросаются в море у берегов Камакура. Потом полет чаек ассоциируется у него со случившемся: "Позади меня высоко в стене было окно, из которого виднелось закатное небо, в нем летали чайки, выписывая в воздухе иероглиф женщина" [2, с. 82].

Вскоре после попытки самоубийства у Ёдзо обнаружили болезнь легких. Из больницы его препроводили в тюрьму, а затем отдали поручителю, из дома которого он сбежал, не вынеся заточения. Его жизнь покатила под уклон. Он оплакивал свой загубленный талант художника, "потерянные шедевры" – несколько автопортретов, сделанных во время учебы.

Передышкой для него стала встреча с Сидзуко, сотрудницей одного журнала, однако семейное сосуществование с ней и ее пятилетней дочерью оказалось невыносимым испытанием. В Сидзуко он ощутил женщину-вампира и в ответ на ее замечание, что лицо у него совсем старое, как у сорокалетнего, бросил: "Из-за тебя. Ты из меня соки высосала" [2, с. 105]. Отчаявшись найти взаимопонимание, он покидает и этот дом, который тоже стал для него клеткой.

В общении с людьми Ёдзо приходится сносить обиды, подавлять свои чувства – возмущение или ярость. Комплекс неполноценности, сформированный в раннем возрасте, сопровождает его всю жизнь, все более разрастаясь. В смятенном сознании героя общество предстает жестоким и страшным, как темная враждебная сила, довлеющая над ним. Переходя на экзистенциальный уровень осмысления жизни, автор предлагает укрепиться во мнении, что "общество и отдельный индивидуум в чем-то тождественны" [2, с. 104]. Человеческие проблемы реализуются и решаются в межличностных отношениях, в определенных действиях и ситуациях, в которых каждый хочет обладать превосходством над другим.

"Общество. Кажется, мне все же удалось, наконец, в какой-то мере постичь смысл этого понятия. Всего-навсего соперничество индивидуумов, соперничество сиюминутное и конкретное, в котором каждый непременно стремится победить – вот что это такое. Человек никогда так просто не подчинится другому человеку; раб – и тот старается одержать победу, хотя бы ценой низкого раболепия. Вот почему люди, чтобы выжить, не могли придумать ничего лучше, кроме как перегрызть друг другу горло. На словах ратуют за что-то великое, но цель усилий каждого – Я и снова Я. Проблемы общества – это проблемы каждого Я, океан людей – не общество, это множество Я" [2, с. 109].

Придя к такому умозаключению, Ёдзо несколько освобождается от гнетущего страха перед людьми, его позиция постороннего, наблюдающего за бессмыслицей текущего момента, укрепляется. Он отмечает

нравственно-поведенческие правила, опускаясь на "дно застойной жизни".

Встреча с юной Ёсико, ставшей ему женой, была лишь иллюзией спасения, но он уверовал в упорядоченное бытие. "Мне казалось, – думал он, – что я стою на пороге новой жизни – постепенно становился человеком как все, душу согревала сладкая мысль о том, что впереди нормальная жизнь, что не придется подыхать скотской смертью" [2, с. 119-120].

Безропотное существо, доверчивая Ёсико подверглась надругательству на глазах мужа, и он не смог ее защитить. Эта "гнусная картина" привела его в состояние шока. Попытка отравиться снотворным не удалась, тогда он пристрастился к морфию и оказался в психиатрической лечебнице. "Я утратил лицо человеческое. Я уже совершенно не человек", – повторяет он [2, с. 149]. После выхода из больницы он ведет заброшенное, никчемное существование, вроде чеховского Ионыча, и говорит: "Я теперь не бываю ни счастлив, ни несчастен. Все просто проходит мимо. В так называемом человеческом обществе, где я жил до сих пор, как в преисподней, если и есть бесспорная истина, то только одна: все проходит" [2, с. 152].

Дадзай Осаму считал, что слабость человеческого существа является знаком добра, а не зла. Глубоко убежденный в своей правоте, он сочувствовал человеческой слабости и по этому поводу даже вступил в полемику с писателем Сига Наоя (1883-1971), упрекая его в том, что тот не понимает "красоты слабости". Согласно Дадзай, слабый человек остро осознает, что человеческая реальность безобразна, а человеческая природа отвратительна, и поэтому вступает в неразрешимый конфликт и с самим собой, и с миром [6, с. 150-151].

Принять обыденное существование, уподобиться "бытию других" Ёдзо не сумел, отстаивая свое "инакожитие", выдвигая в формах юродства требование "свободы" и "правды". В неразумно устроенном мире абсурд доводится до крайности, нравственное самосознание подавляется, но смирение оборачивается вызовом, а поражение бунтом. Ёдзо и "общество" – это параллельные миры, которые сосуществуют, но не соприкасаются. Герой наказан за свою непохожесть, и его можно уподобить Сизифу, о котором Альбер Камю писал: "Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня" [4, с. 306]. Скромной стилистикой повествования, заурядностью речи бесхитростно рассказчика Дадзай убеждает читателя в своей искренности.

Дадзай Осаму можно отнести к мастерам психологической прозы, чье творчество несет гуманистические идеалы. Оно отмечено темой смерти, отчаяния, безысходности, но в нем присутствуют и жизнеутверждающие мотивы, несмотря на ироничность автора и его скепсис. Дадзай хочет верить в жизнь точно так же, как верят его герои. Эти две тенденции противоборствуют на протяжении всего творчества писателя. Яркий талант Дадзай привлекает внимание поисками добра, справедливости, истины, подлинных ценностей в человеке.



### **Литература**

1. Дадзай Осаму. Избранные произведения. СПб.: Гиперион, 2004. 624 с.
2. Дадзай Осаму. Исповедь "неполноценного" человека / Пер. В. Скальника. М.: Аграф, 1998. 157 с.
3. Камю А. Избранное. М.: Радуга, 1988. 464 с.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. А. М. Руткевича // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 222–318.
5. Рехо К. Современный японский роман. М.: Наука, 1977. 303 с.
6. Ueda Makoto. *Modern Japanese Writers and Nature of Literature*. Stanford: Stanford University Press. 292 p.

УДК 391

Хованчук О.А.

## Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения

Special features in the development of Japanese traditional costume and esthetics

---

В статье рассматриваются основные этапы истории японского традиционного костюма и формирования современного варианта национальной одежды – кимоно. Прослеживается влияние природных, социальных, религиозных факторов на развитие и изменение форм одежды. Затрагиваются вопросы эстетического мировоззрения японцев, на примере восприятия и использования цвета и орнамента, их соответствия правилам сезонности и т.д.

**Ключевые слова:** история костюма, кимоно, культура Японии, японский традиционный костюм, эстетическое мировоззрение.



The development of Japanese costume was influenced by nature, social, religious and other causes. Complete form of national dress – kimono – appeared only in the very beginning of 20th century. Principles of Japanese esthetics – season design and colors, meaning and symbolism of ornaments and colors – were based on Shinto and Buddhism. This esthetic culture was formed first by aristocracy but after that was altered and changed by samurai warriors and town's people, and in this form remains until nowadays.

**Key words:** suit history, a kimono, culture of Japan, the Japanese traditional suit, aesthetic outlook.

---

Японский традиционный костюм представляется многим из нас, как яркое богато украшенное одеяние. Женские кимоно с календарей и рекламных проспектов стали неким символом изысканности и эстетизма японского национального костюма. Однако кимоно в том виде, который нам известен сейчас, появилось только в начале XX в. Так что же было до него?

История развития японской одежды чрезвычайно многогранна и интересна. На всем пути своего формирования она испытывала влияние многих факторов: климата, местных традиций и иностранных заимствований, технических новшеств и быта. На этапе зарождения форма и конструкция японского костюма была примитивной и далекой от современной. Тем не менее, именно в глубокой древности зародились две традиции, которые прошли через века до наших дней: крой по прямым линиям, не соответствующий очертаниям тела и одинаковая форма костюма для мужчин и женщин.

Китайские заимствования, которые проникали в Японию, как в чистом виде, так и в корейской интерпретации, повлияли на дальнейший ход развития одежды: она разделилась на мужскую и женскую, на светскую и народную. Однако появление штанов "хакама" и юбки "мо" вначале не вызвало всеобщего одобрения. Японцам эти виды одежды казались неудобными и не соответствующими местному климату. Только государственные указы VII – VIII вв. заставили людей подчиниться и принять новые формы костюма в качестве платья для официальных случаев [1, с. 17].

На волне заимствований из Китая во времена правления принца Сётоку Тайси в Японии был введен строгий регламент в одежде. Кодекс "Тайхо рицурё" VII в. стал важным документом в истории костюма, т.к. в нем впервые детально описывался костюм высших слоев общества: аристократии, чиновников и военных. Относительно народной одежды устанавливались лишь многочисленные ограничения, и на их основе можно составить лишь общую картину народного костюма. Вместе с китайским платьем было заимствовано и китайское понимание эстетики. Красивым считалось то, что было облагорожено человеком, то, что было правильным, упорядоченным. Формула "соответствующий правилам костюм – красивый костюм" стала определяющей в мировоззрении японцев в отношении одежды и действует до сих пор [3, с. 48].

В период Хэйан (VIII – XII вв.) впервые появился термин "кокуфу" – "японский стиль", в противовес китайскому. Переход к японскому стилю выразился в чрезмерной многослойности, которая была вызвана несколькими причинами: синтоическими обычаями, высоким положением аристократии и творческим поиском в рамках национальных эстетических принципов. И мужчины, и женщины стремились выглядеть утонченно и женственно. Итогом периода Хэйан стало появление прототипа национального костюма – халата "косодэ" с узкими рукавами [5, с. 12]. Крестьяне использовали его как верхнюю одежду, а аристократы – как нижнее платье.

Переход власти от аристократии к военным и возникновение института сёгуната в XII в. обусловило выход на первый план военного костюма, одного из основных атрибутов класса самураев. Благодаря военному костюму в обиходе японцев появилось много новых элементов одежды: носки "таби", кофта "хаори", пояс-шнур, перчатки и т.д. Междоусобные войны увеличили информационный обмен между регионами, в результате чего виды одежды из разных районов распространялись по всей стране.

С установлением власти самураев, в Японии началась активная демократизация культуры. Военное сословие создавало собственную систему ценностей и эстетических воззрений, которая основывалась на учении секты Дзэн, на принципах, заимствованных из аристократической и народной культуры. Среди самураев бытовало выражение "Эпоха важнее образца", что свидетельствовало о стремлении заменить заимствованные в древности китайские модели и копии на новые, соответствующие веяниям времени [6, с. 67]. Самураи ввели моду на мужественный стиль, и штаны "хакама" стали его неотъемлемым атрибутом. Мужская одежда теперь четко отличалась от женской, ее цвет и декоративное оформление стали более сдержанными. Также впервые по-настоящему начала цениться индивидуальность стиля и образа.

В результате долгого естественного отбора, под влиянием климата и социальных установок, женщины военного сословия создали новый тип костюма. Именно они облагородили косодэ и стали носить его в качестве верхней одежды. Жены самураев высоких рангов пытались подражать в роскоши аристократам, но в то же время хотели выглядеть

индивидуально. Косодэ подошло для достижения цели как нельзя лучше. Во-первых, женщины военного сословия действительно выглядели в косодэ неповторимо, потому что аристократы не считали его одеждой. Во-вторых, чтобы придать костюму роскошный вид, так же, как придворные, они украшали косодэ богатой отделкой и надевали их несколько одно на другое.

Аристократы, в свою очередь, оценили нововведения и стали перенимать этот стиль, тем более, что легкое косодэ было гораздо удобнее, чем тяжелые многослойные одежды. В дальнейшем в ходе общей тенденции упрощения костюма, к XVII в. халат с узкими рукавами занял место основного вида как женской, так и мужской одежды. Новое время стало эпохой косодэ, и мода развивалась, сделав своим главным объектом именно его. Простота конструкции косодэ компенсировалась многообразием декора и технологических методов создания орнамента.

В XVIII в. разбогатевшие горожане крупных центров соревновались друг с другом в роскоши костюма. Чтобы сохранить свой статус, сёгун от имени военных и аристократов издавал указы, в которых горожан лишали права носить дорогую одежду или применять богатый декор. Но женщины надевали дорогие цветные косодэ под темные, и умело скрывали от глаз правительственных чиновников свое богатство.

Важную роль в развитии традиционного костюма сыграл городской театр Кабуки. Актеры были одними из законодателей мод. Они приспособивали повседневную одежду для нужд сцены, а горожане затем перенимали многие нововведения, которые прочно закрепились с тех пор в костюме. Например, под влиянием исполнителей женских ролей, пояс стали делать очень широким и повязывать выше талии, что придавало фигуре стройность [8, с. 89].

Японцы познакомились с западной культурой еще в середине XVI в. и на протяжении нескольких веков она оказывала влияние на развитие и становление японского костюма, но это влияние нельзя назвать значительным. Только когда европейская одежда была заимствована как официальное придворное платье в XIX в. традиционная одежда стала осознаваться японцами как национальная. Впервые появился термин "вафуку" – "японская одежда", в противовес "ёфуку" – "западному платью" [6, с. 39]. Мужское кимоно постепенно стало домашней одеждой, а европейский костюм прочно занял позицию выходной и рабочей одежды.

На рубеже веков в общих чертах сформировался тот ансамбль кимоно, который ныне известен всему миру как японский традиционный костюм. Однако в то время он еще не был так формализован и его формы были менее жесткими. Самое значительное отличие женского костюма начала XX в. от современного состояло в том, что он был более многослойным. Обычно надевали несколько контрастных нижних кимоно, к которым подшивали дополнительные узорчатые воротники. Повседневную и церемониальную одежду продавали сразу комплектами из двух-трех, а то и более слоев, сочетавшихся по цвету, – именно такой комплект и называли "кимоно".

В течение нескольких веков женщины высоких сословий практически не выходили из дома, и одежда со шлейфом была для них привычной. В конце XIX в. продолжали носить шлейф, который, как считали, подчеркивал грациозность походки, поэтому он стал неотъемлемым элементом женского платья. Однако когда женщины стали чаще выходить в общественные места, возник вопрос: что же делать с лишней длиной, которую так неудобно было постоянно поддерживать руками? Ее стали собирать напуском на талии, в результате чего образовалась складка "о-хасэри", которая не несла никакой функциональной нагрузки, но

стала новым эстетическим элементом костюма вместо шлейфа. Одежда теперь "сидела" на женщине более плотно, что давало большую свободу движений, кроме того, такой ход позволял надевать одно и то же кимоно женщинам разного роста.

Постепенно исчезали четкие внешние различия костюма разных сословий. Магазины одежды издавали журналы мод для широких масс, и любая женщина могла свободно носить те вещи, которые предлагал рынок. Отличия в костюме теперь зависели только от его назначения. Все виды одежды делились на две категории по уровню официальности: домашняя одежда из простой ткани и церемониальная из расписного шелка с изображениями гербов. В начале XX в. появляется выходной нарядный ансамбль кимоно "хомонги", который получил распространение благодаря своей универсальности. Он подходил для всех случаев, когда женщине надо было выйти из дома. [5, с. 230].

После того, как европейский костюм широко распространился во всех слоях общества в первой половине XX в., а после второй мировой войны стал неотъемлемой частью жизни Японии, кимоно было словно законсервировано в самой рафинированной форме. Многие представители современного поколения говорят, что кимоно очень неудобно носить, что в нем трудно двигаться, его долго надевать, надо знать слишком много правил и т.д. Эти слова сразу напоминают о средневековой аристократии, которая отзывалась о костюме своего времени точно так же, но придворным было важнее наслаждаться эстетизмом костюма, тонкостями его цветового и декоративного оформления.

Кимоно – это сложный цельный образ, который сочетает в себе визуальные декоративные эффекты и смысловую наполненность. Одним словом, кимоно способно говорить. Оно может рассказать не только о возрасте, социальном статусе и настроении человека, о чем уже хорошо известно многим, но оно может рассказать человеку об исторических событиях, людях, быть словно страницей из романа, пьесы или поэтического сборника, может передавать добрые пожелания и многое другое.

Чем же руководствовались японцы при выборе кимоно? Попробуем немного разобраться в особенностях японского традиционного эстетического мировоззрения на примере цветов и орнаментов. Есть три основных критерия – благоприятное значение, сезонность и соответствие ситуации. Эти и другие принципы сложились еще в древности и средневековье, но они до сих пор являются основой дизайна традиционного костюма.

Декорирование одежды являлось важным способом закрепить определенные символы и цвета на своем теле, которые были либо оберегами, либо знаками отличия. И лишь впоследствии орнамент и цвет в одежде стали употреблять для украшения.

В древности цветным драгоценным камням приписывали различные магические свойства, и ритуальные предметы окрашивали тоже в определенные цвета. Впоследствии цвет приобретал то значение, которым наделялся камень или предмет, и использовался в качестве магического средства сам по себе. Считалось, например, что красный цвет – цвет крови, огня – способен защитить человека от пожара или оказывать благотворное влияние на здоровье [7, с. 4].

Однако синтоистский культ и буддизм по-разному трактовали значения цветов, поэтому появились некоторые разногласия и противоречия в использовании цвета. По китайской системе инь-ян основных цветов было 5: синий, красный, черный, желтый и белый. Впоследствии к ним добавился лиловый. Сначала этот цвет избегали использовать, т.к. он был производным, а не основным, но в связи с редкостью красителя, лиловый стал символом людей высокого положения и вошел в ранговую систему. Белый цвет в синтоистском обряде был священным, божествен-

ным цветом и император как потомок бога на главные синтоистские ритуалы надевал белые одеяния. По буддийским представлениям белый считался цветом небытия, смерти. Тем не менее, в повседневной жизни, японцы чаще руководствовались синтоистскими представлениями в использовании цветов.

То же самое происходило и со значениями орнаментов. Многие узоры были заимствованы из Китая сразу вместе с их смысловым значением. Например, очень благоприятными узорами считались феникс и дракон, которые по повериям китайцев были способных отгонять злых духов, а также давать человеку силу и власть. В качестве оберега использовали изображение китайского льва, который во многих культурах был Царем зверей. Небесные светила и природные явления – солнце, луна, звезды, облака и т.д., считались местом обитания божеств, и, изображая эти объекты на одежде японцы пытались получить поддержку магических сил. [7, с. 10].

Каждый узор должен был иметь также благоприятное лексическое выражение. Японцы верили в магию слова – котодама, которая является феноменом синто. Они до сих пор считают, что слово может навлечь беду или, наоборот, принести удачу. Орнаменты, связанные со словами "открыть", "начинаться", "расти", "продолжаться", "танцевать", "подниматься", "скрываться (в укрытии)", "избегать (беды)", "иметь будущее" считались хорошими. А узоры, ассоциировавшиеся со словами "падать", "заканчиваться", "рваться", "сжиматься", – плохими. Например, раскрытый веер связан со словом "открывать, раскрываться", что несет благоприятный смысл, однако он не должен быть открыт полностью, иначе появляется смысл, что будущего уже нет, ему дальше некуда открываться, это предел.

Принципы сезонности цвета и орнамента оформились в IX – XIV вв., когда шел процесс складывания чисто японской системы декора. В этот период узоры приобретали новые значения в соответствии с японскими традициями. "Японизация" орнамента проявилась также в том, что в качестве мотивов стали использовать повседневные предметы, животных и растения, окружающие человека – цветущие вишни, хризантемы, клены, воробьи, олени, хижины, ограды и т.д., – которые изображали в реалистической манере. Каждый сезонный орнамент должен был предвещать сезон, которому он соответствовал. Считалось безвкусным надевать одежду, например, с орнаментом хризантем, когда они уже были в полном цвету [2, с. 51].

Много орнаментов появлялось на основе китайской и японской классической литературы. Изобретение азбуки-кана стало основой появления каллиграфического орнамента. Сначала буквы вплетались в декор так, что их было сложно отыскать в общей композиции, затем иероглифы и буквы выступали как самостоятельные мотивы орнамента. Текст стал одним из видов узора, он тоже подчинялся правилам сезонности и должен был нести хороший смысл.

Однако период Хэйан – это, прежде всего, время складывания культуры цвета. В VIII в. цвет стал определяющим понятием в придворном костюме, и в результате так оказывал влияние на другие аспекты быта. Одежда стала одним из важных предметов украшения пространства. В последующие века цвета и их сочетания стали активно использоваться не только в одежде, но и в живописи, архитектуре и быту [4, с. 102].

Основным сырьем для получения красителей были растения и минеральные пигменты, и практически все из них после первого окрашивания ткани давали только легкий оттенок. Цвета получались не только светлыми, но еще и не всегда яркими, чаще всего с сероватым налетом. То есть в большинстве случаев это был колорит, как мы сейчас назы-

ваем, естественной гаммы. Данное обстоятельство сильно повлияло на формирование цветового восприятия японцев. Люди были способны различать гораздо более тонкие нюансы одного цвета, чем мы различаем сейчас, и умели составить такие сочетания, в которых каждый оттенок был бы выгодно подчеркнут [7, с. 38]. Конечно, насыщенные и яркие цвета в костюме тоже присутствовали, но редко, потому что на их фоне терялись все остальные. Придворные дамы и кавалеры пользовались многочисленными трактатами, где описывались сезонные сочетания многослойных одеяний, потому что соблюдение этих правил было так же важно, как следование ранговому регламенту.

В дальнейшем, благодаря становлению военного сословия, знакомству японцев с европейской культурой, а также развитию городской культуры, декоративное оформление костюма усложнялось и совершенствовалось. В качестве узоров стали изображать предметы, которые ранее находились вне рамок эстетики, например, ремесленные товары, гвозди, посуду и т.д.

В XVII в. с расцветом городов наступает период многообразия декора и орнаментов. Резервированная роспись "юдзэн" позволила изображать на одежде сложные пейзажи. В этот период типичными становятся жанровые сценки из жизни людей. В то же время, благодаря распространению грамоты в народе, новое прочтение получили классические произведения поэзии и прозы, что обусловило новую интерпретацию орнаментов на литературные темы.

В XVIII в. главный культурный центр Японии – Киото – постепенно терял свои позиции. Горожане Эдо, новой столицы, противопоставляя себя киотосцам, вырабатывали новые эстетические традиции. Хотя и принято, считать, что понятия ваби и саби являлись определяющими в культуре Японии, это не всецело так. Так как народ вынужден был соблюдать многочисленные ограничения, и имел меньше возможностей развивать и отшлифовывать свои эстетические принципы, то получилось, что количество распространенных среди аристократов цветовых сочетаний со слабой насыщенностью оказалось больше. Поэтому будет не совсем верно оценивать японский традиционный колорит как колорит сдержанности, свойственный всем социальным группам японского общества.

Насыщенные цвета тоже были очень популярными, что подтверждает костюм театра Кабуки и цветная гравюра. В праздники использовались сочетания таких ярких цветов, что их можно было смело назвать гротескными и чрезмерно ляпистыми. Одним словом, приглушенный и яркий колориты просто соответствовали разным эстетическим воззрениям – аристократии и народа.

Дальнейшие изменения в эстетическом мировоззрении были незначительными и, в основном, шла систематизация накопленных знаний. По мере того, как традиционная одежда под натиском европейского костюма выходила из обихода, многие тонкости дизайна, цветового и декоративного оформления забывались. Тем не менее, национальная одежда вместе с традиционными представлениями о красоте и изысканности продолжают жить и развиваться.

## Литература

1. Мотои Тикара. Нихон хифуку бункаси = История японского костюма. Токио : Косэйкан, 1969. 97 с.
2. Намики Сэйси. Нихон-но дэнто монъё = Японские традиционные орнаменты. Токио : Токё бидзюцу, 2006. 160 с.
3. Судзуки Кэйдзо. Юсики кодзицу дзутэн: фукусото кодзицу = Одежда и быт средневековой аристократии Японии. Токио: Ёсикава Норибуми Кан, 1995. 196 с.
4. Сэнгоку Мунэхиса. Дзюнихитоэ-но ханаси = Рассказы о дзюнихитоэ. Токио: Фудзёкай сёпанся, 2000. 264 с.
5. Такацукаса Кумико. Фукусото бункаси = История костюма. Токио: Асакура сётэн, 1999. 231 с.
6. Такэда Сатико. Ифуку дэ ёминаосу нихонси = История Японии поновому через историю костюма. Токио: Асахи симбунся, 1998. 252 с.
7. Фукуда Кунио. Нихон но дэнто иро = Японские традиционные цвета. Токио: Токё бидзюцу, 2005. 155 с.
8. Хигути Киёюки. Ёсои-то нихондзин = Японцы и одежда. Токио: Нокансё, 1980. 220 с. (Нихондзин-но рэкиси = История японцев. Т. 6)



УДК 364.044.68

Тригуб Г.Я.

**Участие городских самоуправлений  
Забайкальской области в призрении населения  
(последняя четверть XIX – начало XX в.)**

**Participation of city self-managements  
of Transbaikalia in the display of assistance to needy population  
(last quarter XIX – beginning XX century)**

---

В статье рассматривается роль общественной и частной благотворительности в оказании помощи нуждающемуся населению в городах Забайкалья в последней четверти XIX – начале XX века. Автор приходит к выводу, что в этой сфере органы городского самоуправления при поддержке местных меценатов в указанный период добились заметных успехов.

**Ключевые слова:** *городское самоуправление, Забайкалье, социальная помощь, общественная и частная благотворительность.*



In the article there is reviewed the role of social and private philanthropy in the display of assistance to needy population in the towns of Transbaikalia in last quarter XIX – beginning XX century. The author came the conclusion that the bodies of municipal government and local philanthropists achieved appreciable successes in this sphere.

**Key words:** *municipal government, Transbaikalia, social assistance, social and private philanthropy.*

---

Начиная с 1875 г. (в соответствии с Городовым положением 1870 г., а затем 1892 г.) в городах Забайкальской области непосредственно социальными проблемами стали заниматься городские думы и управы. Забайкальские города были небольшими, городского имущества, приносившего доход, было недостаточно, а земельные участки были сразу же распроданы за бесценок. Городские бюджеты были обременены обязательными расходами на содержание местной администрации и полиции, а государственные ассигнования городам были незначительны. По-

этому городские самоуправления располагали весьма ограниченными средствами на призрение нуждающихся. Большую их часть составляли поступления от общественной и частной благотворительности.

Органами городского самоуправления использовались капиталы и имущество, завещанные на социальное обеспечение зажиточными горожанами. Благо, свои меценаты имелись практически в каждом городе Забайкальской области. Так, золотопромышленник Я. Фризер пожертвовал г. Баргузину 1000 руб. для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся его жителям [5, с. 142]. Купец М.Д. Бутин, тративший вместе с братом огромные суммы на благотворительные цели (только в 1876–1883 гг. было израсходовано 106334 руб. 74 коп. [1, с. 1, 14, 63]), завещал родному Нерчинску имущество на сумму в 2 млн. руб. [3]. Купец Куманин пожертвовал капитал для выдачи денежных пособий беднейшим жителям г. Троицкосавска, слобод Кяхта и Усть-Кяхта (НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 107. Л. 1, 7; Д. 285. Л. 6). На аналогичные цели почётный гражданин М.А. Хаминов в 1896 г. завещал в распоряжение Троицкосавской городской думы капитал в 500 руб., а также 50 акций Московского торгового банка, 13 акций Московского учётного банка и два пая пароходства "М.Г. Шевелёв и К0" (НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 721. Л. 9-10, 32, 93). В пользу бедных жителей г. Верхнеудинска завещал капитал в 10 тыс. руб. купец А.Ф. Второв [6, с. 45]. Таким образом, общественные самоуправления городов Забайкалья составили специальные фонды (так называемые капиталы бедных). Выполняя последнюю волю жертвователей, они за счёт процентов с этих капиталов регулярно дважды в год (к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи) выдавали денежные пособия беднейшим городским обывателям, в основном вдовам и сиротам.

Верхнеудинская городская управа распорядилась также капиталом в виде 101 акции Гостиного двора, завещанным почётным гражданином А.М. Курбатовым. Дивиденды, полученные с этого капитала, неоднократно использовались для уплаты недоимок за умерших, больных, престарелых, находящихся в безвестной отлучке, пострадавших от пожара и неимущих жителей города. Например, 22 июня 1878 г. было решено внести в городскую казну податей и повинностей за 222 человека, по 1 руб. 83 коп. за каждого, всего 406 руб. 26 коп. (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 200. Л. 1). В октябре 1883 г. 606 руб. 15 коп. были использованы в уплату окладного сбора, губернской и частной повинности за 1882 г., а также израсходованы 25 руб. 1¾ коп. на лечение бедных горожан в Верхнеудинской городской больнице (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 414. Л. 2).

Во исполнение завещания почётного гражданина И.Ф. Голдобина, умершего 27 марта 1892 г., за счёт пожертвованных городу покойным 15 тыс. руб. при Верхнеудинской городской управе была организована ссудная касса для выдачи капитала под векселя или разные залоги. Причём ссуда должна была выдаваться под 5% годовых, а получаемая прибыль обеспечивать содержание Верхнеудинской богадельни для призрения безродных, неимущих, престарелых, слепых и увечных граждан обоого пола (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1026. Л. 1).

Эта богадельня, рассчитанная на 12–14 человек, была устроена в 1889 г. на средства И.Ф. Голдобина. Предполагалось, что первоначальное наблюдение за богадельней будет вести сам И.Ф. Голдобин, чтобы в дальнейшем передать под наблюдение городского управления. 12 сентября 1889 г. Верхнеудинская городская дума согласилась с предложением мецената и утвердила Устав богадельни, согласно которому та должна была существовать на городские средства (300 руб. в год), проценты с капитала акций, пожертвованных А.М. Курбатовым (300 руб. в год), а также взносы попечителей и частные пожертвования (НАРБ. Ф. 10.

**Оп. 1. Д. 656. Л. 2, 3, 18; Д. 1026. Л. 8).** После смерти И.Ф. Голдобина богадельня полностью перешла под наблюдение городского самоуправления.

В 1896 г. в г. Верхнеудинске богадельню и приют на свои средства устроила также Е.И. Кукель, бывшая жена И.Ф. Голдобина. Одновременно она завещала Верхнеудинскому городскому самоуправлению взять на своё попечение эти богоугодные заведения после её смерти и оставляла городу на их содержание 25 тыс. руб. (по условиям завещания жертвенный капитал являлся неприкосновенным, а на расходы по содержанию должны были тратиться проценты с этого капитала). Верхнеудинская городская дума, обсудив на заседании 10-11 сентября 1896 г. завещание Е.И. Кукель (Голдобиной), с благодарностью приняла её предложение (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1169. Л. 1, 2**).

В 1906 г. богадельня и приют со всеми дворовыми и служебными постройками и инвентарем перешли в собственность города и приобрели статус городских заведений. Спустя некоторое время, Верхнеудинская городская дума приняла Устав богадельни-приюта. В нём говорилось, что цель заведения состоит в заботе о беднейших жителях города, которые по хронической болезни, старости, малолетству и по другим причинам не могут добыть средств к существованию собственным трудом. В заведение принимались лица обоего пола из жителей г. Верхнеудинска, обязательно христианского вероисповедания, независимо от сословных различий. Заведение могло принять 10 взрослых и 10 детей. Сверх этого количества призываемые могли приниматься за плату, размер которой устанавливался Распорядительным комитетом. Распорядительный комитет был создан в 1907 г. по решению Верхнеудинской городской думы для наблюдения за богадельней-приютом, через него вносились все частные денежные и вещевые пожертвования. Для непосредственного заведования делами богадельни-приюта городскими гласными избиралось специальное должностное лицо [**2, с. 3-4**]. Кроме того, как свидетельствуют акты проверок, работу этого заведения лично контролировал городской голова г. Верхнеудинска (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2627. Л. 112**).

Старики и немощные жители г. Троицкосавска и прилегающих к нему слобод помещались в Усть-Кяхтинскую Матвеевскую богадельню. Находясь в ведении городского самоуправления, богадельня содержалась в основном на проценты с капитала и частные пожертвования. Например, Троицкосавская городская дума 29 февраля 1904 г. рассматривала заявление кяхтинского купца 1-й гильдии М.В. Шишмакова о взносе им 500 руб. на увеличение капитала богадельни (**НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1/1025. Л. 65**).

Кроме того, в г. Троицкосавске имелаась Александровская богадельня, открытая ещё в 1844 г. по инициативе Иркутского приказа общественного призрения в ознаменование совершеннолетия цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра III). Она располагалась в каменном здании, построенном на собственные средства кяхтинским купцом 1-й гильдии А.И. Котельниковым. Богадельня предназначалась для неимущих, престарелых и увечных жителей обоего пола г. Троицкосавска, слобод Кяхта и Усть-Кяхта. Несмотря на то, что она была рассчитана на 18 чел., число призываемых доходило до 30 чел. и более. Помимо полного содержания (проживание, питание, одежда, обувь) призываемые получали бесплатную медицинскую помощь. В среднем содержание одного призываемого в богадельне обходилось в 35 руб. в год, а содержание богадельни в целом – в 1106 руб. 90 коп. Троицкосавское городское самоуправление, в ведении которого находилась богадельня, ежегодно выделяло на её содержание субсидию

в размере 300 руб. Остальная часть расходов покрывалась за счёт процентов с пожертвованного капитала (составлявшего 9 тыс. руб.), пожертвованных частных благотворителей (деньгами, вещами, продуктами и др.), а также кружечных сборов в пользу Александровской богадельни (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 164. Л. 18-21). Богадельни, устроенные на частные пожертвования и переданные затем на попечение общественных самоуправлений, существовали и в других городах Забайкальской области.

Для бездомных по решению городских самоуправлений открывались ночлежные дома. Были открыты ночлежные дома в Чите (1893 г.), Троицкосавске (1895 г.), Верхнеудинске (1900 г.) и других крупных забайкальских городах. Возможности этих заведений, первоначально незначительные, стараниями общественных самоуправлений увеличивались. Например, читинский ночлежный дом в 1897 г. имел приёмный покой на две койки, а в 1911 г. обеспечивал кров уже 20 престарелым; посетителям в нём оказывалась квалифицированная врачебная помощь, при заведении работала харчевня. Следует отметить, что в Забайкалье этот ночлежный дом был единственным, работавшим круглогодично и предоставлявшим своим клиентам не только кров, но и пищу. На устройство и дальнейшее содержание ночлежек общественные самоуправления использовали преимущественно частные пожертвования. Так, в Верхнеудинске и Чите ночлежные дома были открыты на средства местных меценатов И.П. Фролова и Д. Игнатьева [9, с. 47; 10, с. 21].

Городские думы и управы, уделяя внимание социальной защите неимущего населения, пытались бороться с нищенством. Данная проблема рассматривалась, например, Верхнеудинской городской думой на заседании 17 декабря 1881 г. (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 302. Л. 2, 5-5об). Обсуждался вопрос о назначении денежных пособий или устройстве богадельни для беднейших жителей за счёт доходов городского Общественного банка. Однако больших прибылей Общественный банк не давал, поэтому предложение было отклонено. Из-за недостатка городских средств богадельня в Верхнеудинске была открыта, как уже отмечалось, лишь спустя несколько лет (в 1889 г.) на частные пожертвования.

Для борьбы с бедностью в городах учреждались также специальные общества. В том же Верхнеудинске с 1903 г. действовало Общество помощи бедным. Его члены (72 чел.) при поддержке городского самоуправления периодически устраивали маскарады, лотереи, драматические представления, концерты, а также обращались за помощью в банки, к меценатам. За счёт вырученных средств и членских взносов малоимущим выдавалась денежная помощь на покупку одежды и других предметов, на похороны. Общество также выдавало нуждающимся хлеб и чай [4, с. 46; 2, с. 4-5].

Постепенно подход к призрению малоимущих менялся. С начала XX в. наиболее действенной признается трудовая помощь: поиск работы нуждающимся и безработным, создание рабочих мест. С этой целью в забайкальских городах создаются Общества трудовой помощи (например, в 1904 г. в Троицкосавске) и Дома трудолюбия с различными мастерскими (например, в 1901 г. в Верхнеудинске) [9, с. 47]. Причём городские самоуправления, как и прежде, активно прибегали к помощи частных лиц. Так, на содержание верхнеудинского Дома трудолюбия местный меценат И.П. Фролов в 1901 г. перечислил 10 тыс. руб. [6, с. 47].

Помимо социальной поддержки на постоянной основе оказывалась также единовременная помощь в случае стихийных бедствий (пожары, наводнения, засуха и т.д.), а также в случае эпидемий, войн и т.п. Для этой цели при городских управах формировались так называемые продовольственные капиталы. Например, продовольственный капитал Верх-

неудинского городского общества на 1 января 1885 г. состоял из 668 руб. 9 коп. В течение года поступили проценты за 1884 г. (19 руб. 67 коп.), и к 1 января 1886 г. наличных денег было 687 руб. 76 коп. В 1891 г. он составлял 785 руб. 5 коп. наличных денег. Городские управы старались путём выгодного помещения продовольственного капитала увеличить его. Так, продовольственный капитал Верхнеудинского городского общества в 1913 г., кроме наличных денег формировался из государственной 4%-й ренты Верхнеудинского казначейства (2100 руб.) и бессрочного вклада в Иркутском отделении Государственного банка (991 руб. 22 коп.). В долгу за городскими доходами находилось 716 руб. 91 коп. А всего этот капитал составлял уже 4125 руб. (**НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 544. Л. 1; Д. 784. Л. 3; Д. 2799. Л. 105об**). Обычно он использовался в самых экстренных случаях для социальной защиты городского населения по постановлению городской думы.

Предметом особой заботы городских самоуправлений, меценатов и общественных благотворительных организаций являлось призрение сирот и детей из бедных семей. К учреждениям защиты детства относятся сиропитательные школы и приюты, задача которых заключалась не только в содержании и воспитании, но и в обучении воспитанников, в том числе и профессиональном. Для организации помощи детским учреждениям в Забайкальской области создавались специальные попечительства детских приютов. Так, к концу XIX в. функционировали Забайкальское и Кяхтинское попечительства, которые опекали соответственно детские учреждения в Чите и в Троицкосавске [8, с. 19].

В Троицкосавске с 1852 г. действовал Николаевский детский приют, открытый на средства города, купечества и мещанского общества. Ежегодно в нём воспитывалось более 30 девочек, в основном, сироты. На содержание тратились проценты с капиталов, пожертвованных кяхтинским купечеством (2,5 тыс. руб.), торговым домом "Коковин и Басов" (2 тыс. руб.), а также частными лицами: М.А. Хаминовым (6 тыс. руб.), М.В. Шишмаковым (1,5 тыс. руб.), Е.В. Пфаффиусом, А.Д. Старцевым, И.И. Базановым, Е.А. Басовым, Г.А. Коковиной, Л.В. Переваловой (по 2 тыс. руб.), К.Х. Лушниковой (2150 руб.), Сидневой (3 тыс. руб.) (**ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 60, 155, 156**). Были учреждены именные стипендии (императора Николая II, императрицы Марии Федоровны, принца Петра Георгиевича Ольденбургского и др.), за счёт которых и содержались воспитанницы. Кроме того, в пользу приюта поступали пожертвования вещами, продуктами, одеждой от Г.А. Коковиной, И.К. Громова, протоиерея Стукова, кяхтинской таможни и др. (**ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 180-181**).

Наиболее талантливым воспитанницам предоставлялась возможность получить среднее образование. Например, Плотникова, Костовская и Фраштут, окончившие в приюте курс начального обучения соответственно в 1903, 1911 и 1913 г., продолжали жить в приюте и обучались в Троицкосавской женской гимназии. Плотникова, окончив 8 классов гимназии, стала работать учительницей в сельской школе (**ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 63**).

Помимо Николаевского детского приюта для девочек в Троицкосавске существовало также учреждение для призрения мальчиков. Это была сиропитательная школа Я.А. Немчинова, открытая в 1886 г. Её воспитанники получали начальное образование и обучались некоторым ремеслам [9, с. 46].

В Чите действовал детский приют ведомства императрицы Марии (Мариинский). Его открытие состоялось 1 октября 1859 г. и стало возможным благодаря частным пожертвованиям. В результате сбора средств, начатого в 1857 г., была получена сумма, необходимая для организации

приюта (всего было собрано 7755 руб. 39 коп.) [10, с. 88]. В последующие годы капитал Мариинского детского приюта для девочек пополнялся и на 1 января 1897 г. составлял уже 31758 руб. 74 коп. За счёт доходов с этого капитала осуществлялось частичное содержание приюта. Значительная часть расходов на содержание приюта покрывалась также за счёт пожертвований. Например, в 1896 г. содержание приюта обошлось в сумму 5940 руб. 86½ коп. Согласно ведомости за тот же год от частных лиц поступило пожертвований на сумму 2130 руб. 54 коп. (ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 11-13).

Мариинский детский приют для девочек традиционно опекали забайкальские губернаторы и их жены. Беспокоились о будущем воспитанниц приюта и городские власти Читы, при содействии которых в приюте стала действовать воскресная школа. В начале XX в. городская дума выделила под строительство нового здания приюта участок земли, был начат сбор средств. К строительным работам приступили в 1912 г., и уже на следующий год приют переехал в великолепное трёхэтажное здание с просторными и светлыми комнатами, паровым отоплением, водопроводом. В новом здании располагались домовая церковь, школа, мастерская, ремесленный класс, спальня, два больничных помещения, столовая, кухня, баня, прачечная [7, с. 171-172; 10, с. 88-89].

В приюте жили воспитанницы в возрасте от 4 до 15 лет. Они получали не только начальное образование, но и навыки домоводства и женского рукоделия (шитьё, вязание, вышивание). Причём последнее было поставлено настолько удовлетворительно, что старшие воспитанницы принимали заказы от населения (ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 43). Рассматривался вопрос об организации на базе приюта женского реального училища, что давало бы воспитанницам право поступать в высшие учебные заведения, но начавшаяся Первая мировая война не позволила реализовать задуманное [7, с. 172]. До 1915 г. воспитание и обучение в приюте получили в общей сложности 404 девочки [10, с. 89]. В среднем, ежегодно в нём призревало 40–42 девочки за счёт средств приюта и ещё 5 девочек за плату по 10 руб. в год (ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 13).

Мариинский приют для девочек был в Чите не единственным учреждением защиты детства. С 1912 г. в городе действовал также приют для подкидышей "Ясли", находившийся под опекой церковного братства Кирилла и Мефодия. Приют был рассчитан на 30 чел., но в начале 1917 г. в нём воспитывался уже 51 ребенок [7, с. 173-174]. В 1913 г. в Чите был открыт ещё и сиропитательный дом М. Труфанова (для девочек) [9, с. 46].

В каждом забайкальском городе существовал также сиротский суд, который брал под защиту имущество и малолетних детей умерших городских обывателей, определяя опекунами лиц, пользующихся доверием и уважением городского общества. Например, Верхнеудинским городским сиротским судом с 1897 г. по 1908 г. под опеку были взяты 25 несовершеннолетних наследников мещан (НАРБ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13. Л. 16-21).

Итак, городские самоуправления Забайкалья играли заметную роль в оказании социальной помощи нуждающимся. Они изыскивали финансовые средства, координировали деятельность благотворительных организаций и частных лиц, организовывали работу учреждений общественного призрения. Органами самоуправления в городах Забайкалья неимущим обывателям и сиротам оказывалась разнообразная помощь: раздача денежных пособий; внесение платы за лечение; организация столовых, приютов и ночлежных домов; защита детства и др. Единой системы призрения в городах Забайкалья не существовало. Наличие

общих форм социального обеспечения неимущих горожан и сирот объясняется тем, что, как только появлялась в том или ином городе какая-либо форма призрения, она довольно быстро получала распространение в других городах.



---

## Литература

1. Администрация по делам торгового дома нерчинских купцов, братьев Бутиных. Её деятельность и борьба с распорядителем дел фирмы М.Д. Бутиным. Ч. 1. М.: Б. и., 1892. 86 с.
2. Галсанова Г.Д. Опытю минувшего освещается настоящее и будущее социальной службы // Социальная защита: история и современность: Материалы научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 14 июня 2001 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2001. С. 3–9.
3. Забайкальская новь. 1907. 22 мая.
4. Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 февраль 1917 гг.). Иркутск: Изд-во "Облмашинформ", 2001. 208 с.
5. Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 142–145.
6. Купечество города Верхнеудинска // Троицкое слово Забайкалья: Духовный историко-краеведческий альманах. 2005. № 4. С. 44–47.
7. Лобанов В.Г. Старая Чита: [Документальный рассказ]. Чита: Степанов М.А., 2001. 270 с.
8. Нагайцева Н.Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2002. 23 с.
9. Паликова Т.В. Благотворительность в городах Забайкалья во второй половине XIX начале XX в. // Социальная защита: история и современность: Материалы научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 14 июня 2001 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2001. С. 45–47.
10. Чита. Город во времени / Сост. и отв. ред. И.Г. Куренная. Чита: Стиль, 2001. 359 с.

УДК 323.1

Михалёва И.В.

## Этносоциальная и культурная основа российской и южнокорейской демократии

Ethnosocial and cultural base of Russian and South Korean democracy

---

В статье затронуты вопросы, касающиеся этносоциальной фрагментации общества, как в России, так и в Южной Корее. Кроме того, рассмотрены культурные факторы демократизации в обеих странах.

**Ключевые слова:** этносоциум, фрагментация, полиэтнос, диаспорная группа, этнополитическая сфера.



The questions, concerning to the ethnosocial fragmentation of societies, both in Russia and in South Korea are mentioned in the article. Besides, cultural factors of democratization in both countries are considered.

**Key words:** *ethnosociety, fragmentation, polietnos, diaspora's group, ethnopolitical sphere.*

---

Россия является страной, которая стремится соединить демократическое устройство политической системы с высокой этносоциальной фрагментацией общества. Народ, составляющий большинство в стране, национальности, дающие название российским республикам, и не имеющие административных образований, диаспорные группы и среди них новые мигранты – все они имеют разные проблемы, решение которых зависит от модели развития межнациональных отношений, которую выработывает государство и общество [1, с. 17].

По пути демократических преобразований в последние десятилетия движется и южнокорейское государство. Однако в случае с Кореей мы не можем говорить об этносоциальной неоднородности.

Опираясь на вышеназванные факты, представляется необходимым обозначить цель статьи, а именно, провести сравнительный анализ этносоциальной и культурной основы России и Южной Кореи, с выяв-



лением ее влияния на становление демократии в обоих государствах. Актуальность данной статьи представляется в том, что нами сравнивается этносоциальная и культурная база демократии в полиэтническом (Россия) и моноэтническом (Республика Корея) государствах.

В связи с поставленной целью, необходимо решить следующие задачи:

- выявить этнонациональные особенности России и Южной Кореи;
- изучить понятие "менталитет" применительно к понятию "этносоциум" РФ и РК;
- исследовать фактор "социальной неоднородности" и его влияние на становление демократических институтов.

Автор данной статьи разделяет представление об объективном характере этнических общностей. Этническая группа объективна, реальна, хотя бы уже тем, что осознает себя как таковую. Другое дело, что эта объективная реальность проявляется именно на уровне этнической самоидентификации, самоосознания внутренней общности и своего отличия от других подобных национальных ("мы – не мы"). Этническая принадлежность не дается от рождения, не определяется "родством крови", единством исторического происхождения, территории, языка и т.п. Этническое единство – чисто культурный феномен, ибо оно заключено в сознании людей.

На сегодняшний день население России составляет 145 166 731 человек.

Первую его группу составляют этносы, имеющие свою национальную государственность, т.е. "титulyные" в суверенных государствах (бывших союзных республиках) [2, с. 19].

Вторую группу составляют этносы, имеющие элементы государственности в рамках своих национальных образований (входящих в состав суверенных государств) [2, с. 20].

Третью группу составляют этносы, не имевшие в СССР собственных национально-территориальных образований, но заявившие о своих правах на них.

Четвертую группу образуют территориальные общности соотечественников, проживающих вне своих национальных образований. С распадом СССР за их пределами оказалось около 65 млн. чел. (из них в странах СНГ и Балтии больше всего русских и украинцев – свыше 25 и 6 млн. чел. соответственно), не считая этнических групп, имеющих "свой" государства за рубежом бывшего СССР (греков, болгар, немцев и т.п.) [2, с. 21].

Этнополитические проблемы, так же как этносоциальные, за десятилетие трансформаций в России существенно изменили значимость и содержание. Из главных для политической жизни страны в начале 1990-х гг. они стали не первостепенными. Угроза сецессии как центральная проблема сменилась опасностями фобий и экстремизма [3, с. 79].

Приведение законов в этнополитической сфере в соответствие с нормами международного права и международными договорами РФ состояло, прежде всего, в отмене 5-го пункта, изменении фиксации национальности в паспорте. Наконец, безусловно, важным было то, что в 1990-е гг. люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке [3, с. 117].

Демократизация не привела к исчезновению представлений о преимуществе доминирующей этнической группы, существующих как у русских, так и у представителей иных национальностей. В реализации важнейших жизненных устремлений – получить хорошо оплачиваемую работу, открыть свое дело, занять высокий пост в органах власти, так-

же как и ранее наибольшие возможности в республиках имеют, прежде всего, лица титульных национальностей, а в областях с доминирующим русским населением – русские.

Демократические государства используют специальные приемы солидаризации полиэтнических обществ. Так, выражением принципов интегральной демократии являются показательные назначения на высокие посты лиц иной, чем большинство, расовой или этнической принадлежности, с соответствующими этим должностям способностями.

В условиях глобализации и демократизации в государствах растёт приток мигрантов разной этнической принадлежности. В России эта проблема обострена меньшей готовностью принимающего населения и повышенными ожиданиями прибывающего. Здесь проблемы восприятия и адаптации мигрантов легли на травмированное после распада СССР, национальных движений, последствий чеченских событий сознание большинства.

Существуют тенденции, позволяющие прогнозировать, что проблемы этнической неприязни, экстремизма отнесут по своей значимости для страны этнически нагруженные проблемы взаимоотношений Центра и республик.

Что же касается Республики Корея, то здесь строительство политической системы с учетом этнонациональных особенностей и менталитета выглядит следующим образом.

Южная Корея представляет собой образец моноэтнического "национального государства", в котором этническая идентичность (этнокультура) и национальная идентичность (нациокультура) существуют параллельно, в одном социально-политическом пространстве. Всё население исконно представляет собой "aboriginal peoples" одной этнокультурной генерации – корейцы. Судьба исторического тела этничности корейцев сложилась так, что оно же стало основой национального корейского государства, не будучи при этом разрушено. Нациокультура формируется, культивируется государством с помощью идеи "единой Кореи", которая тесно связана с мифом о происхождении всех корейцев от одного предка (миф о Тан-гуне) [3, с. 50].

Этническая идентичность корейцев существовала "параллельно" с идентичностью национальной и достаточно гармонично коэволюционировала вместе с нею. Важнейшим структурным элементом этнической идентичности выступали и выступают династические сети – институт корейской семьи (hoju).

В современном контексте "демократического транзита" институт управления семьёй остаётся неотъемлемым каркасом "коротких" отношений корейского общества, которые закреплены соответствующими законами Кореи.

В Корею считают, что эти законы надо приводить в соответствие с реалиями современности, но отменять институт управления семьёй нет необходимости. Под требования системы управления семьёй во многом приспособлены и структуры муниципального самоуправления и обслуживания.

В Южной Корею наблюдается модель эволюции "этноса" и "нации", при которой историческое тело этничности, с теми или иными контекстуальными образами, сохраняется до сегодняшнего дня.

В случае сохранения исторического тела своей этничности корейцы сохраняют не только самобытную культуру, но и связанные с ресурсами "духовного капитала" конкурентные преимущества в системе региональных и глобальных экономических отношений.

В этой связи мажоритарный характер демократии в Южной Корею предполагает согласие с волей большинства избирателей не только

проголосовавшего меньшинства, но и кандидатов победившей партии оставшихся за бортом предвыборной гонки в результате нахождения в нижних позициях партийных списков. Такая ситуация позволяет манипулировать волеизъявлениями избирателей, включая в заведомо неизбираемые позиции партийных списков влиятельных и авторитетных людей, которые изначально не имеют прямого намерения становиться депутатами парламента и участвовать в управлении делами государства через посредство законотворческой деятельности [4, с.72].

Изучение политико-юридических проблем и особенностей государственного строительства на Корейском полуострове в нашей стране носит ограниченный характер, поскольку в случае с Кореей мы не можем, говорить об этносоциальной неоднородности.

Кроме того, в рассматриваемой сфере исследований заметен существенный дисбаланс в сторону, во-первых, экономической, культурной либо чисто политической проблематики, во-вторых, в отношении Южной Кореи, что отражает конъюнктуру развития геополитики и, в какой-то мере, направлено на обслуживание интересов западных стран [6, с. 160].

Подобный подход чуть было не привел к неадекватному восприятию практической политикой ситуации на Корейском полуострове. В данном контексте необходимо рассмотреть социальную организацию общества и Северной Кореи (КНДР).

Все население КНДР в зависимости от своего происхождения подразделяется на 51 группу, которые образуют три слоя: "основной" "колеблющийся" и "враждебный".

Разумеется, нет никакой возможности даже приблизительно определить численность этих групп. Разной в данных по этому вопросу редкостный. Так, в 2006 г. в одной южнокорейской коллективной монографии со ссылкой на издание Министерства объединения (эти издания весьма богаты фактами, но, увы, не ссылками, и, похоже, часто опираются на разведывательную информацию) было заявлено, что численность "основного", "колеблющегося" и "враждебного" слоев составляет 28%, 45% и 27% соответственно [5, с.18].

Цифры эти были бы, по крайней мере, правдоподобны, если бы в другом разделе той же самой коллективной монографии не содержались, со ссылкой на американскую публикацию, совсем другие цифры: 25%, 24 %, 51% [5, с. 18].

Такой разброс еще раз подчеркивает то обстоятельство, что серьезной информации пока ни у кого нет.

Вместе с тем, ограниченность исследований Корейского полуострова не должна отождествляться лишь с недостаточностью активности ученых. Современное состояние науки в рассматриваемом вопросе имеет и объективные причины.

В частности, Республика Корея (в отличие от КНДР), будучи демократическим и либерально настроенным государством, охотно предоставляет практически любую информацию о себе, спокойно и адекватно воспринимая как научные дискуссии, так и предложения по вопросам государственно-правового и этносоциального развития [7, с. 14].

Учитывая вышесказанное, необходимо сопоставить некоторые обстоятельства процессов общественных трансформаций, протекающих в Корее и России, с точки зрения демократических транзитов.

Прежде всего, как мы уже отмечали выше, обращают на себя внимание различные отправные точки этих двух разновидностей демократического транзита – с одной стороны, репрессивный военный режим, осуществивший авторитарную модернизацию и породивший социальные силы и коалиции, заинтересованные в либерализации. С другой

стороны, посттоталитарный режим, стремящийся найти механизмы выживания.

Соответственно, различны и задачи, стоящие перед архитекторами демократизации – с одной стороны, демократизация выступает как продукт экономического успеха, с другой – демократизация направлена на поиск средств для осуществления экономических реформ ради спасения режима. Как раз в этой связи возникает принципиальной важности вопрос: действительно ли экономический рост (пусть даже достигаемый авторитарными средствами) является предпосылкой демократизации, как постулирует традиционная теория? Раньше это считалось аксиомой – и Республика Корея как будто бы дает этому прекрасное подтверждение. В действительности, прямой связи здесь нет. Процессы демократизации могут начинаться и в экономически неразвитых странах. Другое дело, что уровень экономического развития способствует сохранению и консолидации демократии [8, с.150].

В любом случае для России корейский вариант авторитарной модернизации, создающей предпосылки для демократизации (как не устают говорить некоторые наши российские адепты просвещенного авторитаризма как пути к демократии), совершенно неприемлем. В Корею он опирался на прямое принуждение, невозможное у нас сейчас, и на трудовые навыки и нормы конфуцианства, также полностью у нас отсутствующие.

Последнее развитие событий в Корею несколько по-новому ставит вопрос и о последовательности экономических и политических реформ. Сейчас складывается впечатление, что в корейском обществе все шире признается необходимость продвижения экономических реформ – но оно невозможно без продолжения политических реформ. Это, в свою очередь, ставит под вопрос казавшуюся предсказуемой последовательность – сначала авторитарная модернизация, а после – политическая демократизация.

В заключение статьи автору представляется целесообразным сделать следующие выводы.

Корейский и российский опыт заставляют пересмотреть роль культурных факторов, которые, как мы подчеркнули выше, долгое время считались одним из важнейших структурных элементов демократизации.

Конфуцианство и обломки советской культуры (с примесью православия) – далеко не "культура гражданственности", на которой, согласно классической теории, вырастают демократические институты, и на которую опирается этнос. Они, – демократические институты, – могут рождаться как процедуры, избираемые и навязываемые реформаторами. В этом состоит, как представляется, один из важных выводов, который можно сделать из сравнительного анализа корейского и российского феноменов демократизации.

Вместе с тем, для того, чтобы эти институты не стали формальными фасадами для недемократического правления, для того, чтобы обеспечить консолидацию демократии, как раз и важны такие культурные факторы как формирование и закрепление в национальных культурах демократических норм и ценностей. А это требует гораздо большего времени (вплоть до смены поколений), нежели слом авторитарного режима.

Слабые неконсолидированные демократии в Корею и России поражены серьезными и во многом врожденными недугами. Один из главных в обоих случаях – консервативный характер демократического транзита, в результате чего старые правящие группировки сохраняют свое влияние при новом режиме. Однако не менее значительное тормозящее и искажающее влияние на ход общественных преобразований оказывают

по-прежнему широко распространенные в корейском и российском обществах традиционные культурные ценности и их фрагментированная (в одном случае клановой, а в другом – этнической принадлежности) социальная структура.



---

## Литература

1. Воронцов А. Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы. //Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 46-50 .
2. Кретов Б.И. Политические процессы в России// Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С.11-18.
3. Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований//Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм.- 2005. № 3. С. 19-74.
4. Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассовых и раннеклассовых обществ. М.: Инфо, 2006.
5. Пляйс Я. Политическая власть в России в поисках новой идентичности (аналитический обзор диссертационных исследований российских политологов) // Власть. 2006. № 10. С.17-19.
6. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса и конституционный вопрос в Республике Корея // Известия Восточного института ДВГУ. 1999. № 5. С. 159-178.
7. Толстокулаков И.А. Воздействие процессов демократизации на экономическую ситуацию в Южной Корее // II науч. конф. преподавателей и студентов Восточного института ДВГУ: Тез. докл. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1997. С. 14-15.
8. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики: Монография. Владивосток: Изд-во ДВГУ , 2003. 444 с.

УДК 32.019.5

Исаев А.А.

**Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг.**

**Sociopolitical moods on the Japanese concessions of Sakhalin in 1930 – the beginning of 1940th**

---

В представленной работе в контексте советско-японских отношений 1930-х – начала 1940-х гг. рассматривается развитие социально-политических настроений и поведения рабочих и служащих японских концессий на Сахалине.

**Ключевые слова:** *Дальний Восток, Сахалин, советско-японские отношения, социально-политические настроения, японские концессии.*



In the presented work in a context of the Soviet-Japanese relations 1930 – the beginnings of 1940th development of sociopolitical moods and behaviour of workers and employees of Japanese concessions on Sakhalin is considered.

**Key words:** *Far East, Sakhalin, the Soviet-Japanese relations, sociopolitical moods, the Japanese concessions.*

---

Дальний Восток занимает важное место в геополитике нашего государства, являясь воротами России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Его роль определяется, прежде всего, как стратегическим положением, так и экономическим значением. Именно этому региону нашей страны отводилась особая роль во время советско-японского сотрудничества и противостояния в годы Второй мировой войны.

Вследствии общей слабости страны после гражданской войны в экономическом и военно-политическом аспекте СССР не был готов к решительным внешнеполитическим действиям. В этой связи Дальневосточному региону, как наиболее удаленному от центра, отводилось особое значение. У руководства страны, несмотря на имеющие место резкие заявления, не было другого выхода, как "умиротворять" Японию. Но не

только "умиротворять", а так же, как говорилось в письме 1925 г. заместителя наркома иностранных дел Г.В. Чичерина: "...стремиться наладить хорошие отношения... и сближаться с Японией" [1, с. 13].

Одним из первых шагов Советского государства навстречу стабилизации отношений с Японией становится подписание на Пекинской конференции 20 января 1925 г. между послами обеих стран "Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Советским Союзом и Японией". В данной конвенции, в частности говорилось: "В интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство СССР готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных, рыбных и других естественных богатств на всей территории СССР" [3, с. 93.]. Тем самым, был принципиально решен вопрос о предоставлении Японии концессий на территории СССР.

Внешнеполитический фактор в условиях Дальнего Востока (особенно в отношении СССР и Японии) доминировал над внутривнутриполитическими установками, направленными на свертывание концессионного дела. Поэтому, несмотря на то, что, на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. так же, как и в целом по стране, происходило свертывание концессионной политики и самой практики, этот процесс практически не затронул основные японские концессионные предприятия.

Однако уже к началу 1940-х годов, Япония дала письменное обязательство ликвидировать все концессии в СССР до конца года. Но начавшаяся вскоре Великая Отечественная война помешала этому. В сложной военно-политической обстановке Советский Союз с целью недопущения осложнений в отношении с Японией не настаивал на ликвидации концессий. В октябре 1941 г. японской стороне было даже продлено право на добычу и вывоз нефти до 1943 г. Именно экономическими уступками (нефть была жизненно необходима Японии) в СССР стремились избежать войны на востоке.

Обретя мощь и силу в ходе Великой Отечественной войны, Советский Союз настоял на ликвидации Японских концессий, на своей территории. В 1943 г. все концессионные предприятия были законсервированы. 1944 год, принесший новые победы советской армии и уверенность в скором разгроме Германии, стал последним годом существования концессий на Дальнем Востоке СССР. Соглашение, подписанное в Москве, 30 марта 1944 г. аннулировало все права Японии на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений в СССР [1, с. 808.].

Особо опасным с точки зрения соприкосновения японских и советских интересов, являлся остров Сахалин. На территории советского Сахалина (северной части острова) находились основные советско-японские предприятия-концессии в нефтяной, угольной и рыбной отраслях. На данных предприятиях рабочий коллектив состоял из советских и японских работников, что способствовало близкому контакту между рабочими разных национальностей. Вследствие этого, руководство страны и местной партийной власти считало, что близость и частое общение с вероятным противником, могут привести к потере революционной бдительности и патриотических чувств среди русских работников концессий и жителей острова. Действительно, частое общение с японцами не могло не отразиться на настроениях и взглядах русского населения. Они видели, как живут, питаются, работают и сколько зарабатывают японские рабочие и служащие и им хотелось жить также. Так землекоп на стройке в Советской гавани Н.К. Литвиненко, ранее работавший в г. Охе на японской концессии в 1936-1937 гг. заявлял: "Рабочие на японских концессиях живут лучше, чем мы живем здесь. Там много качественных

вещей, разных продуктов и хорошие заработки" [4, с. 101.].

В связи с этим, вся территория концессий рассматривалась местными органами власти и органами НКВД как рассадник шпионажа и социально-политически чуждого элемента. С целью безопасности приграничных территорий и недопущения прояпонского влияния на корейское и китайское население, (родственники многих из них проживали на оккупированной японцами территории) власть выселяет их с ДВК в Среднюю Азию. Русское население мгновенно, при попустительстве властей, реагирует на это, объявляя всех их японскими шпионами и диверсантами. Вместе с тем, общество, следуя установкам и воле власти, начинает выступать за уничтожение всех врагов народа, что будет способствовать безопасности и социально-политической "чистоте" региона. Большую обеспокоенность в плане социально-политической безопасности вызывал остров Сахалин, имеющий сухопутную границу с Японией. Тем более на советской территории острова продолжали функционировать японские концессии. На таких совместных предприятиях работали советские и японские рабочие, и служащие, в связи, с чем власть рассматривала такое состояние общества, которое больше влияло на русское население, впитывавшее иностранную идеологию. В связи с большой вероятностью японского вторжения партийные органы проводили с советскими работниками, активное политико-идеологическое воспитание стремились не допустить прояпонской пропаганды и создания в своем тылу "пятой колонны." "... засоренность шпионами и социально-чуждым элементом, связанным с японской разведкой, особенно можно наблюдать на Сахалине, имеющем сухопутную границу с Японией" (ГАПК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 101. Л. 7).

Русские концессионные рабочие попадали под подозрение органов государственной безопасности. Многие из них, особенно в период массовых политических репрессий, порой безосновательно, обвинялись в шпионаже и связях с японской разведкой, и были арестованы. К примеру, рабочий Соколов был арестован по данному обвинению, и в материалах его дела говорилось, что "он в период работы на японской концессии в Дуэ, был связан с японской разведкой и после отъезда этих связей не терял" (ГАХК. Ф.35. Оп.1. Д.771. Л.82). Однако не только среди рабочих, но и среди партийных руководителей региона в местных органах власти были явно прояпонские настроения. Так в спец сообщении по общему положению дел на Сахалине, в частности отмечалось, что: "...имеются случаи, когда отдельные коммунисты Охинской партийной организации имели близкую связь с японскими спецслужбами, а некоторые из них выполняли задания японцев шпионского характера и проводили на собраниях рабочих и в узком кругу антисоветскую, японофильскую агитацию" (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 946. Л. 18). В связи с осложнением советско-японских политических отношений, на данных предприятиях, возникали трения между рабочими на национальной почве.

Нередки были случаи насилия над советскими рабочими. Так, в течение ряда лет, на японских концессиях были отмечены унижение русских работников со стороны японцев, как во время работы, так и на отдыхе. Кроме того, со стороны японской администрации отмечалось грубое обращение и оскорбление нецензурными словами русских рабочих и служащих. Однако и японские работники периодически ощущали на себе выпады и далеко не лестные высказывания со стороны русских в свой адрес. Эти выпады участились во время открытого военного противостояния на озере Хасан и у реки Халхин-Гол. Например, работники горного округа, неоднократно на производстве вели разговоры с японской администрацией в грубой форме. Учащались случаи ругательств и угроз по отношению ко всем японцам: как к работникам концессии, так



и проживающих на близлежащей территории. Данные прецеденты, использовались японской администрацией в антисоветских целях (ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 252, 295; Ф. 35. Оп. 1. Д. 319. Л. 264.).

Итак, несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, во второй половине 1930-х годов на Дальнем Востоке сохранялся общий патриотический подъем и моральная стойкость населения. Однако это не мешало проявляться время от времени антисоветским, японофильским высказываниям и настроениям. В основном это происходило из-за надежд некоторой части советского населения, что с помощью иностранной (прежде всего с японской) интервенции удастся уничтожить советский строй и тем самым восстановить старый строй, и вернуть все, что они потеряли.

После начала войны, отношения между советскими и японскими рабочими становились напряженными. В немалой степени это обусловлено тем, что сохранялись провокационные слухи, что были виновны японские служащие. В период 1941 – 1942 гг., – согласно отчету Восточно-Сахалинского горного округа о деятельности японского нефтяного концессионера, – японские граждане периодически угрожали советским работникам, тем, что скоро в г. Оху и другие населенные пункты придут японские солдаты, которые будут русских девушек и женщин насиловать, а всем мужчинам будут разбивать головы. В то же время, они (японцы) вносили неразбериху в работу оборонных ведомств острова. Так, переводчик технического отдела Исида, высказывался, что " не нужно проводить в Охе и других населенных пунктах светомаскировку и учения ПВО. Пока мы здесь (японцы – А.И.) никакие самолеты нападать не будут" (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1038. Л. 231).

В связи с ухудшением материально-бытовых условий жизни, связанных с войной, участились случаи попрошайничества и воровства на концессиях. По этому случаю, японцы заявляли: "не успели одного года повоевать, а уже развили нищету". Кроме того, японцы использовали подобные факты в своих целях, вплоть до вербовки недовольных русских граждан (ГАХК. Ф.35. Оп.1. Д.1071. Л.23).

Слухи и антисоветские настроения, распространяемые как японцами, так и их пособниками, вызывали страх у советских граждан. Это влекло за собой явно антипартийные поступки. К примеру, в городе Оха, комсомолец написал заявление о выходе из ВЛКСМ и сдаче комсомольского билета, из-за страха и боязни за свою жизнь, в связи с создавшейся угрозой над Советским Союзом (ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1076. Л. 14).

В связи с заметными изменениями на советско-германском фронте, а также с втягиванием Японии в длительную войну с США на Тихом океане, к началу 1943 г. происходит постепенное изменение политических настроений у населения острова. С ликвидацией концессий в 1944 г., отрицательные поступки и настроения окончательно исчезают. Однако даже после этого русские рабочие и служащие оставались в поле зрения органов НКВД.

Тем не менее, мужество, моральная и идеологическая стойкость жителей о. Сахалин, которые, несмотря на распространение панических, пораженческих слухов, антисоветских и прояпонских настроений, на репрессии и беззакония властей и органов НКВД, страх и недоверие людей друг к другу, а так же тяжелые трудовые и бытовые будни, не только смогли выстоять морально-психологически, но и победить опасного и хитрого противника – Японию.

### Литература

1. Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т.8. 862 с..
2. Картунова, И.А. Китайский вопрос в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахона. 1924 -1926. // Новая и новейшая история. 1998. №6. с. 3 – 18.
3. Марьясова, Н.В. Иностраннный капитал на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы. Концессии и концессионная политика Советского государства. Владивосток, 2000. 168 с.
4. Чернолуцкая, Е.Н. "Очистка" Приморья от "неблагонадежного" населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в. Владивосток, 1999. с. 95 – 112.

УДК 32

Мурзакова А.А.

### Архитекторы японо-американского союза: лидеры оккупационного периода (1945 – 1951 гг.)

Architects of the U.S.-Japanese Alliance: Leaders of the Occupation Period (1945 – 1951)

---

В статье рассматривается период американской оккупации Японии (1945 – 1951 гг.) сквозь призму личностного фактора. Особое внимание уделено портрету лидера в контексте японского и американского культурного кода. Именно в оккупационный период Ёсида и Макартуром были заложены политические основы японского экономического чуда, их работа сформировала основы послевоенной политики Японии.

**Ключевые слова:** *японо-американский союз, оккупация Японии, Г.Трумэн, Д.Макартур, С.Ёсида, Хирохито.*



In the article the author examines the period of American occupation of Japan (1945 – 1951) according to the role of an individual. Great attention is paid to the leader's portraits according to Japanese and American culture. Political foundation of the Japanese economic miracle was laid by S.Yosida and D.MacArthur during the occupation period, their work made a base of postwar Japanese policy

**Key words:** *U.S.-Japanese alliance, occupation of Japan, H.Truman, D.MacArthur, S.Yoshida, Hirohito.*

---

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала, закончилась Вторая Мировая война. Как уже говорилось выше, страна оказалась под руководством Дальневосточной комиссии, преференции в которой имели США. В сложившейся обстановке американцы и японцы разделились на ведущих и ведомых. Задачей оккупантов было установить такую систему, при которой Япония оказалась бы послушной США, а для Японии в свою очередь необходимо было сохранить себя и за счет Америки вновь приобрести силу и мощь. Подобный расклад сохранялся до 1952 г., равно

шесть лет понадобилось Японии, чтобы окрепнуть и набрать обороты.

Архитекторами "новой" Японии, а впоследствии и японо-американского союза были лидеры США и Японии, в силу разницы культурных кодов они совершенно разные, но возможно в этом и кроется успех их совместной деятельности. Японский лидер – один из всех, он часть той большой общины, большой семьи, часть Японии. В парламенте многих государств есть выходцы из зарубежных стран. Однако немислимо, чтобы депутатом высшего законодательного органа Японии сделался человек иностранного происхождения. В лидере японцы ценят, прежде всего, любовь и безграничную преданность своему народу, поддержка народа тем выше, чем больше усилий прилагает премьер-министр для улучшения внутривнутриполитической ситуации, японцев не волнует ничего, что находится за пределами Японии (большой общины), для них главное, чтобы внутри страны были гармония и процветание. И только в таком случае страна богов встанет на вершину мира.

Американская культура требует от человека быть индивидуальным и ярким, эпатировать и выделяться из толпы. Поэтому то американский лидер тем популярнее, чем экстравагантнее. Американцам важно не то, что происходит дома, им важна внешняя картинка. Рейтинг президентов США резко увеличивается не после реформ, направленных внутрь страны, а после любых ярких внешнеполитических акций.

Ницше писал, что мир вращается вокруг изобретателей новых ценностей. Но он вращается и вокруг тех, кто бережно хранит или возрождает ценности старые, но отвергнутые и забытые на время. Так популярные американские лидеры изобретают новые ценности, а популярные японские – оберегают старые. Возможно, именно в этом залог взаимопонимания президентов США и премьеров Японии, их миры не мешают, а на оборот помогают друг другу. Это подтверждается мнением П.Сорокина: "будущее за интегральным типом общества и культуры" [3, с. 517], то есть во взаимодействии двух таких казалось бы полярных культур во многом залог стабильности и надежности японо-американского союза.

После разгрома Японии во Второй Мировой войне, страна на шесть с половиной лет (1945 – 1951 гг.) оказалась под властью американских оккупационных властей. В эти шесть решающих лет были заложены основы союза, а главным действующим лицом этого периода с американской стороны был генерал Макартур.

Дуглас Макартур родился в г. Литтл Рок, штат Арканзас в 1880 году. Его родителями были генерал-лейтенант Артур Макартур-младший, и Мария Пинкней Харди Макартур. Всё детство он переезжал вместе со своей семьей. Часть своей юности он провёл в Вашингтоне в доме своего деда со стороны отца, судьи Артура Макартура, который был вхож в высшее общество и в политические круги столицы. В 1893 г. отец Макартура служил в Сан-Антонио, в Техасе. В то время Дуглас проходил обучение в Западнотехасской военной академии, где он проявил себя блестяще.

Во время Первой мировой войны он служил во Франции в качестве начальника штаба 42-го отдела "Радуга". Потом он стал командиром 84-й пехотной бригады. За несколько недель до окончания войны он стал командиром дивизии. Во время войны Макартур получил два креста, семь Серебряных звёзд, почётный знак службы и два Пурпурных сердца.

Политика Дугласа Макартура была направлена на сохранение жизней на фронте. Из-за этой политики, а также того факта, что он, как правило, отказывался носить противогаз во имя сохранения жизней остальных его людей, он получил много респираторных проблем на всю оставшуюся жизнь. Тем не менее, он стал самым титулованным американским офицером войны, и генерал Чарльз Т. Менохер (Menohher) од-

нажды сказал, что он был большим человеком в армии.

На посту верховного командующего союзными войсками на Тихом океане он 2 сентября 1945 года на борту американского линкора "Миссури" принял капитуляцию Японии. США чувствовали себя полными хозяевами в Японии после её капитуляции. Позже в своих мемуарах главнокомандующий американским оккупационным корпусом генерал Макартур писал: "Мы ничего не должны японцам, у нас нет перед ними даже моральных обязательств. Мы имели право разоружить их после войны, даже если некоторые из них перережут себе глотку" [8, с. 47].

Главнокомандующий союзными державами генерал Макартур обладал огромными правами и властью в отношении Японии. Он использовал японское правительство как удобную ширму. В Японии генерал чувствовал себя подлинным хозяином, именно под его влиянием император Хирохито провозгласил отказ от божественного происхождения. Президент Трумэн сам дал Макатуру такую власть: "Вы будете осуществлять свою миссию так, как Вам это видится необходимым" [2], даже госдепартамент не имел права проверять и утверждать действия генерала. Позже в своих воспоминаниях Макартур напишет: "Я – профессиональный солдат, получил абсолютное право контролировать жизнь 80-миллионного народа" [2].

Имена тех политиков, с которыми американцы имели дело в период оккупации, говорят сами за себя. Официальным главой государства был император. 124-й император Японии известен на Западе под данным ему при рождении именем Хирохито (裕仁 буквально "изобилие, добродетель"), в Японии же императора принято называть тронным именем, которое также является девизом правления, для Хирохито такое имя – Сёва (昭和 дословно "просвещенный мир"). В период участия Японии во Второй мировой войны не вмешивался в решение военных и политических вопросов. Однако в начале августа 1945, когда поражение Японии стало очевидным, император убедил Тайный совет принять условия Потсдамской декларации и 15 августа выступил по радио с речью о капитуляции. Несмотря на призывы признать Хирохито военным преступником, лично ответственным за развязывание войны, оккупационная администрация настаивала на том, что император был только формальным главой государства, а фактически вся власть находилась у военных. В 1946 г. тенно совершил, как принято считать, он отказался от своего божественного происхождения. Однако утверждать это однозначно невозможно. 1 января 1946 г. Хирохито издал Императорский рескрипт об устройении новой Японии и Императорский рескрипт о восстановлении нации, получившие общие название "Декларации о человеческой природе". Особое внимание западного мира придавалось следующей фразе: "связи между Нами и Нашим народом всегда строились на взаимном доверии и привязанности и не зависят от каких-то легенд и мифов" [10].

На Западе принято считать, что тем самым император отрекся от вековых притязаний на то, что он и его предки происходят от богини солнца Аматэрасу, и признал, что не является "живым богом". Однако точный смысл текста, написанного пышным и архаичным придворным стилем, остается спорным. В частности, вместо обычного для первого периода правления Хирохито слова "Арахитогами" (現人神 бог, являющийся человеком) в нем используется менее распространенное выражение "Акицумиками" (現御神 проявленный бог). Можно сказать, что император мог быть "арахитогами", даже не будучи "акицумиками". Сторонники этой версии указывают также на то, что вскоре после издания рескриптов "Нингэн-сэнгэн" Хирохито обратился к оккупационным властям за разрешением почтить своего предка, получив которое, стал совершать

обряды в честь Аматаэрасу, тем самым неявно подтвердив, что считает себя ее потомком. Сам император Хирохито впоследствии заявлял, что отречение от божественной природы не было целью издания рескриптов. Поскольку их текст начинается полным цитированием "Пяти пунктов Императорской клятвы" императора Мэйдзи (1868), подлинным намерением императора было показать, что Япония уже стала демократической страной в эпоху Мэйдзи и не нуждается в демократизации, проводимой оккупантами. В 1977 г. Хирохито заявил, что "хотел, чтобы японцы не забывали о гордости за свою страну" [11].

Американцы вошли в страну, когда премьер-министром был принц Нарухико Хигасикуни. После объявления о капитуляции Японии 15 августа 1945 г. и ухода в отставку кабинета Судзуки император поручил возглавить кабинет министров Хигасикуни. Это был единственный случай, когда член императорской семьи возглавлял кабинет министров. Но уже в октябре 1945 г. император, при неофициальном одобрении штаба главнокомандующего оккупационными войсками, назначил Сидэхара премьер-министром Японии. Его правительство опубликовало в апреле 1946 г. проект ныне действующей Конституции Японии. Как утверждал Д. Макартур, идея ст. 9 Конституции Японии (отказ от войны на "вечные времена") принадлежала Сидэхара. Не получив большинства на парламентских выборах 1946 г., правительство Сидэхара, опиравшееся на Прогрессивную партию, ушло в отставку. В 1947 г. Тэцу Катаяма возглавил коалиционное правительство, которое просуществовало всего восемь месяцев. После отставки кабинета Катаяма в марте 1948 г. Хитоси Ашида формирует коалиционный кабинет, уходит в отставку в октябре этого же года. Поводом для отставки кабинета Ашида стали факты коррупции политиков и правительственных чиновников, незаконного получения ими пожертвований на партийную деятельность от компании "Сэва дэнко" [7, с. 510].

А с 22 мая 1946 г. по 7 декабря 1954 г. (с перерывами) премьер-министром Японии был Сигэру Ёсида, дипломат империалистической Японии. Он настолько устраивал оккупационную администрацию, что та, найдя в нем "подходящего человека", способствовала его семикратному переизбранию на пост премьера [4, с. 129]. Этот человек стал главным связующим звеном поверженной, но не сокрушенной прежней правительственной машины с теми, кого еще недавно называли "американскими дьяволами".

Ёсида утроил численность личного штата премьер-министра, разместился в великолепном особняке, выезжал на "Роллс-Ройсе", прилюдно курил сигары и пил виски. Все внешние атрибуты соответствовали американским иллюзиям, что верный человек найден. Ёсида "раскрывал глаза" Макартуру на "левые элементы" среди американцев, прячущихся за фасадом штаб-квартиры американской военной администрации. Но за такой "верностью" скрывалось желание сохранить Японию, не дать оккупантам совершить коренных изменений столпов мироустройства японцев [9]. Именно благодаря усилиям Ёсиды император не стал европейским монархом, как того хотели американцы, он остался "символом государства и единства народа" (для японцев это было крайне важно). Следуя японскому принципу нэмаваси (изначально являлось садоводческим термином, означающим "окапывание корней дерева перед его посадкой", однако сейчас это выражение получило широкое распространение в разных сферах, особенно в деловых кругах, в смысле "предварительная подготовка, закладка фундамента на будущее". Японец заранее договорится с нужным человеком, подготовит его к выгодному для всех ведению дела), Ёсида готовил почву для дальнейшего возрождения поверженной Японии, он грамотно подводил США к мысли о необходи-

мости сделать Японию союзником, вкладывать деньги в обеспечение ее безопасности. Но все действия производились настолько ненавязчиво и осторожно, что американцы поверили, что это их собственные идеи. Ёсида действовал согласно японской поговорке "умный ястреб прячет свои когти", эту же мысль он старался внушить своим соотечественникам и приемникам.

Во время своего правления Ёсида не всегда пользовался популярностью среди соотечественников, его заслуги оценили гораздо позже, но зато он был "идеальным японцем" генерала Макартура и президента Трумэна.

Одним из главных достижений периода оккупации стала доктрина Ёсиды, которая заложила магистральное направление послевоенной политики национальной безопасности Японии, эта доктрина стала выражением национального самоопределения в политике.

В 1950 г. Японию покинул генерал Макартур, он выполнил свою миссию, став крестным отцом японо-американского союза.

"Договор безопасности" 1951 г. заложил основы американо-японского союза. Он означал коренной поворот в подходе США к своему недавнему противнику [5, с. 134]. США приобрели не только военные базы, но и верного "младшего брата", который при любом нападении невольно закроет их. Но одновременно с этим американцы взрастили мощного конкурента на мировой арене.

Говоря о периоде оккупации, нельзя не остановиться на личности Г. Трумэна. Президент США Г. Трумэн практически не играл никакой роли в оккупационной политике США, он посчитал, что сделал все, отдав власть генералу Макартуру. Японцы испытывали к нему чувство глубокой ненависти, не могли простить бомбардировок Хиросимы и Нагасаки; американцы тоже не любили. Он был чрезвычайно непопулярным президентом, в декабре 1951 года только 23% американцев положительно оценили его деятельность [1, с. 360]. Отношение к Трумэну до сих пор неоднозначное. Главное обвинение в его адрес – бомбардировка мирных японских городов Хиросима и Нагасаки. Но нельзя с полной уверенностью сказать, что эти действия были необдуманными. До принятия решения о бомбежке Трумэн провел опрос своих генералов и адмиралов о потерях при проведении десантной операции по захвату японских островов. И все дали приблизительно одинаковую оценку – от 600 тыс. до 1 млн. потерь среди американцев и 4-6 млн. среди японцев (из них 70 % мирных жителей). Эти цифры подтверждала операция на Окинаве – 150 тыс. погибло [6]. Возможно, в тех условиях, шаг, предпринятый Трумэном, был единственно верным.

И только через много лет после ухода Трумэна из большой политики его вклад оценили, впрочем, как и вклад Ёсиды. С течением времени все яснее становится, что и Трумэн, и Ёсида вопреки многим личным нападкам, обладали твердой волей, в трудных ситуациях сами принимали все решения, даже если они не были популярными, и никогда не отступали от принятого.

Лидеры периода оккупации заложили необходимые основы для дальнейшего развития и функционирования союза, они подготовили почву для своих приемников, сформировали законодательно-правовой базис японо-американских отношений. И, несмотря на то, что ведущими в этой партии были американцы, японские лидеры своими умелыми действиями, находясь в позиции подчинения, смогли добиться выгодных для своей страны мероприятий, пусть даже не оцененных современниками. На протяжении этих шести решающих лет был сформирован образ современной Японии, заложены основы ее позиций на мировой арене. Благодаря усилиям японских лидеров весь мир поверил в иллю-

зию маленькой миролюбивой страны, все жители которой с умилением любят падающую снежинку и складывают бумажных журавликов. Япония затаилась, она набиралась сил и готовилась к прыжку, грамотно используя силы старшего партнера (практически сюзерена), страна восходящего солнца стала незаменимым вассалом, что впоследствии приведет к тому, что слуга перестанет быть слугой, а станет могущественным конкурентом. Но это уже миссия новых лидеров.



---

### Литература

1. Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
2. Кузнецов Л.М. Стопроцентный американец. Исторический портрет генерала Макартура. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.militera.lib.ru](http://www.militera.lib.ru). [Дата обращения: 15 февраля 2004 г.]
3. Сорокин. П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ ред., сост. и предисл. А.Ю.Согюмонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
4. Уткин А.И. США Япония: вчера, сегодня, завтра. / А.И. Уткин. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 231 с.
5. Уткин А.И. Тихоокеанская ось / А.И. Уткин. М.: Мол. Гвардия, 1988. 159 с.
6. Хиросима и Нагасаки. [Электронный ресурс]. URL: <http://hiroshima.scepsis.ru/bombard> [Дата обращения: 15 апреля 2008 г.]
7. Япония от А до Я. / Изд-во "Япония сегодня". М.: Япония сегодня. 640 с.
8. Valley, D. J. Gaijin Shogun: Gen. Douglas MacArthur Stepfather of Postwar Japan. Sector Company, 2000. p.
9. Yoshida, Sh. The Yoshida Memoirs: The Story of Japan in Crisis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quesia.com> [Дата обращения: 15 апреля 2008 г.]
10. 人間宣言 [Электронный ресурс].. URL: <http://chukai.ne.jp> [Дата обращения: 20 октября 2009 г.]
11. 昭和天皇と会談 [Электронный ресурс]. URL: <http://chukai.ne.jp> [Дата обращения: 20 октября 2009 г.]



УДК 327

Булипопова Е.В.

## Северная Корея как азиатский "Прометей": мифология и политтехнология "двойного стандарта"

North Korea as Asian "Prometheus":  
Mythology and Political Technology of Double Standard

Статья предлагает взглянуть на проблему Северной Кореи с точки зрения комбинированного методологического потенциала теории мифов и проблематики двойных стандартов в международной политике. Авторское определение политики двойных стандартов как специфической технологии реализации власти, а также структурный анализ древнегреческого мифа о Прометее позволяют открыть новые грани северокорейского вопроса и предсказать наиболее вероятный сценарий развития событий.

**Ключевые слова:** *Двойные стандарты, политика двойных стандартов, Северная Корея, ядерное оружие, режим нераспространения, ДНЯО, мифы, методология, Прометей.*



The article is proposing to take a look at the North-Korean problem from the combined methodological viewpoint of myths' theory and double-standard politics as a question of IR theory. Original definition of double-standard politics as technology of power spreading and structural analysis of ancient-Greek myth about Prometheus are allowing to open some new aspects of North-Korean nuclear situation and even to preview the most realistic scheme of this process's development.

**Key words:** *Double standards, double-standard politics, North Korea, Nuclear Non-proliferation Treaty, nuclear weapon, myth, methodology, Prometheus.*

В современном международном и мировом политико-правовом дискурсе существует не так много тем, упоминание которых автоматически делает любую повестку дня "горячей" и злободневной. К таким аспектам, безусловно, относятся северокорейский вопрос и политика двойных стандартов, две проблемы, ссылки на которые давно уже стали общим местом в обсуждении региональных и даже глобальных политических процессов.

Проблемы ядерной программы КНДР и политики двойных стандартов нередко пересекаются в рамках популярно-журналистского контекста. Объединить два специфических феномена современной международной политики в единую научную понятийно-дискурсивную плоскость поможет не менее специфический для современной политологии и теории международных отношений метод – теория мифов. Возможно, такой подход позволит по-новому осмыслить некоторые аспекты регионально-го и мирового политического процесса, связанного с ситуацией вокруг

КНДР.

В современной обыденной речи мифом называют всякий вымысел. Однако в истории культуры миф, был, наоборот, первой формой существования истины, первым типом текста, который объяснял людям устройство мира, их самих и их место в этом мире. Можно сказать, что в истории культуры мифотворчество – это самый ранний из способов обобщать, осмысливать и сохранять для последующих поколений всесторонний опыт коллективно осуществляемой жизни. Миф обобщает опыт, не потерявший своего значения для настоящего и будущего. Поэтому миф говорит о том, что есть всегда, хотя и в форме рассказа о том, что случилось некогда однажды [8]. Великий антрополог К. Леви-Стросс отмечал: "...значение мифа состоит в том, что эти события, имевшие место в определенном момент времени, существуют вне времени. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее" [6, с. 217].

Отечественный философ А.Ф.Лосев так писал о мифе: "Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола" [7, с. 14]. Безусловно, мы не можем свести науку к повторению мифологии, но имеем полное право изучать объективную реальность, бытие человеческого общества, анализируя сюжеты мифов и легенд, ибо "наука как таковая ни с какой стороны не может разрушить мифа. Она лишь его осознает и снимает с него некий рассудочный, например, логический или числовой, план" [7, с. 57].

Итак, мифологические сценарии и аллегории могут вывести любые системные отношения между определенным набором единиц на высокий уровень абстракции и тем самым выступить как методологический инструмент для вскрытия объективных социально-политических процессов, в частности, северокорейской ядерной проблемы. Однако перед тем как приступить к анализу структурного потенциала мифов, необходимо прояснить существенные характеристики второй теоретико-концептуальной единицы данного мини-исследования, а именно, понятия "политики двойных стандартов".

Если взглянуть на специфику лингвистической структуры термина "двойные стандарты", можно обнаружить две прямо противоположные семантические тенденции этой идиоматической конструкции, пришедшей из английского языка. В одной фразе, столь востребованной и эмоционально-насыщенной, сочетаются, с одной стороны, тенденция к удвоению, разделению, дискретности, которая выражается в древнем по происхождению слове "двойной" (от лат. "duo" – "два"), а с другой стороны, – тенденция к универсализации, стандартизации, сопряженная с семантической нагрузкой слова "стандарт" (от лат. "extendere" – "растягивать"). Парадоксальное сочетание в одной лингвистической конструкции двух полярных семантических устремлений напоминает об известном диалектическом принципе – развитии через противоречия. Лингвистический "двойной стандарт", является выражением онтологического сюжета, лежащего в основе любых процессов и, в широком смысле, самой жизни. Политический потенциал данной конструкции вскрывается при рассмотрении соотношения фразеологии и семантики конструкции "разделения стандарта" и знаменитого политтехнологического принципа "разделяй и властвуй".

Как феномен реальности, двойные стандарты не поддаются строгой моральной оценке. Однако, в современном социально-политическом дискурсе понятие "двойные стандарты" имеет, как правило, негативный оттенок, что связано с попыткой этической оценки объективного феномена неравенства как основы существования стандартов и правил, неодинаковых для разных людей и социальных групп. Политические двойные стандарты, спекулируя на явлении естественного неравенства и, таким

образом, обнажая свое истинное лицо как основания для различных политехнологий, выражаются известной латинской поговоркой "Quod licet Jovi non licet bovi" – "Что позволено Юпитеру, то не позволено быку". При этом неравенство, как правило, основано на праве силы, а не на силе права. Нельзя назвать "естественным" неравенство, многократно увеличенное с помощью силы и власти, однако истоки его формирования как социально-политического феномена восходят к такой глубокой древности, что для человеческого общества такое неравенство и двойные стандарты стали более чем традиционными [1].

В общем, политика двойных стандартов может быть определена как политическая технология, основанная на применении различных инструментов внутренней, внешней, международной и даже мировой политики в однотипных ситуациях в зависимости от интересов источника "правильного" стандарта. Под источником "правильного" стандарта понимается влиятельная системная единица, способная не только продвигать мирными средствами свое представление о том, как должна быть устроена система, но и применить силовые средства в случае сопротивления своему стандарту. При этом субъект политики двойных стандартов (государство, группа государств, ТНК, организация и т.п.) может выступать против того, чтобы другие элементы международной системы, зачастую более слабые, применяли эту политехнологию, а для обоснования такой позиции может использоваться весь арсенал политических, правовых и силовых методов – от принципа римских цезарей "разделяй и властвуй" до сознательного мифотворчества и информационных войн.

Сегодня, особенно в связи с "ковским прецедентом" и событиями в Южной Осетии в августе 2008 г., мы можем наблюдать, как традиция двойных стандартов, впервые оформленная в политическую технологию Цицероном, приобретает устойчивый статус международного права, подобно древнеримскому "праву народов". Таким образом, стремление к универсализации и противоречие, заложенное в корне понятия "двойные стандарты", закономерно проявляются в очевидной тенденции к закреплению семантического противостояния "общего и особого" на самом высоком нормативном уровне. На сегодняшний момент международное право предоставляет "Юпитеру" несравнимо большие полномочия, нежели "быкам". Данное положение вещей закреплено практически во всех основных политико-правовых документах – от Устава, деклараций и резолюций ООН до режимобразующего Договора о нераспространении ядерного оружия, против которого выступает, в частности, Северная Корея.

В свете данного положения несколько меркнут яркие тона, в которые окрасило картину КНДР как угрозы региональной и международной безопасности мировое сообщество, направляемое чутким руководством главного современного поставщика "правильных" стандартов – США. Системные отношения источника стандарта и единицы, бросающей вызов этому авторитету, превосходно отражены в древнегреческом мифе о титане Прометее.

Эсхил в своей трагедии "Проклятый Прометей" [10] рассказывает о том, как Зевс, правящий всем миром в качестве жестокого тирана, наказывает восставшего против него титана Прометея. Могучий титан вопреки воле Зевса похитил с Олимпа огонь и дал его людям; он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, постройке кораблей, чтению и письму; этим Прометей сделал жизнь людей счастливее и поколебал власть Зевса и его помощников – олимпийских богов. Но главная вина Прометея та, что он не хочет открыть Зевсу тайну, от кого родится у Зевса сын, который будет могущественнее его и свергнет его с престола.

Если абстрагироваться от мифологических деталей и посмотреть

на сюжет этого мифа с точки зрения проблемы двойных стандартов в политике, то можно наблюдать следующую картину политической борьбы: "Прометей", некая единица проявляет нелояльность к центру силы, нарушает установленный порядок, за что сильный мира сего жестоко наказывает его и делает из него "преступника" в назидание другим, более слабым единицам системы. Любопытно, что древние греки даже не пробовали замаскировать некоторые моменты такого противостояния источника стандарта (Зевса) и Проклятого титана. К примеру, в тексте мифа прямо говорится, что на стороне Зевса выступают Сила и Власть, которые приковывают Прометея к скале: "Неодолимые слуги грома-вержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг" [5, с. 114]. Сам Прометей был сыном богини справедливости Фемиды, что придавало ему большой авторитет среди людей. Однако, жизнь не всегда справедлива, особенно в вопросах власти и могущества, и древние греки превосходно отразили эту мысль в мифологическом сюжете. Далее представляется интересным мотив встреч Прометея с другими участниками ситуаций двойного стандарта, в частности, с превращенной богами в корову Ио и Гераклом, которого поддерживал Зевс, но ненавидел другой центр силы – богиня Гера. Гонимая огромным оводом, Ио прибегает на край земли, чтобы спросить у прорицателя Прометея, когда настанет конец ее проклятию, а Геракл убивает орла, терзающего печень титана, и тем самым облегчает его страдания. Здесь обращает на себя внимание возможность кооперации между изгоями системы, которые либо сознательно бросили вызов существующей власти, как Ио, либо стали невольной жертвой могущества неких "чужих" авторитетов, как Геракл.

Далее, отметим, что Прометей обладает даром предвидения, и основная его вина перед Зевсом не в том, что он поделился со смертными знаниями богов (то есть в какой-то мере их властью), а в том, что Прометей знает некую тайну, которая может погубить Зевса, низвергнуть его с Олимпийского трона. Если опустить версию об угрозе верховному богу в лице не рожденного еще сына морской (!) богини Фетиды и аллегорически посмотреть на этот мотив об угрозе центру силы со стороны мятежного Прометея, то станет очевидным, что самую большую угрозу создает не некая тайна, а сам прометеев прецедент. Вслед за ним могут последовать другие, и когда-нибудь кто-то, возможно, окажется сильнее Зевса.

Тем не менее в продолжении мифа, когда Прометея поднимают из Тартара и посылают к нему мучителя-орла, сочувствующие родичи умоляют титана повиниться перед Зевсом и рассказать ему все, о чем тот просит. Важным аргументом становится тот факт, что теперь держава Зевса "сильна, ничто не может поколебать ее, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них" [5, с. 122]. То есть и люди, и боги, и титаны уже приняли как правильный, положительный, тот стандарт и правила жизнедеятельности, которые предложил им Зевс, а, следовательно, прецедент Прометея уже не представляет опасности для главного центра силы; Зевсу важно скорее моральное низложение авторитета Прометея, его согласие на добрую службу верховной власти. Наконец, решающим фактором становится визит бога торговли к некогда проклятому герою: "Принесся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленно освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы" [5, с. 123]. И на этот раз Прометей уступил, раз и навсегда порвав со своим мятежным прошлым. Комбинация с использовани-

ем двойного стандарта разыграна полностью, все системные единицы приняли те правила игры, которые навязывал центр силы – источник "правильного" стандарта. Если бы Прометея не было в этой игре, то его бы следовало выдумать источнику стандарта, Зевсу, – слишком большая практическая польза от такого "вызова".

Мотив прямого вызова системе принадлежит к одному из самых распространенных мифов – начиная с древнееврейской притчи о непорочной первой жене Адама – Лилит [9, с. 444] и заканчивая современным политическим мифом о странах "оси зла". Ситуация с Северной Кореей является ярким примером такого сюжета. В данном случае можно наблюдать проявление отличительной особенности данного сценария – двойственность в оценках "Прометея", ведь для одной заинтересованной стороны он герой, а для другой – преступник.

Помимо противопоставления себя системе, Северная Корея напоминает Прометея и тем, что с одной стороны, пугает сильных мира сего тайным знанием, способным уравнивать обычных "смертных" с "богами", – технологией изготовления ядерного оружия. С другой стороны, великие державы, особенно члены "элитного клуба" ДНЯО, пугают Северной Кореей других неудобных участников системы международных отношений. Кроме того, сообщения о кооперации Северной Кореи с другими "изгоями" глобальной политической системы (Сирией, Мьянмой, возможно, с африканскими вооруженными группировками и даже Аль-Каедой) [3; 4] наводят на размышления о том, что сильным мира сего действительно есть чего опасаться, ведь сегодняшняя геополитическая карта все еще пестрит областями, сопротивляющимися присоединению к "державе Зевса". Налаживание связей с другими "мятежниками" является логичным шагом со стороны КНДР.

Таким образом, сценарий поведения северокорейского "Прометея" выражается в прямом, открытом вызове системе, которая ориентируется на какой-либо стандарт; "преступление" мятежника влечет за собой суровое наказание. Прометей совершает деяние, которое уравнивает его с богом, отрицает двойной стандарт "во имя справедливости", за что и расплачивается.

Альбер Камю по-своему завершает миф о Прометее: во всеуслышание заявляя о своей ненависти к богам и любви к человеку, тот с презрением отворачивается от Зевса и нисходит к смертным, чтобы повести их на штурм неба. Но люди слабы или трусливы: их необходимо сплотить. И вот Прометей в свой черед становится господином и наставником, сначала обучающим, а потом и повелевающим. Прометей становится божеством и единовластно царит над человеческим одиночеством. Но он унаследовал от Зевса только его одиночество и жестокость; он уже не Прометей, он превратился в Цезаря. Истинный, извечный Прометей принял обличье одной из его жертв [2, с. 119]. Камю, философ далекий от тщетных иллюзий и напрасных надежд, безусловно, зрит в корень реальности, отмечая, что каждый революционер, в конечном счете, становится либо угнетателем, либо еретиком [2, с. 121].

Вряд ли северокорейский "Прометей" сумеет в одиночку противостоять современному "Юпитеру" – слишком неравны силы, а значит, звание еретика для него будет более привычным, нежели титул цезаря. Если в связи с мировым экономическим кризисом посланец богов в виде кровопителя торговли замешкается на пути к азиатскому бунтарю, а кооперация с другими изгоями системы активизируется, власть "Зевса" может оказаться под серьезной угрозой. Впрочем, вряд ли сам источник "правильного" стандарта не отдает себе в этом отчет, поэтому в условиях далекого от солидарности мира и при соответствующей степени безрассудности "Юпитера" его следующей постановкой после "Прометея

Прикованного" вполне может стать трагедия "Прометей, погруженный в Тартар". Более оптимистичный вариант развития событий, при учете угрозы кооперации мятежников со всего мира, – это пролонгированное показательное бичевание азиатского "Прометея", а значит и продолжение политической игры с использованием технологии двойных стандартов.

Таким образом, на примере Северной Кореи, точнее политики двойных стандартов, применяемой по отношению к этому государству, мы можем наблюдать, как политические идеологии и технологии, используя традиционные для человеческого общества, массового сознания и языка структурные элементы, превращается в современную мифологию. Как бы ни трудились политтехнологи и теоретики, выполняя чьи-то политические заказы, в реальных отношениях "между народами" со времен Фукидида и Цицерона не появилось ничего принципиально нового – все те же боги, герои, имманентные вызовы и, увы, закономерные трагедии.



---

### Литература

1. Булипопова, Е.В. "Двойные стандарты" в международной политике: от мифологии к технологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №7. с. 196-199.
2. Камю, А. Бунтующий человек / Пер. с фр.; Общ. ред., сост. предисл. и примеч. А. Руткевича М. Терра Книжный клуб; Республика, 1999. 415 с.
3. Кирьянов, О. Запад подозревает, что КНДР и Мьянма помогают друг другу в создании атомной бомбы. "Российская Газета". 15 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2009/07/15/kndr-myanmar-site-anons.html>. [Дата обращения: 22 октября 2009 г.]
4. КНДР готовится запустить две ракеты и налаживает выпуск российских противотанковых систем. 2 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/02jun2009/kndrweapons.html>. [Дата обращения: 22 октября 2009 г.]
5. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: ЗАО "Фирма СТД", 2000. 558 с.
6. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
7. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 304 с.
8. Найдорф, М. Очерки европейского мифотворчества. Одесса, Изд-во "Друк", 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/mif/mifotv.htm>. [Дата обращения: 28 августа 2009 г.]
9. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Эксмо, 2005. 720 с.
10. Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегреческого С. Апта. М.: Худож. лит., 1971. 381 с.

УДК 327

*Посвящается памяти  
А.Г. Ондуря*

*Золотухин И.Н.*

## **Чемпионаты мира по футболу в геополитическом измерении**

### **The FIFA World Cup Championships in the Geopolitical Dimension**

В данной статье исследуется феномен чемпионатов мира по футболу. Определяя футбол как многоаспектное явление, автор рассматривает розыгрыши Кубка Мира по футболу не только как спортивные соревнования, но также уделяет внимание их политическому содержанию; отмечает популярность мировых футбольных первенств и возможность их влияния на международные процессы.

**Ключевые слова:** *Футбол, ФИФА, чемпионат мира по футболу, мундиаль, политические матчи.*



In the article the phenomenon of the FIFA World Cup Championships is researched. The football as the multidimensional phenomenon is considered, and the author estimates the FIFA World Cup tournaments not only as sports competitions, but he also pays attention on their political maintenance. The popularity of the World Soccer tournaments and their opportunity to influence on the international processes are viewed.

**Key words:** *Soccer, FIFA, the FIFA World Cup tournament, mondial, political matches.*

В современном мире участие государств в Олимпийских играх и чемпионатах мира стало символом их международного признания. Современная международная практика показывает – чтобы занять достойное место на мировой арене, государства должны соответствовать высоким стандартам не только в области экономики, науки, техники, но и в области спорта.

С каждым годом растет число участников международных соревнований, представляющих различные континенты, культуры, цивилизации, государства, народы. Все активнее дают о себе знать в большом спорте спортсмены из стран Азии, Африки, Центральной и Южной Америки, Океании [2, с. 92]. Спорт в современном мире стал выступать в роли влиятельной силы, способной как консолидировать, так и разъединять большие группы людей. Фактически любые международные соревнования сегодня рассматриваются сквозь призму политики, а состязания спортсменов воспринимаются как состязания народов и государств

[2, с. 91].

Начиная с 1950 – 1970-х годов, спортивная культура на Западе стала предметом исследования представителей многих гуманитарных наук, а понятие "большой спорт" стало частью понятия "большая политика" [27, 37, 38, 40, 41]. Победы в спорте особенно важны, поскольку они представляют собой часть национального характера. Использование спорта официальной идеологией в каждой стране осуществляется с целью пропаганды политического и экономического строя, господствующих духовных ценностей, обоснования и оправдания политики государства и его конкретных акций, воспитание у населения нужных политических и нравственных качеств [34, с. 143].

Успехи в спорте заряжают энергией и внешнюю политику. Подавляющее большинство официальных переговоров и бесед, проходящих в периоды крупных спортивных соревнований, начинается с поздравлений собеседников с победами представителей их стран, или с обмена фразами на тему спорта [23, с. 97].

Знаменитый геополитик А.Г. Дугин в одном из своих интервью отмечал: "В 90-е годы мы проиграли все, что только можно... В 90-е годы нами правили лузеры... Нужна терапия. Любая национальная победа, в том числе и в футболе – это терапия. И наши футболисты, хоккеисты обыграют кого-то, забьют гол, через козла перескочат... и душа радуется, потому что что-то мы можем, что-то мы умеем, и не такие уж мы лузеры..." [17].

Как отмечает К. Степанян, "на Западе давно поняли, каким важным фактором воспитания нации, упрочения национальной гордости, веры в свои силы является спорт, и не жалеют денег и усилий для укрепления именно массово популярных видов спорта и обеспечения побед своих представителей на международных состязаниях". [30, с. 188].

Среди игровых видов спорта, получивших поистине мировую признательность, безусловно, на первых ролях находится футбол. Футбол – это не просто самая популярная в мире игра, восхищающая миллионы [39, р. 129]. Во многих странах эта игра является частью национальной культуры, объектом национальной гордости, что во многом определяет тот уровень интереса, который проявляется к футболу и тем процессам, которые его окружают, во всем мире. В некоторых странах Африки и Латинской Америки феномен футбола занимает центральное место в культурной эпистеме этноса и подчас способен вызывать потрясения политического характера. [6, с. 99].

В данной статье автор рассматривает футбол как многоаспектный феномен – культурное явление, инструмент политического влияния, важный элемент спортивной бизнес индустрии. Особое внимание уделяется чемпионатам мира по футболу (mundialям) и их влиянию на международные процессы.

Принято считать, что футбол получил широкое распространение в мире в силу кажущейся простоты правил и зрелищности. По мнению Паскаля Бонифаса, в футболе возможны "символически ограниченные конфронтации, не связанные с серьезным политическим риском, и в этом плане он может быть полезен. Во время футбольного матча зрители могут наслаждаться мифическим возбуждением битвы, происходящей на стадионе, поскольку знают, что в ней не пострадает ни один из игроков. Как и в реальной жизни, фанаты могут разрываться между надеждами на победу и страхом поражения. Но в футболе устранение противника – это всегда временное явление. Всегда возможен матч-реванш" [4].

В этом смысле футбол выступает в качестве игровой компенсации насилия, войны. Довольно точно этот момент отражен у Джанни Родари в его произведении "Джелсомино в стране лжецов": "Война? – переспро-



сил журналиста Джельсомино. – Предложите противнику прекратить ее и взамен устроить футбольный матч. Может быть, по окончании игры и будут ушибленные колени, зато дело обойдется без всякого кровопролития" [29].

В то же время футбол поистине "заражает". Его влияние на сознание людей невозможно переоценить. Когда человек болеет за команду или сборную, то он сопереживает ей, ощущает себя ее частью. Возможно, речь идет о форме идентичности. Борьба на футбольном поле переносится за его пределы. И если поведение болельщиков на стадионе (не говоря уже о поведении спортивных фанатов) или в спортбаре еще может восприниматься снисходительно, то поведение взрослого интеллигентного человека, который смотрит футбол дома перед телевизором и после забитого гола готов скакать от радости, со стороны вызывает как минимум недоразумение.

Как отмечает культуролог Е.А. Васильев, "футбол, и, в особенности, забивание гола в ворота, есть ритуальное средство символического освобождения нереализованной мужской сексуальности и стремления к экспансии своего генетического эго. Ритуал этот предоставляет возможность участия, как игрокам, так и зрителям за счет подсознательного отождествления своей личности с той или иной командой" [6, с. 98]. Исследователь объясняет популярность футбола большой образной близостью этой игры экзистенциальному рисунку жизненного поведения: жестикуляция и лексика игроков команды, забившей гол, недвусмысленно несут в себе намек на состоявшийся коитус и сопровождаются спонтанным выплеском энергии всех как косвенных, так и непосредственных участников ритуала. Мировые футбольные чемпионаты, таким образом, становятся идеальными сверхсексодромами для мужской половины человечества [6, с. 98].

В то же время, выдвигая гипотезу либидозной ангажированности футбола, автор отмечает, что и среди женщин встречаются такие, которые сами не прочь погонять мяч [6, с. 99]. Женский футбол становится все более популярным в мире, и в перспективе может значительно расширить свои рамки. Как следствие, в последнее время идут разговоры о смешанных командах, где мужчины и женщины могли бы играть вместе (пока в качестве эксперимента), в некоторых странах пытаются ввести женское судейство, а в Италии пять лет назад женщина-футболист пыталась договориться об участии в Серии А.

В XX веке профессионализация футбола почти полностью изменила социокультурный смысл, экономический характер и этическое назначение футбола, как "джентльменской игры в кожаный мяч" [18, с. 260].

Феномен профессионализации футбола воспринимается неоднозначно. В негативном ключе высказывался писатель Джордж Оруэлл. В декабре 1945 года (за несколько месяцев до Фултонской речи Черчилля) в эссе "Спортивный дух", он говорит о том, что турне футболистов московского "Динамо" в Великобританию, затеянное для укрепления союзнической дружбы, обернулось неприятным взрывом национализма островитян [18, с. 261]. Оруэлл отмечает: "Спорт – безотказная причина для недоброжелательства, и... если этот визит как-то сказался на англо-советских отношениях, то мог их только ухудшить... На международном уровне спорт откровенно имитирует войну. Но существование тут не поведение игроков, а отношение зрителей – народа, который из-за этих абсурдных состязаний впадает в неистовство и всерьез верит, – по крайней мере, короткое время, – что беготня, прыжки и свалка вокруг мяча – это испытание национальной доблести" [24, с. 332-333].

По мнению Оруэлла, войны на спортивных площадках не "замегают" настоящие войны, а "следуют за ними". Писатель печально заме-

чает: "Я всегда изумляюсь, когда слышу, что спорт способствует дружбе между народами и что, если бы простые люди всего мира могли встречаться на футбольных или крикетных полях, у них не было бы желания встретиться на поле боя... Как только возникает острое чувство соперничества, сразу забываются все представления о том, что играть надо по правилам. Люди хотят видеть своих победителями, а противника побежденным и забывают, что победа, добытая жульнически... ничего не стоит... Серьезный спорт не имеет ничего общего с честной игрой" [24, с. 334-335].

В профессиональном спорте друг другу противостоят два взаимоисключающих начала: нравственный идеал, присущий спорту вообще, и принципы наживы, отвергающие моральные устои. Безусловно, нельзя однозначно сказать, что меркантильные соображения в профессиональном спорте всегда превалируют над духовными. Например, на чемпионате мира 1966 года футболисты сборной ФРГ играли без вознаграждения. Причем это рассматривалось как вопрос принципа. Представитель Ассоциации футбола ФРГ В. Герхардт заявил: "Так решено, чтобы никто не мог заподозрить, будто футболистами движет корысть. Честь выступать за родину расценивалась как высшая награда" [31, с. 146].

Напротив, если во главу угла возводится материальный интерес, то моральные устои в сознании человека неизбежно разрушаются, но это не приводит к росту спортивных результатов. В 1990 году советские журналисты, комментируя неутешительный для сборной СССР итог чемпионата мира по футболу, подсчитывали заработки зарубежных "звезд" и ведущих футболистов наших клубов и сокрушенно резюмировали: ну как при такой разнице можно рассчитывать на победы? Но в последующие годы Россию представляла команда высокооплачиваемых профессионалов, которая до Евро-2008 так и не сумела выйти из подгруппы на чемпионатах мира и Европы, а то и вовсе не проходила отборочный этап. И каждый раз специалисты отмечали, что сборная сыграла ниже своих возможностей [31, с. 147]. Между тем в 1958 – 1972 годах, когда материальная обеспеченность советских спортсменов была более скромной, чем даже в 1990 году, сборная СССР в чемпионатах мира не опускалась ниже дележа пятого места, а в Европе была первой и дважды второй.

Однако однозначно негативное восприятие профессионализации футбола не позволяет увидеть всю сложность и многообразие этого явления. По мнению Е.А. Васильева футбол стал "уникальной точкой пересечения множества факторов, образующих неповторимую конфигурацию. Течение, рисунок и драматизм футбольного поединка лежат близко к экзистенциальным ценностям человеческого бытия. В футболе же, как и в жизни, счет и достижения отражают и одновременно не отражают реальное соотношение сил" [6, с. 98].

Как уже отмечалось, по популярности и распространённости на планете, футбол является игровым видом спорта номер один [19, с. 221]. Членами ФИФА являются 208 национальных футбольных федераций, это больше чем количество стран входящих в состав Организации Объединённых Наций [19, с. 206]. Наибольшей популярности игра достигла в Европе, Южной Америке, Африке и частично Азии, меньший интерес к футболу проявляется в Австралии и Северной Америке.

Исследователи отмечают, что игры с мячом были одними из наиболее ранних ритуальных игр, имевших широкое распространение у многих народов мира [1, с. 161]. В Европе в средние века они были широко распространены у англичан, шотландцев, немцев, французов, итальянцев [5, с. 32]. Вплоть до XIX – начала XX веков на Британских островах существовал массовый футбол [15, с. 93]. В России подобные игры тоже имели место, хотя сам футбол появился только в конце XIX века, а пер-

вая попытка создания футбольной команды была предпринята в 1911 году. Описание "русского футбола" (игра в "килу") можно встретить, в частности, у писателя Н.Г. Помяловского [26, с. 311-312].

С конца XIX века начинается распространение футбола по всему миру именно как английского вида спорта, возникают первые футбольные клубы, формируются национальные футбольные ассоциации. Постепенно в процессе модернизации футбол становится национальным достоянием колониальных народов Британской империи и в дальнейшем включается в программы международных спортивных соревнований. В начале XX века руководители национальных футбольных ассоциаций стали осознавать необходимость образования международного органа, в рамках которого могли бы сотрудничать. Отчасти это было реакцией на огромный интерес, который вызывали международные матчи, а отчасти такое желание диктовалось надеждой, что подобная организация сможет добиться унификации правил игры.

21 мая 1904 года в Париже была создана ФИФА (Международная федерация футбола) – организация, призванная объединить национальные футбольные федерации и способствовать проведению международных соревнований. Первым президентом ФИФА был избран француз Робер Герен. На учредительном конгрессе 1904 года девятым пунктом Устава делегаты записали: "ФИФА имеет эксклюзивное право организации международных чемпионатов" [9, с. 13]. Широкое развитие профессионального спорта и стремительное нарастание разрыва между уровнем игры профессионалов и любителей в 1920-х годах заставило ФИФА приступить к организации чемпионата мира (мундиала). Окончательное решение о мировом чемпионате принял конгресс ФИФА в Амстердаме 29 мая 1928 года. Идейным вдохновителем проведения чемпионатов мира по футболу был Жюль Риме, и до 1970 года, Кубок Мира, вручавшийся победителю, носил его имя.

Первый чемпионат мира прошел в 1930 году в Уругвае и собрал минимальное число участников – 13. Большинство стран отказалось участвовать во многом по экономическим причинам – из-за мирового кризиса и дорогостоящей поездки в Новый Свет. Например, на первом мундиале приняли участие только 4 европейские сборные – Франция, Бельгия, Югославия, Румыния, не снискавшие особых лавров, кроме югославов, вышедших в полуфинал и сумевших обойти самих бразильцев. Однако впоследствии число участников финального раунда мундиалей возросло: от 13 в 1930 году до 32, начиная с 1998 года (сейчас идут дискуссии об увеличении состава участников до 36 и даже до 48). Значительно возросло число участников отборочного раунда чемпионата мира: от 32 в отборочных играх мундиала 1934 года до 204 в отборочных матчах мундиала – 2010.

В первой половине XX века в спорте окончательно утверждаются игровые виды соревнований, которые становятся национальным достоянием многих народов и государств. В этот период усиливаются межнациональные интеграционные связи. После Второй Мировой войны возрастает значение международных спортивных мероприятий. Футбол не стал исключением. С 1950-х годов возрастает количество региональных и международных соревнований, проводимых под эгидой ФИФА и ее подразделений. Футбол получает дополнительный стимул к развитию благодаря телевизионным трансляциям. Аудитория болельщиков и любителей этого вида спорта значительно увеличивается, особенно после 1958 года, когда начались телевизионные трансляции.

Чемпионат мира по футболу – величайшее изобретение ФИФА. Для миллионов болельщиков – это праздник футбола. В настоящее время чемпионаты мира по футболу превратились в события колоссального

масштаба, выходящие далеко за рамки спорта и приносящие участникам и организаторам огромную прибыль и авторитет. Кроме того, мундиали – это еще и своеобразная витрина, позволяющая увидеть новые футбольные таланты.

С одной стороны, чемпионаты мира по футболу не обладают такой популярностью, как летние Олимпиады, но с другой стороны, иногда превосходят их по количеству зрителей, а по своему воздействию на аудиторию могут соперничать с главным спортивным квадриналле. Ажиотаж вокруг матчей настолько велик, что результаты могут привести к трагическим последствиям.

За возможность стать хозяином чемпионата мира идет нешуточная борьба. Когда в 1960 году в Чили (на конгрессе ФИФА 10 июня 1956 года здесь было решено провести чемпионат мира) произошло разрушительное землетрясение, и Аргентина выразила готовность принять мундиаль у себя, организатор турнира Карлос Диттборн Пинто воскликнул: "Оставьте нам чемпионат мира – кроме него, у нас ничего нет!" В его голосе прозвучало столько отчаяния и драматизма, что оппоненты невольно отступили. А эта фраза, начертанная на громадном транспаранте, затем опоясала трибуны Национального стадиона в Сантьяго, войдя в историю [11, с. 10].

В 2010 году исполняется ровно 80 лет с момента проведения первого чемпионата мира по футболу. За это время победителями турнира становились: Бразилия (пять раз: 1958, 1962, 1970, 1994, 2002 годы), Италия (четыре раза: 1934, 1938, 1982, 2006 годы), Германия (три раза: 1954, 1974, 1990 годы), Аргентина (1978, 1986 годы), Уругвай (1930, 1950 годы), Англия (1966 год), Франция (1998 год).

Безусловно, для сборных стран – хозяек мундиалей создаются более благоприятные условия на футбольном поле. Судейство настроено лояльно, и, как следствие, достигаются неплохие результаты. Сборные, принимавшие чемпионат мира и ставшие чемпионами в домашних стенах, по классу выше остальных организаторов, и футбол занимает особое место в их культуре (взять ту же Италию, Англию или Аргентину). Однако, даже в тех странах, где футбол, мягко говоря, не выступал на первом месте в рейтинге популярных видов спорта (как в Швейцарии, в США или в Корее) хозяева чемпионатов мира подчас преподносят сюрпризы.

На чемпионатах мира, где играют разные по силе противники, команды с маленьким рейтингом дают бой топовым сборным. Стремление прогрессировать и выравнять баланс сил в футбольном мире обеспечивает постоянный прирост сенсаций, но их природа всегда двойственна. Поскольку существует разница в классе между ведущими сборными и странами, где футбол еще только находится в процессе становления, часто приходится говорить о недооценке соперника. Однако число сенсационных результатов на чемпионатах мира неуклонно растет, и, с одной стороны, поддерживают наш интерес к этим соревнованиям, но, в то же время, заставляют испытывать разочарование от игры признанных фаворитов [16].

Из истории мундиалей можно увидеть, что до 1970-х годов сенсации на уровне сборных были единичны (например, победа сборной США на чемпионате мира-1950 над родоначальниками футбола англичанами (1:0) или успех футболистов КНДР в матче чемпионата мира-1966 против итальянцев (1:0)). С 1980-х годов значительно возрос уровень футбола в странах африканского и азиатского континентов, а также центральной Америки. Как следствие, победы сборных, прежде относимых к заведомым аутсайдерам и "поставщикам очков".

За счет вливания средств, приглашения высококлассных специали-

стов, популяризации футбола как массового спорта, значительно возрос уровень футбола в Австралии, США, Японии, Южной Корее, Турции и т.д. В 2002 году сборные – фавориты (главным образом европейские) показали на редкость незначительные (почти обескураживающие) результаты. Франция, не забив ни одного мяча и набрав только 1 очко, заняла в своей группе последнее место. Аргентина "утонула" в "группе смерти", проиграв своим "заклятым друзьям" англичанам. Италия была выбита в первом раунде плей-офф (куда попала с большим скрипом, благодаря неожиданному поражению хорватов от аутсайдера группы – команды Эквадора) хозяевами чемпионата – корейцами. Португальцы (как и в 1986 году) не смогли подтвердить свое реноме фаворитов, уступив неевропейским сборным – США и Корее (правда, завершая матч с последней девятаром).

Особняком на этом фоне стоит сборная России, вылетевшая после группового раунда во многом из-за своей тактики, получившей название "трусливая". В этом смысле показателен матч Россия-Япония, имевший политический характер из-за существующей между двумя странами территориальной проблемы. Поражение России было с воодушевлением воспринято в Японии, а вот в России начались беспорядки: в Москве были избиты несколько студентов из Японии – участники конкурса имени Чайковского, совершены акты вандализма (поджигались машины, разбивались витрины магазинов, был разгромлен японский ресторан). В ходе беспорядков погиб 1 человек, 75 получили ранения [3]. События на Манежной площади стали самым жутким эпизодом во время мирового первенства 2002 года.

Главной причиной неудачного выступления "записных фаворитов" называют тот факт, что чемпионат начался раньше, чем обычно (почти на 2 недели), поэтому европейские и южноамериканские сборные (чьи ведущие игроки выступали за европейские клубы) не успели подготовиться. Например, Аргентина предстала в разобранном состоянии, поскольку ее ведущие игроки (Батистута, Верон, Шамот) играли в Европе. Но это, разумеется, не умаляет заслуг сборных Сенегала, США, Кореи.

На последнем мундиале Гана по всем статьям обыграла стоящую выше нее по рейтингу ФИФА сборную Чехии; Тринидад и Тобаго дал бой Швеции; сборная США свела на нет усилия победить будущих чемпионов мира итальянцев, игравших большую часть матча в большинстве.

Победа в футбольном матче на первый взгляд не кажется столь весомой, как победа в других видах спорта. Но по накалу страстей на поле, по эмоциональной напряженности, футболу нет равных в других игровых видах спорта. Поэтому победа на футбольном поле, даже не в самом важном матче не с самым сильным противником, представляется более ценной. На мировых чемпионатах сама система их проведения взвинчивает драматизм, и даже трагизм до поистине шекспировского уровня [6, с. 98]. Чего стоят изобиловавшие грубостью матчи Венгрия-Бразилия в четвертьфинале чемпионата мира-1954 (получивший название "битва при Берне"), Чили-Италия в 1962 году ("битва при Сантьяго"), Германия-Камерун в 2002 году, Нидерланды-Португалия в 2006 году. Кроме того, сами победы на мундиалах и чемпионатах континентов повышают не только рейтинг, но и авторитет своей страны. Если игроки могут продемонстрировать свои лучшие качества с целью заполучить выгодный контракт с богатым клубом, то сборная является воплощением спортивного духа, она должна заботиться об имидже государства. Сборная – это Команда с большой буквы, которая в идеале должна побеждать любого противника, даже с самым высоким рейтингом.

Во многом благодаря участию на мундиалах, африканские и азиатские сборные не только повысили свой спортивный статус, но и стали

известны за пределами своих континентов. Количество "неевропейских сборных" на мундиалах возрастает. С одной стороны это способствует популяризации футбола, с другой – преследуются коммерческие интересы. Однако не стоит забывать важный аспект привлечения в мировое сообщество.

В африканских странах футбол стал подлинным рычагом их вовлечения в мировую цивилизацию. В частности Камерун, Нигерия, Гана фигурируют на мировой арене в качестве "футбольных держав". Показательны названия африканских сборных, где элементы тотемизма и истории граничат с желанием доказать свою мощь – "неукротимые львы" Камеруна, нигерийские "суперорлы", египетские "фараоны", "карфагенские орлы" Туниса, сенегальские "львы", "слоны" Кот-Д'Ивуара и др.

Футболисты "Черного континента" стали объектами пристального внимания скаутов известных мировых клубов – испанского "Реала", английского "Арсенала", итальянского "Милана". Не являясь ведущими мировыми державами, страны Африки компенсируют свою периферийность посредством участия в спортивных соревнованиях. Футбол дает больше шансов для самореализации, чем другой вид спорта, а на мундиалах можно повысить свое реноме без больших инвестиций, в крайнем случае, пригласив иностранного специалиста в качестве тренера сборной. В историю вошли такие тренеры, как Валерий Непомнящий, Бора Милутинович, Гус Хиддинк, сумевшие добиться результатов со сборными, которые раньше не фигурировали в ранге фаворитов мундиалей. Тренеры не только получили признание в странах, сборные которых они тренировали, но также способствовали значительной популяризации футбола и развитию спортивной инфраструктуры в этих странах.

Как отмечает Игорь Литвак, "всегда любопытно наблюдать, как в руках опытного тренера (а командами "третьего футбольного мира", как правило, руководят повывавшие виды наставники (в основном из стран Европы (Нидерландов, Франции, Германии) – прим. автора)) сырой материал превращается в творение Пигмалиона. Стратегическая тренерская мысль, если и способна в двадцать первом веке на что-то свеженькое и интересное, то только в тех странах, где на убежденных седидами европейцев смотрят как на высшее футбольное божество" [20].

Идеологический компонент в футболе, как в целом в спорте, проявляется и в том, что в нем реализуется патриотическая идея. Особенно четко это демонстрируется на мундиалах, где спортсмены отстаивают престиж своей страны, что выражается в различных организационных формах и ритуалах (исполнение национального гимна, подъем флага, неофициальный подсчет очков по странам, который, тем не менее, используется в официальных материалах, и др.). В футбольном матче такие ритуалы, как развевающиеся флаги, национальные гимны и коллективное пение, а также используемая терминология укрепляют восприятие альтернативного вида войны. Но в 1969 году в преддверии мексиканского чемпионата мира, разгорелась настоящая война между Гондурасом и Сальвадором, после победы сальвадорцев (3:2) в решающем матче [4]. Государства разорвали дипломатические отношения и развернули боевые действия с применением самолетов, танков и тяжелой артиллерии. В результате конфликта стороны потеряли в общей сложности более трех тысяч убитыми и шести тысяч ранеными [22]. Безусловно, причины противоречий между странами-соседями следует искать в иной сфере, и футбол послужил лишь катализатором, однако война вошла в историю как "футбольная". Кстати, сборная Сальвадора в Мексике проиграла все три матча, не забив в них ни одного гола.

Самым политизированным чемпионатом мира в истории был второй, прошедший в Италии в 1934 году. Сам президент ФИФА Жюль

Римэ не смог воспрепятствовать фашистскому режиму и амбициям Муссолини превратить мундиаль 1934 года в средство доказательства своего могущества [10, с. 14]. Даже финал предполагался исключительно "фашистский" – с участием сборных Италии и Германии, но немцы в упорной борьбе уступили чехословакам, которые были близки к победе и в финале – вели в счете до конца основного времени и при этом трижды попадали в перекладину итальянских ворот.

Существует версия, что перед финальным матчем дуче передал игрокам сборной записку, в которой было три слова: "Победа или смерть". Возможно, именно слова Муссолини подействовали на команду, которая вырвала победу в дополнительное время.

Италия признавалась фаворитом следующего чемпионата, прошедшего на родине его отца-основателя, Жюля Риме, и не только потому, что была действующим чемпионом. На европейской арене итальянцы доминировали так же, как в самой Италии Муссолини. Сборная не уступила ни одного матча с ноября 1934 года, выиграв, в том числе и Олимпийские игры в Берлине в 1936 году. Но французский мундиаль проходил в тяжелой предвоенной атмосфере. Политические события наложили отпечаток и на футбольную жизнь. В частности, Испания исключила себя из числа участников, поскольку в стране шла гражданская война. Австрия, успешно прошедшая отборочный цикл, в результате аншлюса вошла в состав сборной гитлеровской Германии. Кстати, немцы, включив в состав своей сборной австрийских игроков, серьезно рассчитывали на победу, однако были биты уже в первом раунде скромной сборной Швейцарии, которую тренировал... австриец Карл Раппан, изобретатель знаменитого "замка Раппана", тактической схемы, ставшей прообразом катеначчо.

На чемпионате мира в Аргентине произошел ремейк 44-летней давности, хотя масштабы были гораздо скромнее. В то время в стране правила военная хунта, которая пошла на значительные расходы, связанные с чемпионатом, несмотря на то, что экономика Аргентины переживала острый кризис, а большая часть населения находилась за чертой бедности. Генерал Видела с помощью футбола делал большую политику. Он много раз встречался с президентом ФИФА Жоао Авеланжем, пригласил на финальный матч своих коллег – руководителей южноамериканских государств, что вызвало острый резонанс в зарубежной прессе. Сборная Аргентины, как и Италия в 1934 году, не представляла собой выдающуюся команду – на чемпионате были несколько сборных, как минимум не уступающих ей по классу [14, с. 10]. Считалось, что хунте удалось расположить к себе видных чиновников ФИФА, что сыграло на руку сборной Аргентине. Особенно скандальным оказался матч Аргентина-Перу, который по регламенту должен был проходить параллельно встрече Бразилия-Польша, но был перенесен на час. В итоге аргентинцы знали результат "параллельного" матча и без труда превысили необходимый голевой гандикап, разгромив немотивированных перуанцев со счетом 6:0.

Иногда излишняя политизированная атмосфера крупных спортивных соревнований может сыграть на руку в аспекте обеспечения безопасности его проведения. В частности чемпионат мира по футболу-74 в ФРГ сопровождался усиленной опекой армии и полиции. Меры предосторожности были приняты принимающей стороной для предотвращения возможности терактов: еще были живы воспоминания о гибели израильских спортсменов от рук террористов на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году.

Чересчур политизированная атмосфера немецкого мундиаля, вылилась в двух курьезных демонстрациях, произошедших в группе, воз-

главляемой сборной ФРГ. А вот результат матча ФРГ и ГДР, безусловно имевшего политический подтекст и завершившегося 1:0 в пользу "осси", оказался на руку сборной ФРГ, попавшей в более удобную группу и ставшей в итоге победительницей мирового первенства [13, с. 10].

В преддверии чемпионата мира в ФРГ в 1974 году сборная СССР, выйдя победителем в своей отборочной группе, согласно регламенту должна была провести стыковые игры за право поехать на мундиаль с южноамериканским представителем – сборной Чили. Эти матчи разделяла по времени всего неделя, но именно на нее пришелся переворот Аугусто Пиночета. В результате наши спортивные власти приняли решение не посылать команду в Сантьяго на ответную игру, мотивируя это тем, что Национальный стадион чилийской столицы был превращен в концлагерь [32]. Наше спортивное руководство предложило перенести встречу на нейтральное поле, но руководители ФИФА – президент Стэнли Роуз и генсек Ян Кайзер – сочли доводы советской стороны неубедительными. У этого решения было два объяснения. Первое: президент ФИФА Стэнли Роуз через полгода готовился к переизбранию и боялся переносом матча из Чили в другую страну потерять голоса латиноамериканцев. Второе: в ФИФА хотели, чтобы Советский Союз остался за бортом мирового чемпионата, поскольку в таком случае с ним могли солидаризироваться и поляки, сборная которых уже благополучно прошла предварительный турнир. В этом случае место поляков автоматически доставалось землякам Стэнли Роуза, англичанам [28]. Однако Польша сыграла на чемпионате и вошла в тройку сильнейших сборных, обыграв в матче за третье место чемпионов мира – бразильцев.

С другой стороны, сборная СССР сыграла в Москве вничью (0:0), и не могла рассчитывать на стопроцентную победу в Сантьяго. Ответный матч в Сантьяго все же состоялся: чилийцы выстроились в одиночестве в центральном круге, по свистку судьи разыграли мяч, не торопясь, довели его до самой вратарской, и чилийский игрок Карлос Кассели отправил мяч в сетку. А СССР впервые не попал на чемпионат мира, причем не столько по спортивным, сколько по политическим причинам [8, с. 8].

Ярким примером того, как противостояния на футбольном поле отражали политическую напряженность между двумя странами, являются встречи сборных Англии и Аргентины на чемпионатах мира. Напряженные отношения между Англией и Аргентиной обострились после 1982 года (Фолклендский инцидент). Впоследствии встречи этих сборных на чемпионатах мира всегда имели политический характер, и поражение весьма болезненно воспринималось их болельщиками.

В 1986 году на мундиале в Мексике игра Марадоны не позволила футболистам туманного Альбиона сыграть в полуфинале и возможно выйти в финал. Диего Армандо забил победный гол в том драматичном матче, обыграв по пути к воротам половину сборной Англии. Но, по мнению большинства английских болельщиков, их команда проиграла в четвертьфинале из-за пристрастного судейства тунисского арбитра Бен Насера, проигнорировавшего "руку божью" великого аргентинца, забившую первый мяч в ворота Питера Шилтона.

Однако, как ни парадоксально, проблемы между двумя державами начались не на политическом, а на футбольном поле в далеком 1966 году, после встречи аргентинцев со сборной Англии, хозяйкой мирового чемпионата, в четвертьфинале, за 20 лет до четвертьфинала в Мексике.

После игры, достаточно грубой как со стороны аргентинцев, так и англичан, в которой хозяева чемпионата сумели вырвать победу – 1:0, тренер англичан Альф Рэмзи обозвал аргентинцев "животными", что вызвало с их стороны гнев. По словам аргентинского нападающего Эр-



миндо Онега, "в Лондоне действовал заговор, направленный на то, чтобы избавиться от южноамериканских команд", а после матча его сборной с англичанами, "окончательно развеялся миф об английской корректности и порядочности" [12, с. 10].

В 1998 году во Франции англичане проиграли в третий раз, на этот раз в 1/8 финала в серии послематчевых пенальти. Матч между сборными Аргентины и Англии был назван одним из самых зрелищных матчей мундиала. Антигероем встречи стал капитан английской сборной Дэвид Бэкхем, заработавший удаление за грубую игру. Через 4 года в Японии Англия взяла, наконец, реванш (1:0). Гол с пенальти провел... Дэвид Бэкхем, реабилитировавшись за огрехи четырехлетней давности. К радости английских болельщиков, аргентинцам не удалось преодолеть групповой турнир, а англичане дошли до четвертьфинала, где уступили будущим чемпионам – бразильцам.

На чемпионате мира в 1998 году во Франции состоялся самый настоящий политический матч: США – Иран. По мнению американских тренеров, этого матча не должно было случиться. Подготовка к игре сборных США и Ирана готовилась крайне серьезно. Судить его был назначен арбитр Урс Майер из Швейцарии – страны, соблюдающей нейтралитет. Как футболисты, так и тренеры обеих команд в предматчевых интервью всячески старались избегать политических вопросов, говоря лишь о турнирной необходимости победы. "Эта игра изменит будущее нашей планеты и станет главным спортивным событием в мировой истории", – саркастически отвечал журналистам американский футболист Алекси Лалас, имеющий репутацию шутника. А потом менял тон на противоположный и добавлял: "Ну, конечно же, это просто обычный матч чемпионата мира". "Нам обязательно нужно побеждать, – говорил наставник американцев Стив Сэмпсон. – Но лишь потому, что иначе мы выбываем из дальнейшей борьбы на чемпионате мира. Политика здесь ни при чем". Главный тренер сборной Ирана Джалал Талеби, упомянув о необходимости заработать три очка, добавил: "Если американский игрок после матча подойдет к иранскому и захочет обменяться с ним футболками, не думаю, что мы скажем "нет". Мы будем более чем счастливы сделать это" [33, с. 3].

Тем не менее, после гола иранца Махдавикии трансляция матча в США была прервана. Когда результат матча стал известен – Америка испытала шок. Высшие руководители Ирана (в том числе и президент Хатами) сразу же выступили с телевизионным обращением, посвященным этому событию, поздравив футболистов с великой победой. То, что творилось в Тегеране после матча США – Иран, трудно передать словами. Происходившее напоминало события 20-тилетней давности, приведшие в свержению шахского режима. Тренер сборной США Стив Сэмпсон подал в отставку, а руководить командой доверили Брюсу Арене, до этого работавшему исключительно с клубными командами. Именно он в 2002 году вывел американцев в четвертьфинал, где команда в упорнейшей борьбе уступила бундестим, а по пути в восьмерку сильнейших "скальпировала" португальцев и принципиальнейших соперников по континенту – мексиканцев.

По мнению Паскаля Бонифаса, футбольные матчи способны возродить национальные соперничества и вызвать призраков прошлых войн. На мундиальных соперничества обостряется до предела. Но нельзя утверждать, что футбол является причиной плохих дипломатических отношений между странами. Враждебность на футбольном поле просто отражает существующие напряженные отношения между двумя странами, на которых лежит груз болезненной истории [4].

Но футбол также может быть поводом для позитивных действий.

Совместная организация чемпионата мира 2002 года Японией и Южной Кореей способствовала потеплению отношений между этими странами. Успеху южнокорейских игроков аплодировали даже в КНДР, а вскоре после первого азиатского мундиала состоялся исторический матч: в Сеуле встретились Корея-КНДР. Встреча завершилась вничью – 0:0.

Более того, футбол может способствовать достижению прогресса в направлении мирного разрешения военных конфликтов. После выхода на чемпионат мира 2006 года национальная сборная Кот-д'Ивуара, включающая игроков с севера и юга страны, обратилась ко всем своим соотечественникам с просьбой сложить оружие и положить конец конфликту, расколовшему их страну. После свержения президента Гаити Жан-Бертрана Аристида несколько лет назад бразильская футбольная команда выступила в роли посла миротворческих сил ООН, возглавляемых Бразилией. Недавний отборочный матч на мировое первенство в ЮАР между сборными Турции и Армении тоже стал примером "футбольной дипломатии". Когда прекращается военный конфликт, футбол является первым признаком возвращения общества к нормальной жизни, а участие сборной на чемпионате мира придает дополнительный импульс не только к консолидации нации, но и к международному сотрудничеству.

Выступления сборных на чемпионате мира по футболу являются индикатором внутривнутриполитической ситуации в стране. Сборная Сербии попала на чемпионат мира в ЮАР, но до этого она принимала участие под разными названиями – в 1930 году – будучи монархией, после Второй Мировой войны – как СФРЮ, в 1998 году – как Союзная Республика Югославия, в 2006 году – как Сербия и Черногория. В следующем году ожидается очередной "дебют" балканской сборной под новым названием. В этом смысле, выступление сборной Югославии в 1998 году во Франции можно назвать "взлетом" после затяжного политического кризиса. К сожалению, обострение ситуации на Балканах не позволило Югославии добиться прогресса. Обладая неплохим подбором игроков – звезд европейских чемпионатов, тренеры не сумели создать боеспособную команду, отстаивающую честь своей страны. В Германии в 2006 году сборная Сербии и Черногории выступала скорее по инерции, поскольку такого государства уже не существовало (3 июня Черногория вышла из состава конфедерации). Как результат – невнятная игра и три поражения, в том числе от Аргентины – 0:6.

Противоположная ситуация была на чемпионате мира 2002 года, который впервые принимали две азиатские страны – Корея и Япония, лучшие других азиатских стран сумевшие адаптироваться к условиям включения Азии в мировую экономическую систему и проникновению западной культуры [25, с. 151]. Победы корейских футболистов рассматривались комментаторами исключительно как победа всего корейского народа. Более того, сами результаты футбольных матчей трактовались не столько как спортивный успех, сколько как политическая, культурная и экономическая победа Кореи в международной конкуренции [25, с. 154].

Необходимо отметить, что большое значение придавалось не только повышению престижа страны в общемировом масштабе, но и конкуренции с Японией и КНР. Комментируя матчи японской и китайской сборной, корейские дикторы не устали говорить о том, что Корея болеет за своих соседей, являясь лидером, у которого им стоит учиться. Успех корейцев на фоне провала сборной КНР и выхода Японии только в число 16 сильнейших, выглядел показательно.

Для сборной Кореи важны были победы (до этого не было ни одной с 1954 года), но именно победы над европейскими сборными, причем над

именитыми, были еще важнее! Первую победу корейцы одержали над поляками, причем победили последних на классе; португальцев "дожали" в большинстве (хотя этот матч для корейцев не носил принципиального характера, даже поражение выводило их в 1/8 финала, причем на Мексику (по классу уступавшей итальянцам, но по игре "сделавшую" скауду адзурру по всем статьям)). После победы сборной Кореи над сборной Португалии, корейские газеты пестрели заголовками "Выход в 1/8 финала, позволивший достичь национального единения" [25, с. 159].

Италия была повержена за счет невероятной самоотдачи корейских футболистов. На трибунах были баннеры – "Италия, помни 1966 год!" (Как уже отмечалось выше, на английском мировом чемпионате КНДР победила Италию, что считалось сенсацией). Даже в пресловутом матче с Испанией, где арбитры не засчитали 2 чистых гола в ворота Ли Вун Дже, физически корейцы не уступали технически более сильным игрокам с Пиренеев.

Чемпионат мира – 2002 не только стал спортивным, культурным и экономическим событием, но и превратился в крупномасштабную политическую кампанию, которая проводилась на всех уровнях общественной жизни государственными организациями и СМИ при поддержке крупного бизнеса. Подход к проведению чемпионата как к политической кампании обеспечил массовое участие населения и, в конце концов, был признан во всем мире как успех его организаторов. По мнению О. Пироженко, именно органическая неразделенность политики и спорта, государственного и общественного являлась главной чертой и особенностью восприятия корейцами первенства мира по футболу, проводившегося в их стране [25, с. 161].

Нельзя не отметить, что экономическая отдача от проведения чемпионата мира по футболу тоже способствует привлекательности подобных турниров, особенно для хозяев первенств. Еще до начала чемпионата мира-2002 известные экономисты-аналитики Японии и Кореи пришли к выводу, что проведение турнира должно стать одним из основополагающих факторов устойчивого развития экономик обеих стран. По мнению аналитиков, результатом мундиала стал выход Японии из 12-летней стагнации [35].

В 1938 году Франция заработала 6 млн. франков на проведении чемпионата мира по футболу (мундиаль тогда впервые окупился). Через 60 лет прибыль от проведения розыгрыша кубка мира во Франции достигла 350 млн. долларов. Мировые аналитики считают, что чемпионат мира по футболу дает сильный толчок всей экономике, способствуя развитию строительной отрасли, сферы услуг, туризма [21].

Крупные международные турниры превращаются в инструмент для извлечения средств для корпораций, занимающихся рекламой, экипировкой, телетрансляциями. Немецкий концерн Адидас, начиная с 1970 года, каждые 4 года имеет огромную прибыль на поставке экипировки и продаже сувениров к очередному чемпионату мира. В 2006 году доходы "Адидас" от продаж только футбольных аксессуаров составили 1,2 млрд. евро (1,5 млрд. долларов США). Годом ранее Адидас заработал всего 434 млн. евро [16]. Большими доходами на прошлом чемпионате мира могли похвастаться немецкие компании по распространению мобильной связи. По данным аналитиков сайта Wireless World Forum, суммарные доходы операторов от проведения чемпионата составили около 7 млрд. евро, что вдвое превышало стоимость рынка мобильной связи Германии [16].

Аналитики консалтингового филиала компании Deloitte & Touche подсчитали, что мундиаль-2006 увеличил выручку от телерекламы на 25 %, а общий доход от показа телерекламы во время чемпионата со-

ставил 1,7 млрд. долларов [36]. Предстоящий чемпионат мира в Южной Африке, по заверениям ФИФА, способен принести 2,7 млрд. долларов только от продажи телевизионных прав, а общий доход организации составит 3,4 млрд. долларов, что на 30 % больше суммы, полученной на чемпионате мира в Германии [16]. ФИФА пошла по пути коммерциализации футбольных соревнований, превратив их в прибыльный источник деятельности.

Некоторые аналитики называют схему распределения квот в финальной части соревнований фарсом с политико-экономической подоплекой. В частности, вызывает много вопросов непропорциональное соотношение количества европейских и азиатских сборных, участие многих из которых не повышает зрелищности турнира. ФИФА идет по пути развития футбола в малодоступных уголках планеты, но тем самым на чемпионат попадают слабые сборные, от чего страдает зрелищность матчей, а в итоге пропадает интерес к ним со стороны болельщиков.

Безусловно, разбивка групп и проведение отборочных матчей по географическому принципу вызывает массу критики. Но с другой стороны ряд сборных стремится попасть в более сильные континентальные ассоциации. Членство Турции в УЕФА не только способствовало подъему турецкого футбола, но в какой-то мере предвосхитило ее стремление попасть в интеграционные структуры Евросоюза. Израиль, дебютировавший на чемпионате мира в 1970 году как азиатская страна, в конце концов, стал "отбираться" из Европы и теперь является крепким середняком европейского континента. С 2006 года в УЕФА вступил Казахстан. Что двигало руководством страны, как не стремление интегрироваться в Европу? Ведь попасть на чемпионат мира из Азии Казахстану было бы проще, чем из европейских отборочных групп. А вот Австралия наоборот стала членом АФК (Азиатской футбольной конфедерации), поскольку систематически не попадала на мундиаль, встречаясь с представителями южноамериканского континента, как сильнейший представитель зоны Океания. Теперь сборная Зеленого континента наверняка будет отбираться в финальную часть чемпионата мира также часто, как она пропускала их раньше. Да и командам Океании возможность участия на мундиале облегчена стыковыми матчами с азиатской сборной.

Существует мнение, что современный футбол перестал быть любимой игрой миллионов, как это было раньше, но зато трансформировался в эпицентр геополитических интересов. Как любая транснациональная корпорация ФИФА обязана быть в движении и привлекать на главный футбольный форум мира новых участников [7]. Как следствие, рост политкорректности на мундиалах. В угоду политкорректности матчи высшего уровня судят рефери из Сингапура, Египта, Бенина, многим из которых не хватает опыта, что мешает им профессионально работать. Спорным является мнение, что таким судьям для получения необходимого опыта нужно работать в серьезных международных матчах. Поскольку чемпионат мира проходит раз в четыре года, то и тренироваться по его ходу нецелесообразно: любая ошибка влияет не только на ход матча, но и на ход развития современного футбола.

Арбитры из Фиджи, Анголы, Суринама смотрятся экзотично, но они судят матчи чемпионатов мира, а вот российским арбитрам, как правило, если и доверяют, то не всегда, и часто в их адрес доносятся замечания. Иногда по делу. В 1998 году после знаменитого матча Бразилия-Марокко (3:0), в котором марокканский полузащитник Шибба грубо атаковал бразильца Роналдо и не получил за это даже "желтой карточки", судейство Левникова, обслуживавшего этот матч, получило свою порцию критики. В 2002 году ни один российский арбитр не был допущен к обслуживанию матчей мундиала (!) В 2006 году произошел исторический по своей

грубости матч Португалия-Нидерланды (1:0), в ходе которого Валентин Иванов показал 16 "карточек" (12 "желтых" и 4 "красных"). После игры судейство нашего арбитра было оценено как безобразное. Такую оценку дал... Зепп Блаттер, президент ФИФА! Потом последовали извинения, но осадок, как говорится, остался.

Интересно, что судейство представителей других стран не вызывает столь ярой критики. Например, знаменитого тунисца Бен Насера, "проглядевшего" первый гол Марадоны в ворота англичан на мексиканском мундиале-1986. Или судейство испанца Лопеса Ньето, "отгрузившего" 14 желтых карточек в матче Германия – Камерун на чемпионате мира-2002, и голландца Вегерефа, давшего 12 предупреждений в игре Сенегал-Уругвай на том же чемпионате.

Понятно, что арбитрам свойственно ошибаться, и скорости в футболе возросли. Есть мнения о необходимости видеоповторов и об увеличении числа боковых арбитров. Все это правильно, но почему одних арбитров шельмуют, а к другим относятся снисходительно? Или почему все ошибки всегда в пользу сборных, представляющих развитые и богатые страны? Это позволяет с одной стороны, говорить о "двойных стандартах" в футболе, но, с другой стороны, мы видим, как благодаря ФИФА, футбол превращается в важный инструмент глобализации.

Следующее мировое первенство по футболу пройдет в следующем году в ЮАР. Оно уже обещает быть интересным, поскольку на него попали сборные КНДР и США. Так что есть вероятность очередного политического матча. Количество африканских сборных впервые достигнет шести, а количество европейских команд сократится до 13. Если не принимать во внимание первый, во многом экспериментальный мундиаль, то никогда еще членство Европы на мундиале не было столь небольшим. Праздник футбола близок. Он принесет с собой радость и горе, сенсации и разочарования; возможно, блеснут новые таланты или, напротив, обретут вторую молодость уже заматеревшие "звезды". В течение месяца вся планета будет следить за перипетиями футбольных баталий, и для кого-то из участников турнира название самой южной точки африканского континента станет символичным.



---

## Литература

1. Абдулкаримов, С.А. Спорт в культурно-исторической ретроспективе: между сакральным и профанным / С.А. Абдулкаримов // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 160-169.
2. Абдулкаримов, С.А. Спорт и культурная идентичность в обществе: история и современность / С.А. Абдулкаримов // Этнографическое обозрение. 2004. N 5. С. 87-94.
3. Беспорядки после матча Япония-Россия // Режим доступа: [http://www.gazeta.ru/2002/06/09/box\\_2049.shtml](http://www.gazeta.ru/2002/06/09/box_2049.shtml) [Дата обращения: 27.09.2009 г.].
4. Бонифас, Паскаль. Геополитика футбола ("Project Syndicate", USA) // Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/228145.html> [Дата обращения: 23.07.2009 г.].
5. Валь, Альфред. История футбола. / Пер. с англ. М.: Астрель, 2003. 381 с.
6. Васильев, Е.А. Смысл и назначение футбола в культуре / Е.А. Васильев

// Человек. 2000. N4. С. 98-108.

7. Геополитический Футбол // Режим доступа: <http://sports-betting.ru/arhivstatey/s79.htm> [Дата обращения: 22.09.2009 г.].

8. Гойхман, М. Матч Чили-СССР / М. Гойхман, П. Аксель / Пер. с исп. // Советский спорт, 26 ноября 2003. С. 7-8.

9. Гольдес, И. История чемпионатов мира. 1904-1930. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 29 января 1998 г. С. 13.

10. Гольдес, И. История чемпионатов мира. Италия-1934. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 26 февраля 1998 г. С. 14.

11. Гольдес, И. История чемпионатов мира. Чили-1962. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 2 апреля 1998 г. С. 10.

12. Гольдес, И. История чемпионатов мира. Англия-1966. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 9 апреля 1998 г. С. 10.

13. Гольдес, И. История чемпионатов мира. ФРГ-1974. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 23 апреля 1998 г. С. 10.

14. Гольдес, И. История чемпионатов мира. Аргентина-1978. / И. Гольдес // Спорт-Экспресс, 30 апреля 1998 г. С. 10.

15. Гроздова, И. Н. Народы Британских островов / И.Н. Гроздова // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX начало XX вв.: Весенние праздники. М.: Наука, 1977. 386 с.

16. Жуков, А. Кризис института сборных и чемпионатов мира / А. Жуков // Режим доступа: [http://www.profootball.com.ua/2009/06/10/krizis\\_instituta\\_sbornyh\\_i.html](http://www.profootball.com.ua/2009/06/10/krizis_instituta_sbornyh_i.html) [Дата обращения: 27.08.2009 г.].

17. Интервью А.Г. Дугина о "пиратской сущности" футбола // Режим доступа: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2023> [Дата обращения: 26.07.2009 г.].

18. Кобрин, К. Fair Play: Невилл, Оруэлл, Зидан / К. Кобрин // Новое литературное обозрение. № 4. 2006. С. 260-263.

19. Ланфранши, Пьер. FIFA 100 лет. Век футбола. / Пьер Лафранши, Кристиана Айзенберг, Тони Мейсон, Альфред Валь / Пер. с фр., нем. и англ. М.: Махаон, 2005. 412 с.

20. Литвак, И. Геополитика ФИФА идет на пользу футболу / И. Литвак // Режим доступа: [http://www.migsport.com/print/180606\\_143056\\_37375.html](http://www.migsport.com/print/180606_143056_37375.html) [Дата обращения: 13.08.2009 г.].

21. Михальчук П. Потусторонний футбол / П. Михальчук // Эксперт. 2002. N 21. 3-10.06.2002 // Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues/expert/2002/21> [Дата обращения: 28.09.2009 г.].

22. Николаев П. И. Сальвадорско-гондурасская драма."Лат. Америка", 1970, № 6. С. 70-74.

23. Орлов, А. Прозрачный "Реал" и таинственный "Спартак" / А. Орлов // Международная жизнь. 2003. N2. С. 97-104.

24. Оруэлл, Джордж. Спортивный дух / Джордж Оруэлл / Пер. с англ. В. Гольшев // Джордж Оруэлл. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 480 с. (С. 331-335).

25. Пироженко, О. Футбол и корейцы: культурные, национальные и политические аспекты восприятия в РК чемпионата мира по футболу 2002 г. / О. Пироженко // Проблемы Дальнего востока. 2003. N1. С. 151-163.

26. Помяловский, Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Н.Г. Помяловский. М.: Художественная литература, 1988. 415 с.

27. Пуре, Анри. Вклад олимпизма в развитие отношений между людьми / Анри Пуре // Проблемы международного спортивного движения. Тематическая подборка N 3-4. М.: ВНИИФК, 1980. С. 29-36.

28. Раззаков, Ф. Скандалы советской эпохи / Ф. Раззаков // Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/162199/read> [Дата обращения: 29.09.2009 г.].

29. Родари, Джанни. Джельсомино в Стране Лжецов / Джанни Родари / Пер. с итал. О.Иваницкий, А.Махов // Режим доступа: [http://www.lib.ru/RODARI/jelsom\\_2.txt](http://www.lib.ru/RODARI/jelsom_2.txt) [Дата обращения: 17.08.2009 г.].

30. Степанян, К. Может ли Достоевский помочь выиграть чемпионат Европы по футболу? / К. Степанян // Знамя. 2004. N 4. С. 187-192.
31. Стуруа, М. Футбольный Альбион / М. Стуруа, Б. Федосов. М.: Известия, 1966. 286 с.
32. Филатов, Л. Заявление Федерации футбола СССР / Л. Филатов // Еженедельник "Футбол-хоккей". 1973 г. № 45.
33. Филиппченко, Д. Политика не помешала игре. / Д. Филиппченко // Спорт-Экспресс, 23 июня 1998 г. С. 3.
34. Фомин, Ю.А. Влияние российского спорта на формирование личности / Ю.А. Фомин // Социологические исследования. 2008. N10. С. 143-146.
35. Футбольный пас экономике. Темпы роста ВВП страны-победителя чемпионата мира по футболу могут ускориться на 0,7% // Режим доступа: <http://www.sostav.ru/news/2006/07/11/26> [Дата обращения: 22.09.2009 г.].
36. Чемпионат мира по футболу принесет \$1,7 млрд дохода от продажи рекламы. 17.11.2005 [lenta.ru](http://lenta.ru)
37. Bouet, M. The significance of the olympic phenomenon: a preliminary attempt at systematic and semiotic analysis // Introduction Review of Sport Sociology. Volume 12, N 3, 1977. Pp. 5-22.
38. Coakley, Jay J. Sport as an opiate // Sport in contemporary society: An Anthology. St. Martin's Press, New York, 1979. Pp. 250-254.
39. Guttman, Allen. The Diffusion of Sports and the Problem of Cultural Imperialism // The Sports Process: A Comparative and Developmental Approach / Eric Dunning, Joseph A. Maguire, Robert E. Pearton. Champaign: Human Kinetics. 416 p.
40. Sipes, R. War, sports, and aggression // Sport in contemporary society: an anthology. New York: St. Martin's Press, 1979. Pp. 46-56.
41. Sondhi, G.D. New Forms of International Cooperation // Report of ICSPE. Conference in Paris 1963. Pp. 31-37.

*Караман В.В.*

## **Ритмы поэзии. Русско-японские параллели**

**The poetic rhythms.  
The Russian-Japanese parallels**

Баю – баюшки – баю, не ложись ты на краю,  
А то с краю упадёшь и головку разобьёшь...

Такую, вот, песенку (или, примерно, такую) пели нам незатейливо мамы. А мы засыпали, под эту незатейливую песенку. Но вопросы: "А о чём вы думали под эту незатейливую песенку?", "Что чувствовали?", "Что промурлыкивали в ответ?" они (вопросы), так и остались вопросами. О чём думали, о чём пели? Пели, потому что пелось. А почему пелось? Да, стих такой нашёл! А-а-а-а!

Стих такой ... нашёл. А что же такое стих?

А это – ритм. Ритм – начало и продолжение, продолжение и завершение, завершение и начало. И снова – то же.

Ни для кого не новость, что всё в мире взаимосвязано – настоящее с прошлым, живое с мёртвым, сущее с запредельным, бесплотным, и всё на свете – неслучайно. Также, неслучайно и явление поэзии в нашей жизни. Даже если предположить, что у поэзии биологические корни, биологическая основа, то, появилась она даже не в те доисторические времена, когда первобытный человек сидел на берегу моря, глядя на набегающие волны и слушал ритмичный шум прибоя, а гораздо раньше, когда появилось, вероятно, первое, живое, то есть биологическое тело, полностью подчинённое ритму, заложенному в инстинкт и поныне являющемуся основой бытия, без которой всё живое и человек в том числе, погибнет.

Так, обезьяна, сидя на ветках, издаёт ритмические звуки, предупреждая сородичей о том, что наступило утро, она жива и остальные обезьяны могут не опасаться за своё существование, поскольку врага рядом нет [4, с. 76]. Или ритмично выстукивает дятел по дереву, поддерживая свою жизнь, добывая пропитание и, задетый обратным эффектом этого



ритма. Или кукует, кукует себе кукушка и ритм её кукования не удлиняется и не укорачивается ни на секунду, просто прекращается в своё время, предоставляя нам возможность наслаждаться другим ритмом, может быть вызванным заячьим топотом, может быть топотом копыт скачущих в лад диких коней. И прочее и прочее.

А что происходит с нами, когда нарушается сердечный ритм и наступает аритмия? Нередко – смерть, как завершение жизненного ритма и наступление иного ритма уже по ту сторону жизни.

Когда, на каком этапе человеческого существования внезапный сбой в сердцебиении вызвал ещё не строчку, а лёгкий выдох, ритмичный шум, звон в ушах от внезапно увиденного или долго ожидаемого чарующего явления, чтобы укрепиться ещё не на бумаге, а в сердце первого поэта стройной строчкой, столь прекрасной, что сразу вызвала и вторую, подкрепляя сказанное неожиданной мыслью, а потом и третью и т. д. и т. д., пока не сложилась вдохновенная песнь поэтического сердца, потрясённого прекрасным или ужасным видением.

Этот заданный сердцу ритм остановить уже невозможно и вот гигантская волна творчества (опять же ритмическая) захлёстывает, наступает тех, кто особенно способен увидеть и красоту и ужас жизни ("строчки с кровью убивают" Б. Пастернак) и, обладая даром отразить в словах все движения потрясённой души, ("зажечь глаголом" А. Пушкин) другие души, понимает, что "если мир раскалывается пополам, то трещина проходит через сердце поэта". (А.Блок)

Если вспомнить прекрасные творения далёкого прошлого, то иллюстрацией такой гигантской поэтической волны может служить одновременное возникновение памятников поэтической мысли в разных странах. Кроме как ритмом, чем ещё можно объяснить одновременное появление нескольких гениальных произведений разом в нескольких местах земного шара. Особенно прекрасен XII век [7]. Это и автор "Слово о полку Игореве", и Низами, Хагани, Аль-Харири, Руставели, и Вальтер Фон дер Фогельвейде, и Нерсес Ламбронаци, Иехуда Галеви, и Фудзивара Тэйка.

Если говорить вообще, то литература в целом и поэзия в особенности, являются первым связующим и даже формирующим нацию началом. Противостоять поэтической мысли очень трудно. Если она, мысль, глубока и выражена не просто добротой, но и вдохновенно при этом, ей может покориться даже самое заскорузлое сердце, ибо опять же – ритм, в одно и то же время и бодрит и успокаивает. Насчёт простой и заскорузлой души сомнений, может быть, и нет; и подлости в этом случае не предусматривается, но, владея людскими сердцами, поэты и поэзия всегда были и объектом поклонения, и жгучей неприязни, и лютой ненависти ("Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт...")

Не касаясь того, о чём уже говорилось в мировой литературе, попробуем сопоставить ритмы давным-давно ушедших времён, а именно, ритмы русской и японской поэзии.

Для меня русская поэзия начинается со "Слово о полку Игореве". "Слово..." произведение поэтическое, целиком проникнутое ритмом, недаром, обращаясь к нему авторы хотят именно сделать его поэтический перевод.

...В японской поэзии начать всего лучше, пожалуй, с "Манъёсю", одной из трёх самых крупных антологий классической японской литературы начала VIII века, стихи которой впоследствии стали представлять собой пятистишие, называемое "танка" и трёхстишие – "хокку". Формы, которые при всей древности своего существования продолжают жить, развиваться и задавать тон в современной японской поэзии.

Хотя поначалу песни-стихи были достаточно длинными:

Облетели  
 лепестки у вишни,  
 и мечтал напрасно я, что буду  
 украшать себя её цветами,  
 лишь пора весенняя наступит...  
 всякий раз, как расцветут цветы  
 вишни розовой, что носит  
 имя милой,  
 вечно буду вспоминать о ней  
 и любить сильнее с каждым годом...

И танка и хокку – сугубо японское стихосложение, поэтому сложению стихов такого плана были подвержены люди не только знакомые с грамотой, не только просто талантливые, но и все те, кто любил стихи и поэзию и любил поразить "красным словом" ближнего. То есть, какая разница, тринадцать человеку лет или тридцать, если его сразил ритм собственного сердца, усиленный услышанными или прочитанными, затронувшими сердце, звуками, словами, ритмом произнесённого стихотворения. Ведь, что касается "Манъёсю", то там и собраны представители самых разных сословий и судеб. И кого там только нет: и служивые, и чиновники, и правители, и нищие всякого толка. И многие стихи антологии "Манъёсю", как и прочие стихи "танку" и "хокку", сохраняются в веках, поскольку для всех поколений носителей языка они остаются родными и понятными, никто не вероломствовал и не изменял сути избранного рисунка – ритма национального языка [9].

"Манъёсю" – песенная поэзия, то есть целиком народная, основанная в целом на ритме. Как то обычно бывает, всё движется от общего к частному и вот, постепенно, мало-помалу, то есть, слово за словом, общее нивелируется и возникает частное, то есть, обозначенное собственным именем слово или строчка, или двустихие, или трёхстишие, или всё то же пятистишие или длинная песня как, например, у Какиномото Хитомаро о любви и разлуке – и вот мы уже располагаем именем, в своё время, может быть очень известным и, Слава Богу, можем уже обозначить абсолютные индивидуальности.

У поэтов, сколько их не было бы, ритм сердца совпадает с ритмом сердец народных, а то: Какиномото Хитомаро, Отомо Табито, Яманоуэ Окура, и др. да не сосчитать...

Ах, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!  
 Прекрасны воды рек, что в Ёсину струяться,  
 Конца не зная...  
 Также без конца  
 К ним буду приходить и любоваться.

*(Какиномото Хитомаро)*

Если в мире суеты  
 На дороге всех утех  
 Ты веселья не найдёшь,  
 Радость ждёт тебя одна:  
 Уронить слезу спьяна!

*(Отомо Табито)*

Придёт весна,  
 И первыми цветут у дома моего  
 Цветы душистой сливы...  
 Ужель совсем один, любуясь ими,  
 Я буду проводить весною дни?

*(Яманоуэ Окура)*

Проведём параллель с многоликой и многосложной русской поэзией. Нам очень повезло с великолепием окончаний и с невероятным многообразием рифм [8, с. 141].

Вся в снегу кудрявом, благовонном  
 Вся-то ты гудишь блаженным звоном  
 Пчёл и ос завистливых и злых...  
 Старишься подруга дорогая?  
 Не беда. Вот будет ли такая  
 Молодая старость у других?

(П.А.Бунин)

Какое б счастье или горе  
 Не пело в прежние года,  
 Метафор, даже аллегорий,  
 Я не чуждался никогда.  
 И ныне замечаю с грустью,  
 Что солнце меркнет в камышах,  
 И рябь чашуйчатее к устью,  
 И шум морской уже в ушах.

(В.Н.Набоков)

Но кроме того, что в нашей поэзии есть рифмованные стихи, в ней есть и верлибр, и белый стих. Верлибр родился во Франции во второй половине XVIII века, но прижился и в Германии (И.В. Гёте, Г. Гейне, И.К.Ф. Гёльдерлин) и в Великобритании и США (У. Блейк, У. Уитмен и др.) Также, во всей европейской поэзии есть и рифмованные стихи.. Но, к примеру, возьмём французскую: при очевидности одинаковых окончаний слова читаются по-разному, то есть, рифмы существуют только на письме. Но не в звуке!

А в японской поэзии рифма вообще отсутствует, как таковая [1, с. 17]. Впрочем, это было свойственно и поэзии Эллады и поэзии Древнего Рима. Но и те стихи, читаемые нараспев за чашечкой чая или у пылающего очага в Японии, или в богатых палатках в Древнем Риме, содержащие мысль и ритм, не переставали быть стихами и поэтов и слушателей (которые нередко сами становились поэтами) волновали этой мыслью и зачаровывали ритмом, так свойственным самой природе живой души.

В прозаическом произведении не всегда найдёшь, например, описание природы или времён года, а в стихотворении – сплошь и рядом. Но природа и времена года – это же опять ритм. Зима сменяет осень, весна – зиму, весну – лето, лето – осень и повторяется круг. Цветы подснежники, сменились ландышами, потом ромашками, потом подсолнухами, астрами, георгинами, хризантемами...и всё, всё это должно было стать и остаться стихами, ну, поскольку ритм и поэзия – суть одно и то же. И остались. В русской поэзии редкий поэт проходил мимо весны или осени. Зимы или лета:

Чтоб вошла рачительной хозяйкой.  
 В снежные лесные терема.  
 Щеголиха в белой разлетаке –  
 Русская румяная зима...

(Д.Б. Кедрин)

В японской поэзии, касается ли она средних веков или стихов нового времени любой поэт касался этой темы. Более того, все поэты непременно упоминали все времена года, в любой поэтической книжке были разделы по 4-м временам года. И в каждом хокку (хайку) есть упомина-

ние о том или ином времени года.

"Осень":

Прохладная ночь.  
Луна как будто бы дремлет  
В пруду прозрачном.

*(Рюсуй)*

"Зима":

Зимнее поле.  
Вдалеке запоздалый жнец.  
Солнце садится...

*(Гёдай)*

"Весна":

Ливень весенний –  
Как же преобразился мир!  
Как стал прекрасен!

*(Тий-ки)*

"Лето":

Лето в горах.  
Соловья, фазана, кукушку  
Отрадно слышать...

*(Исса)*

Но стихов, имеющих в виду только лишь природу и ничего более, никаких других чувств, в природе нет. Поэзия не зоология и не биология. Значит, обязательно должно присутствовать что-то ещё, то, что находится на кончиках пальцев у художника, нужная краска в нужное место – и картина готова. Значит, и не случайно то, что в природе всякого талантливого произведения, в нашем случае, стихотворения должна лежать мысль, чувство, одухотворённая эмоция. Только в таком случае она может воздействовать на чувства, мысли, эмоции других людей. (Этот феномен тоже заслуживает изучения – в самом деле почему в конце концов прекрасное и настоящее всё-таки находит своих ценителей, даже если творцов давным-давно уже нет на свете?).

Здесь, наверное, уместно поговорить о традиции.

Что же это такое, традиция? На самом деле это рутинное воспроизводство чего угодно. Кто-то хорошо шьёт, кто-то хорошо пишет стихи. Вот как шил, пусть так и шьёт. Вот как писал, пусть так и пишет. Конечно, правильно. Пусть! Но, тем не менее через поколение, если не в следующем всё-таки появлялся "урод", коверкая, на взгляд умудрённых опытом и признанием поэтов и правителей, наработанное и приобретённое в веках умение и знание и опыт, и делал своё, убогое и непонятное никому... Так движется живое, совершается эволюция, история, так продолжается жизнь и, как ни странно, традиция. Опять всё те же волны. Всё тот же ритм. Всё необходимо – и традиция и революция. Традиция позволяет нам, не начиная заново, откорректировать наш земной путь (ну, в самом деле, не учиться же нам снова ходить на ногах, говорить и пр.), она же (традиция) даёт нам возможность сохранить всё, что нужно сохранить и всё, чем можно обогатить общество. А это – потенциалом, обогащённым, в свою очередь, новыми знаниями, умениями и опытом, добавляя свою, иногда очень весомую изюминку. Но знания, умения, опыт, мало того, что дело наживное, ещё и у каждого своё. При этом, можно себе представить, что дело поэта (который о вышесказанном вовсе не задумывается)

это сказать своё, ещё может быть никем не слышанное, но уже осуждаемое и, конечно, в будущем осуждённое многими слово. Само по себе – это доблесть, но опять же поэт, как и всякий человек, заявляя о своих правах, не думает об этом, как о геройстве, он просто так прост, просто так жив и другое ему неизвестно. Но традиция! Не сродни ли она условному рефлексу Павлова? Может быть, да... Проявляя свои и лучшие и худшие стороны живёт традиция. Как море, волны, переменный ветер, речь. Течёт, изменяется, как всё живое. Только век её жизни измерить трудно. Он у каждого свой. Он свой у каждой традиции. Как у народа. Здесь свои приливы и отливы. Свои волны.

Здесь также стоит ценить преемственность. Пушкин вырос не на голом месте. Другое дело, что, будучи по своей природе высшим существом, он старался сохранить и приумножить русские традиции, своим стихом помогая этому. Да, они сохранены были. Но, ведь, то, что сделал он – новаторство, подвиг и продвижение вперёд, то есть, шаг. (Шагнул вперёд и поплатился. Жизнью. А чего не жалеть всего?)

Но, возвращаясь к тому, что уже сказано, можно удостоверить, что только человек, преданный традициям, может менять их, ибо он любит и знает свой язык, понимает, как он гибок, знает законы своего языка, а стало быть, и уважает законы любого другого языка. Недаром Н.В. Гоголь писал о стихах Пушкина в своих "Арабесках": "Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконично, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства...".

Я вас любил: любовь ещё быть может.  
В душе моей угасла не совсем;  
Но пусть она вас больше не тревожит;  
Я не хочу печалить вас ничем.  
Я вас любил безмолвно, безнадежно,  
То робостью, то ревностью томим;  
Я вас любил так искренно, так нежно.  
Как дай вам бог любимой быть другим.

(А.С.Пушкин)

Всякая душа содрогнётся, прочитав это. Казалось бы. А, вот, не содрогнётся, потому что это уже давным-давно ей, душе, сказано всё это её же, души, словами. Мы давно забыли, что говорим на языке Пушкина, нашего прародителя по облику (обличию) своему – негра, по настроению – язычника, по вероисповеданию – христианина, по языку – русского, конечно же, русского, раз уж речь зашла о стихах. Поэт пишет на своём языке! Но снова хочется вернуться к нашей заскорузлой русской душе. То ли это в минус ей, то ли в плюс. Ну, говорит она словами Пушкина. Он вообще у нас с языка не сходит. Ну, а какой пиетет может быть к родному отцу? Он же родной, простит! Вот и коверкаем, как можем, родной язык.

Первый вскрик явившегося на белый свет ребёночка:

– Мамочки, бабушки, отойдите. Да, лучше вас никого на свете нет. Но, сделайте и нам хорошо, явите такую божескую милость – отойдите!

Лучшие из бабушек отходят, ну, а с остальными – возня. Как часто говорят: народ мельчает, теперь ещё больше прежнего. Но, невзирая на все пакости бытия...

"Подружка дряхлая моя..."

– продолжить можно, но мы-то знаем, что продолжение и так есть...

Обозначим своё возвращение к "Манъёсю" – древнейшему памятнику японской письменности, тому, что относится к восьмому веку нашей эры, именно в которой и зафиксирован переход от песни к авторской поэзии. И от "песен Ямато" – японских песен поэты Страны Восходящего Солнца прошли долгий путь. Начиная с "Манъёсю" чеканится основная форма японского стиха – пятистишие и определяются поэтические приёмы. Как уже было сказано, уже на первых этапах своего возникновения японская поэзия заявила о своём пристрастии к краткой форме:

Жизненное пространство в Японии небольшое, нужно использовать каждый миллиметр его с пользой, то есть на меньшем пространстве уложить как можно больше смысла. Не потому ли в Японии, как ни в какой другой стране так приняты малые формы поэтического произведения? Не отсюда ли это явление "танка", которая показалась японским поэтам громоздкой настолько, что они пришли к появившейся к 17 веку форме хокку (хайку). В "танке" пять строк, в хокку (хайку) – три.

Однако лаконичность японского стиха компенсируется насыщенным подтекстом, глубоким смыслом и яркой образностью.

Фудзи – гора,  
Осеннее небо пронзая,  
Вздыхается ввысь.

*(Оникура)*

Или:

Очарованы флейтой,  
Набегают волна за волной.  
Осень в бухте Сума...

*(Бусон)*

Или:

Фудзи скрыта дождём.  
Вижу кроны деревьев цветущих –  
Персики в долине...

*(Дакоцу)*

Древняя поэзия "Манъёсю" опирается на древнюю народную песню. Здесь песенная стихия, здесь ритм, всё тот же завораживающий ритм, который ведёт в конце концов к выработке определённых приёмов. С возникновением письменности все эти приёмы были закреплены графически.

Японские поэты очень часто были и художниками. Иногда, встретившись с поразившим воображение явлением, необычным видом какого-нибудь ландшафта, мало ли чего, поэт писал своё стихотворение и украшал его рисунком или каллиграфической надписью или наоборот, нарисовав что-либо украшал сделанное стихом. Так или иначе в японской поэзии поэт находится внутри природы, является его неотделимой от неё частицей, что очень отличает его от европейского поэта.

Японский поэт природный философ. Из муравья, ползущего по земле, из лепестка вишни Ёсино, из осенней листы Тацута творит он свою вселенную, не боясь раствориться в ней, растаять, ибо сам он частица этой вселенной.

И эта жизнь с природой заодно никогда не заканчивалась с новым этапом развития японской поэзии, с появлением новых антологий, развитием старых приёмов и созданием новых. В японских стихах не найдёшь прямого обращения к любимой, всё здесь делается опять же через обращение к природе:

Подует ветер,  
И разделённое горной вершиной,  
Белое облако исчезает / бесконечно жестоко  
Сердце твоё...

(Мибу Тадамитэ)

Конечно, поэзия последующих времён и при этом антология "Кюкинсю" – вещь гораздо более деликатная, чем "Манъёсю", Ну, а как же, сын, перебравшийся в город от деревенских неграмотных родителей! И начинается усложнённость, то есть опять поиски себя, чтобы своё, собственное сказать... Скажут. Но от чего оттолкнутся? Традиция! Волны. Ритм...

Стоит сказать несколько слов о поэзии рэнга. Хотя проще вернуться к хайкай, которая прошла несколько этапов в своём развитии. А поэзия, как говорил Мацунага Тэйтоку, находится где-то "между хайкай и рэнга", а проще говоря, разницы между ними и не было. Рэнга – поэзия комического плана и приближена к народной речи, что не мешает ей оставаться пленительной.

Завяны снегом,  
Ярче алеют опавшие листья  
На горной траве!

(Сёхаку)

В студёной росе  
Отразилась луна  
Светом иным.

(Сотё)

Неведомое томит  
В раздолье полей.

(Соги)

Но что бы не диктовал этикет и нормы традиционного письма поэтам, новое потихоньку набирало силы. Отсюда и смелость заговорить о сокровенных чувствах, а если заговорить, то и новую форму представить в полной красе. Но, ведь сказано, что новое – это хорошо забытое старое и потому опять традиция, основанная на ритме...

Из сборника "Соломенный плащ обезьяны":  
Нанизанные строфы (ханкай-но рэнга)

В городе нечем вздохнуть.  
Бродят душные запахи...  
Летней ночи луна.

(Бонтё)

Сбиравшая травы женщина  
Роняет из рук фонарь.

(Босё)

Печально бредёт поводырь,  
К своей обезьяне привязан...  
Осенняя светит луна.

(Босё)

Отделять поэзию Японии от поэзии других стран вряд ли прилично, но ритм, как начало традиции, законен для всех. И если более рафинированные европейцы пошли дальше, как крестьянские отпрыски из деревни в город, презирая и ненавидя всё, что их породило, то восточные народы и японцы, в частности, не забыли о своей кровной связи с зем-

лэй, с земным ритмом не надуманным, а природным и потому стих их полон той гармонии и лада, что присущ самой природе, даже если она свирепа, "аки лев рычащий".

Зимняя буря –  
Часто-часто от страха моргает  
Кошка в уголке...

(Ясо)

В своё время каждый задумывается о временности своего земного пребывания на свете. Не потому ли и возникла мысль запечатлеть его (своё пребывание) в рисунке ли, в стихотворении ли. Конечно, природой заложено прямое воспроизводство себя в своих потомках, но, так правило, люд на этом не останавливается. И начинается строительство (стройка себя, своих, чужих – избыточное чувство). Это строительство не всегда открыто, но всегда эмоционально. Мы по – наивности полагаем: я подумал, я сказал, значит должен быть понят. (А наивные, это первобытные, необученные временем и жизнью, а может быть и тайно от себя самих укрывающиеся от "стать обученными"). И возникает произведение, которое казалось бы понимает только автор, но у него найдутся читатели и слушатели – те у которых ум и ритм совпал, уже потом с напластованием образования и знаний начинаются разночтения. В связи с этим с всегдашним пиететом к японской поэзии автор обращается к сокровенной красоте – понятию, которое каждый открывает сам для себя. Здесь опять же, как бы мы не старались что-то переиначить – вероятная связь с природой (она же и ритм, далее – традиция).

Как бы не отгораживалась та или иная страна от внешнего влияния, но, говоря словами марксистского классика, "жить в обществе и быть свободным от общества нельзя" и влияние другой культуры, другой поэзии всё-таки было, пусть каким-то необычным путём. Но это случилось. И поэтому обозначилось другое – мистически-эстетическое освоение мира (у нас в России оно началось чуть раньше явления А.А.Блока). Началась туманность, недоговорённость, одно из излюбленных состояний символиста – у японцев это:

Как я когда-то ласкал  
Чёрные волосы любимой!  
Каждую, каждую прядь  
На одиноком ложе моём  
В памяти пребираю.

(Фудзивара Саданэ)

То есть, происходит явление, которое обозначается как "от общего к частному" хотя это явление опять же "волна", было это, было...и поэт начинает идентифицировать себя, как личность. Но это эволюция и не понимать этого и препятствовать этому верх первобытности. Хотя не будем оскорблять первобытное общество – мы не знаем, каким оно было.

Все замечательные поэты эпохи создания "Синкокинсю", а это Сайгё, Сёкуси-Найсинно, Фудзивара Саданэ и др., как полагается первопроедкам, сделали прорыв и, вслед своим замечательным предшественникам, определившись в антологии "Коккинсю", воссоздали красоту осени но, ведь, кроме того, и грубо пометили тщетность земных желаний, да ещё и помыслили о тщетности всего сущего, то есть прекрасного...

Как подумаешь, всё подчиняется ритму...Но ведь это почти наука. А красота? А поэзия?..

Как бы там не было, поэзия процветала, будучи загнана куда угодно. А это ритм и чуть позже – рифма.



Вы встречали когда-нибудь человека ни с того, ни с сего говорящего в рифму? Ну, что вы, это же неприлично! Как я могу с таким быть знакома? А напрасно! Это твой прародитель. Просто где-то – за тобой не успел... А если бы за тобой, быстроногим, успел, где был бы он и где вы? В природе всё уравновешено. И человек спешит за тем, что уже сделано. Он тому следует. Этим обозначены и неоправданные человеческие поступки. И, слава Богу, всё это есть в поэзии.

Сколько бы мы не говорили о научном подходе к пятистишиям, трёхстишиям японской поэзии, всё-таки нужно вернуться к поэзии собственно.

Однако грешить и обижаться на последующие японские антологии не нужно. Они дали нам, во-первых, поэзию нанизанных строк, тем более, что в Европе в это время давно пятистишие стало распадаться на две строфы: трёхстишие и двустишие, во-вторых поэзию праздного порядка (в разных видах она встречается в своём неорганизованном виде у представителей всякого класса) и в третьих, смеем надеяться, она является современной нам японской поэзией.

К пятнадцатому веку поэзия нанизанных строк набрала силу и наступило великолепное для исследователей время – стало возможно говорить о стихе, как об эмоционально-смысловом единстве. Появилось множество тождеств, а также преподавателей, умевших или не умевших следить за развитием рэнга. Кто-то преуспел в этом, кто-то нет, однако все старались, чтобы правила соблюдались. То есть от привычного к привычному, так спокойнее и безопасней. Новое всегда таит в себе что-то пугающее. Однако хотим мы того или нет, оно приходит и заявляет свои права на жизнь.

Так же и с хокку. Уже в XVI веке появляются сборники, состоящие целиком из хокку, невероятной красоты поэтической формы, предусматривающей внутреннюю энергию строки, будящую воображение, вызывающую желание домыслить всё, что недосказано. Одно и то же стихотворение можно читать сто раз и находить каждый раз в нём всё новые и новые краски. Эта форма, как никакая другая, создана для собеседника, слушателя, читателя, любому человеку, сопереживающему автору. Не вдаваясь в тонкости японского стихосложения, повторюсь – в этих стихах много слов – символов, слов – сигналов, помогающих нам определить, о чём идёт речь. У каждого народа свои ассоциации с миром людей и вещей. Естественно, предполагалось, что у поэта и его читателя единый культурный уровень и они могут быть сотворцами. Скорее всего так всегда и было, иначе не видать бы (не читать бы) нам хокку по сей день. Ну, например:

Старый пруд.  
Прыгнула в воду лягушка.  
Всплеск в тишине.

(Басё)

Нет хозяина дома.  
И даже слива цветёт сегодня  
За изгородью чужой.

(Басё)

Сорвал пион –  
И стою как потерянный.  
Вечерний час –

(Бусон)

Здесь сигнальные слова – лягушка – олицетворение весны. Слива – то же весна. Пион – лето и т.д.

Хоть и говорит китайская поговорка: "Кто нигде не бывал, вернул-

ся отовсюду", эта великая истина никак не относится к Мацуо Басё, который буквально исколесил свою страну вдоль и поперёк и оставил нам в наследство свои замечательные путевые записки, сплошь усеянные, как жемчугом, замечательными хокку. Так и предполагалось, тот кто хочет писать хокку, должен постранствовать, накопить впечатлений и умения и вообще обзавестись сумой нищего, чтобы было куда собирать россыпи алмазов, коими усеяна вселенная [10]. (Интересно, что наш Велимир Хлебников тоже ходил с мешком, набитым стихами, извлекая из него то одно стихотворение, то другое по мере надобности. И расправился – то со своим мешком, как поэт, сжёг, чтобы согреть незнакомого человека).

Хокку – вещь народная. Сродни анекдоту. Только по большей части грустному. Ну, если не анекдоту, то афоризму, пословице, что ли. Как бы то ни было, трудно представить себе человека, не откликнувшегося на точное, меткое слово, ведь оно всегда вызывает восторг... И как прав был слушатель Восточного Института подъяесаул В. Мендрин переведший в 1904 году "Историю японской литературы" В.Г. Астона на русский язык и отметивший, что Астон рановато похоронил этот жанр [2, с. 198]. Верно сказанное слово не может не отозваться в другом сердце, ведь всякий знает и грусть осеннего сада, и боль потерь, и одиночество, ведь всякий может почувствовать смятение и горечь от того, что сжигают последнюю осеннюю листву и увидеть туманную дымку над рекой, и журавлей, уплывающих вдаль и загрустить при этом. Всё это внятно человеческому сердцу. А поэзия хокку на то и настроена, вот потому и жива, как сама жизнь...

Слово скажу –  
Леденеют губы.  
Осенний вихрь!

(Басё)

Ну, чем не пословица? Или:  
Вот выплыла луна.  
И каждый мелкий кустик  
На праздник приглашён.

(Исса)

Ну, кто из нас не пасовал перед жизненными трудностями и как хотелось нам при этом хотя бы маленькой радости и он нас понял, поэт.

В поэзии хокку оставили след многие замечательные японские поэты. Это и Мацунага Тэйтоку, и Басё, и Сико, и Кэкай, и Бусон и Тайро, и Рёта, и Фухаку, я же хочу сказать о трёх моих любимых японских поэтах, о трёх мушкетёрах японского пера: Басё, Бусоне и Исса.

Роль Басё огромна в истории японской поэзии. Каждый грамотный человек в Японии знает своего поэта, более того, как это бывает со всем великим, оно просто вошло в жизнь каждого так обыденно, что и заметить это перестали. Природа, опять же. Скоморошество и словесная чепуха отброшена и поэзия хокку предстала в своём настоящем, полным глубокого значения и необычайной красоты виде.

За весь долгий день  
Ещё не нащебетался –  
Ах, жаворонок!

(Басё)

Тихо лошадь трусит.  
Будто вижу себя на картинке  
Средь летних полей...

(Басё)

Ясная луна.  
У пруда всю ночь напролёт  
Брожу, любуясь...

(Басё)

Петух прокричал.  
Зимний дождь барабанит по крыше.  
Притихли коровы в хлеву...

(Басё)

Самое ценное в поэзии Басё, то что он, будучи гением, ни секунды не заикливался на этом, едва ли, будучи поистине великим, даже со-знавал, что это так, понимая, что велика природа в целом, а все мы её частицы, иногда очень крупные. Как бы не была тяжела жизнь, она пре-красна и прославлять её нужно каждый божий день (что он и делал).

С уходом Басё поэзия хокку замерла, но ненадолго, поскольку рож-дена была на долгие века. И вот явился поэт, он же художник, огромно-го таланта. При нём хокку засверкало неожиданными и очень яркими красками. Правда, признание к нему так и не пришло при жизни. Но настоящего художника это и не тревожило. Он был романтиком и с этим жил. Он сродни нашему художнику К.А. Сомову, так же готов одеть весь мир в маски и верить, что этот мир реален.

Однако также, как Сомов, он умел одним мазком сделать картину реальной для всех и прозрачной, как вид в окне.

Зал для заморских гостей  
Тушью благоухает...  
Белые сливы в цвету.

(Бусон)

Вот лягу я спать,  
А наутро проснусь и увижу –  
Новый Год на дворе!

(Бусон)

Летняя гроза.  
К траве испуганно жмутся  
Воробьи в деревне...

(Бусон)

Очарованы флейтой.  
Набегают волна за волной,  
Осень в бухте Сума...

(Бусон)

Зимний дождь – в полутьме  
На закате квакает жаба  
Тоскливо. Глухо...

(Бусон)

Нежнейшей души поэт Кобаяси Исса жил и творил свои бессмерт-ные хокку в конце восемнадцатого начале девятнадцатого века. Особен-но в его стихах нас привлекает невероятная любовь к природе. К его поэзии нас привлекает также его понимание жизни и скорби всякого существа, будь он хоть муравьём, хоть лягушкой. Исса – великой души человек.

Новый год на дворе –  
Вот она, долгожданная радость!  
Голубое небо...

(Исса)

С этого дня  
Все вы можете спать спокойно –  
Вы в Японии, гуси!..

(Исса)

Ничегошеньки нет  
В моём доме – только прохлада  
И душевный покой...

(Исса)

Диву даёшься до какой степени человек может соответствовать своему предназначению. Исса – исключительный для исследователей слу-чай. Чистейшей воды природа. Так любить и понимать природу и быть ей признательным за всё! Жизнь с ним обошлась круто. Но мы-то зато каким богатством обладаем!

Если явится вор,  
Вы лягушками обернитесь,  
Прохладные дыни!..

(Исса)

Рой комариный –  
А ведь если б он тут не жужжал,  
Было б скучновато!

(Исса)

Плачет, плачет малыш –  
Просит поймать ему в небе  
Шарик луны...

(Исса)

Лист опавший поймал  
И лапкой прижал осторожно  
Смешной котёнок...

(Исса)

Никнет бурьян –  
Низко-низко склонились метёлки,  
На глазах холодает...

(Исса)

Месяц на небесах  
Будто скорчился весь от мороза –  
Похолодало...

(Исса)

Даже военные песни *гунки* (особенно трагической первой полови-ны эпохи Сёва) или *дзисэй* – стихотворение слагаемое самураем перед смертью не содержат в себе ни чего военного и ужасного, а просто го-ворят о любви к отечеству и печаль что не вернуться те, кто "опадет как лепестки цветущей вишни...". [5, 495; 3, 241].

Как-то, пребывая в Интернете, я наткнулась на старую японскую хронику [11]. Кадры сопровождалась песней, пленившей меня необы-чайной красотой. Это была песня лётной школы камикадзе (同期の桜). Бежали молодые ребята в белой форме, маршировали, провожали оче-редную группу в полёт, а вслед им неслась неземная мелодия. И слова:

貴様と俺とは 同期の桜  
同じ兵学校の 庭に咲く  
咲いた花なら 散るのは覚悟  
見事散ります (しよ) 国の為

Кто я и ты? Лепестки цветущей вишни.  
 Такие же, как цветы в саду нашей морской школы.  
 И когда они отцветут,  
 Лепестки опадут над нашей страной...

Всё в чисто японском духе. Ничего не сказано впрямую, но везде горьковатый и чарующий подтекст: мы уйдём, но вернёмся, пусть в другом виде, потому что мы – дети природы, мы часть её.

Плоть и кровь одна.  
 Но природа может разделять её  
 И создать новое...

Горьковатый и чарующий – философский – подтекст, отвечающий всему душевному устройству японского поэта.

Всё делается даром. Великие Босё, Бусон, Исса всё-таки сделали своё дело – пробудили, что и свойственно великой поэзии, чувства, обучающие обычного земного человека...

Если возвратиться к японской поэзии вообще, то силу стиху придаёт чувство, в стихе оно весомо и значимо. Как во сне, где всё на подсознании. Такое впечатление, что японские поэты никогда не выходили из своего поэтического восприятия мира. Ну, посудите сами:

Из сердцевины пиона  
 Медленно выползает пчела...  
 О, с какой неохотой!

(Басё)

Так, ведь, это глубокомыслие Басё сочинил выходя с посиделок у друга.

Так и хочется вскрикнуть: – Кто же за ними записывал?

Кто записывал? В Японии своя азбука.

Иероглифика – вещь особая и своеобразная. Но до неё были рисунки.

– Быки, смотри, быки! –

Кричала маленькая девочка своему папе-учёному.

Да, так была открыта живопись людей древнего каменного века [6]. Кто знает, что мы приобрели бы, если бы сохранилась и их поэзия?

Мы смеёмся над современными нам, неумными путешественниками, которые побывав где-нибудь на знаменитой горе, скале, а то и просто в парке на скамейке, оставляют там свои имена, начертанные мелом, вырезанные ножом. (Маша и Коля были здесь). Им всё равно, кто прочитает это и когда, но ради чего пишется-то? А в забвение не хочется уходить. И каждый оставляет после себя то, что может в силу своего ума, таланта, знаний, общей культуры. Не те ли же чувства владели нашими пращурами, когда они оставляли в пещерах, на скалах свои рисунки, стремясь увековечить себя, не дать уйти себе в никуда, не поделившись с потомками своими впечатлениями о жизни. Всё это с веками менялось, совершенствовалось, приобретая постепенно тот вид, который теперь имеет письменность того или иного народа. В этом смысле русская письменность представляется мне самой удачной из всех и спасибо мы должны сказать за это нашим славным предкам Кириллу и Мефодию. Та письменность, которой владеем мы сейчас, даёт нам возможность передать все оттенки мыслей и чувств да ещё и эмоционально украсить свои творения соответствующими и очень говорящими знаками препинания.

Что же касается японской азбуки, то творцами её были, конечно,

художники, они же поэты (иногда только в душе), они же философы. Вот почему, когда я смотрю на японский текст, я вижу фигурки людей или животных. Девушка, закутавшись в кимоно, под порывами ветра спешит на свидание к милому, навестить старых родителей, накормить ребёнка, или рыбак на лодчонке спешит наловить рыбы и вернуться к ожидающей его семье или кошка, ловящая снежинки в самом начале зимы или птичка, долетевшая почти до облака. От этой азбуки становится тепло, но и тревожно, как за всё хрупкое, как за произведение искусства, которое надо беречь и лелеять, чтобы радость от прекрасного сопровождало каждого человека всю жизнь, вселяя в него веру в это прекрасное, наполняя его жизнь смыслом и светом. И родились такие стихи:

Мне ночью снилась Хирагана  
 В обличе девицы-красы  
 В глубоких ссадинах и ранах...  
 Почивший враг у ног босых...  
 Снежок ложился ей на ворот,  
 Тоска глаза заволокла...  
 Вдали виднелся древний город,  
 Разрушенный почти дотла.  
 И поднималась в небо стая  
 Бесплотных белых журавлей,  
 И опускалась тьма густая  
 На сад причудливых камней.  
 На эти пагоды и кущи,  
 На дрожь разбужженных ветвей.  
 Ложилась пагубней и гуще  
 На символы людей бегущих,  
 На азбуку души моей...  
 О Хирагана... Хиросима...  
 Как будто жизнь невыносима,  
 Всё мчимся мы к иному свету...  
 А смерти – нету,  
 Пока слова произносимы...

Ритму подчиняется всё неживое и живое в природе. Приливы и отливы волн, на которые влияет луна; вспышки на солнце, смена времён года, смена дня и ночи. И человек и общество и процессы, происходящие в обществе, всё-всё подчинено ритму. А что касается человека и общества, вспомним, какой всплеск интереса к литературе, к поэзии, в частности, был, например, в 20-е годы ушедшего XX века, когда какие-то предприимчивые люди строили клубы, кафе и... устраивали литературные вечера, где выступали поэты, теперь всемирно известные, многие из них – великие. Наши соотечественники: В.В. Маяковский, С.А. Есенин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева... даже небесный А.А. Блок, уж такой не любитель выступать на публике...

То есть, в данном (да, как и в любом) случае, литература, вторгнувшись в жизнь, стала самой надёжной её (жизни) защитницей. И поэзия в том числе. Обратите внимание, когда дело чуть-чуть стабилизировалось, возникала новая проза, пытаюсь объяснить поэтовы дела и потом всю славу брала на себя. А поэт уже сработал, сделал своё дело. Он написал стихотворение, песню, гимн, наконец, он сотворил то, что "завело" всё общество. И это ли не его работа?

Общество должно понять, что поэт не понимает повелительных интонаций, а, если они исходят от природы, то что ж – он сам природа, он так же точно мыслит, как природа... Выше поэта, в самом высоком пони-

мании всего сущего, может быть только мать-природа или тот, кто её создал... И идут волны, и идут ритмы, а вслед за ними и рифмы, заставляя нас запоминать слог к слогу, слово к слову, фразу к фразе... А как иначе можно что-то запомнить? Программа задана. А потом – спад. Повзрослели, наелись, детей вырастили. Не поняли, что взлёт не за ними. Но что-то держит. Самые умные поняли – отпустите, дайте и им... Да, берите! И снова куют цепи! Да сколько можно? Да сколько возможно!.. И любовь к этим самым любимым и жестоким.

Ещё волна или волны. В 40-е много чего было сказано литераторами, но явились поэты, хоть и из жизни ушедшие, но напомнившие о себе "лица не общим выраженьем"... В годы Великой Отечественной войны, опять же, явление новых ярких имён... Потом спад...

Затем, в 60-е годы поэзия стала делом всеобщим, имена поэтов знали все. Волна катилась от московских Лужников и Политехнического до нашего Владивостока и дальше. Стихи писали все. Помню, я, закончив университет, пришла работать в отдел экономики тогдашнего сибирского отделения академии наук, что называется с корабля на бал, а там, в мой первый рабочий день, был у кого-то день рождения и умные люди, учёные, кандидаты и доктора наук подписывались под поздравительными стишками, сочинёнными кем-то из них. Со мной в это время беседовал учёный, экономист, руководитель отдела, потомственный москвич, умнейший человек, Петр Васильевич Тарасов. Запомнила бы я его в другой ситуации, не знаю. Но тут ему поднесли бумагу с текстом и он, прочитав, гортанно засмеялся и сказал: "Ну не надо, ну вы не умеете писать стихи, я этого подписывать не буду." И тут же мне на радость продекламировал замечательные, всем известные строки С.Я. Маршака и сказал: "Ну, занимайся каждый своим делом, стихи они пишут..." Зарифовать свои мысли, то есть придать им законченность, людям хотелось всегда, но не все становятся поэтами, истинных же мы помним и то, что сами сказать не можем, восполняем уже сказанным ими. Новый виток любви к литературе возник у нас с началом перестройки, когда, словно шлюзы открылись и потекли быстрые воды – то, что было скрыто от глаз вдруг хлынуло на страницы газет и журналов. Этой волной прибило к нам всех когда-то знаменитых, теперь забытых художников слова, но, как известно: нет ничего нового под луной – все всё когда-то слышали (это к тому, что идеи витают в воздухе). Да в том то и дело, что они не забыты. Другое – как надо было перерабатывать себя, чтобы понять, что "Собачье сердце", присланное мне из Ленинграда подружкой, перепечатавшей всю повесть на ужасно плохой машинке, не миф, не пасквиль, а гениальное литературное произведение... Идеология – дело страшное и надо быть первобытным (читай – самобытным), чтобы суметь не поддаться ей. Но поэты!.. Они поддаются?.. О волнах, о ритмах.

Тот спад интереса к литературе, который последовал за перестроечными годами, вызван ещё и технологическими инновациями. Думать, мыслить трудно, а, вот, кнопки нажимать легко и приятно. С эпохой компьютеров уменьшилось число самостоятельно думающих людей, зато увеличилось возможности делать из людей роботов...

Нам трудно согласиться стать почвой для других, может быть не самых лучших особей в этой вселенной. Но согласиться надо, то есть надо принять этот порядок вещей, да, один уходит, другой приходит. Рано, поздно, но приходит. И, кстати, если приходит раньше времени своего, ему же хуже – не понят никем (М.Ю. Лермонтов). И, вот, в японской поэзии, а это всё от менталитета нации, очень хорошо видны эти мотивы, то есть, повторяю, безумная любовь к жизни, понимание того, что самое лучшее золото это я и мой народ – нация, и философичная грусть по поводу того, что все мы уйдём...

Но останется витать в воздухе мысль заданная... Останется и поэт, который, как Бог, творит из ничего...



---

## Литература

1. Астон В.Г. "История японской литературы". Перевод с английского. Книги I-V. Издание Восточного института. Владивосток, 1904.
2. Астон В.Г.. "История японской литературы". Перевод с английского. Книги VI-VII. Издание Восточного института. Владивосток, 1904.
3. Божественный ветер: [сб.] М.: АСТ: Ермак, 2005. 653 с.
4. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 208 с.
5. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане Смоленск: Русич, 2001. 528
6. Ларичев В.Е. Прозрение.: рассказы археолога о первобыт. искусстве и религиоз. верованиях / В. Е. Ларичев. М. : Политиздат, 1990. 222
7. Можейко. 1185 год. Восток-Запад. М.: Наука. 1989. 524 с.
8. Сапелкин А.А. Рассказы о языках для будущих полиглотов. Владивосток. Комсомолка ДВ. 2004. 147 с.
9. Соколова-Делюсина Т. От сердца к сердцу сквозь столетия. С. 5-42. // Японская поэзия. С-П.; "Северо-Запад". 1997. 662 с.
10. Соколова-Делюсина Т. Странствия в поисках поэзии. С. 5-26. // Мацуо Басё. Избранная проза. С-П.; Гиперион. 2000. 288 с.
11. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=DEkqLqnuMq4> [Дата обращения: 22.11.2009 г.]



*Соловьёва Е.В.*

## **Культурное взаимодействие России и Китая на современном этапе развития: обзор политико-правовых документов**

**Cultural interaction of Russia and China at the development present stage:  
the review of politiko-legal documents**

Актуальность исследованию как существующих, так и возможных вариантов культурного взаимодействия России и Китая придает ряд недавних событий, связанных с укреплением этого аспекта двусторонних связей согласно плану реализации "Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве" [1]. Совместное проведение года России в Китае, года Китая в России, заключение договоров, коммюнике, охватывающих все сферы сотрудничества, в том числе и гуманитарного, заметно повлияло на взаимодействующие общества, и отразилось на интересах обоих государств.

Проблемы глобализации, затрагивающие все сферы сотрудничества, выделили область культурных связей в важную составляющую взаимодействия государств. Качественно новый, высокий уровень взаимоотношений практически невозможен без культурного сотрудничества.

16 июля 2001 года был подписан "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве" между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, который явился результатом совместных усилий двух государств и имеет очень важное значение для продолжения развития российско-китайских отношений в их долгосрочной перспективе. Договор обобщил достижения, полученные в различных сферах сотрудничества между Россией и Китаем за 10 лет (с 1992 года).

"Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве" между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой четко закрепил статус двусторонних отношений как "равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения, суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования равноправных и доверительных отношений стратегического партнерства и взаимодействия" [1].

14 октября 2004 года Президентом В.В. Путиным и Председателем Ху Цзиньтао в Пекине был утвержден План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [6]. План подробно описывает конкретные действия по реализации договора во всех областях взаимодействия, среди которых гуманитарное сотрудничество, включающее сотрудничество в области образования и сотрудни-

чество в области культуры.

Наиболее важными аспектами в области образования являются: оказание взаимной поддержки обучению китайскому и русскому языкам; содействие работе центров китайского и русского языков; разработка рабочих планов сотрудничества в области образования; создание совместных аспирантур; организация ежегодного отдыха учеников в оздоровительных лагерях; организация проведения выставок образовательных услуг российских и китайских высших учебных заведений; создание Интернет-порталов об образовательных услугах высших учебных заведений России на китайском языке и вузов Китая на русском языке.

Наиболее значимыми аспектами в области культуры в данном документе определяются следующие: развитие культурных обменов и сотрудничества Сторон; укрепление сотрудничества в области теле-, радиовещания и кинематографии, на регулярной основе поочередно проводить месяцы культуры, недели культуры и т.д.; заключение соглашения об учреждении культурных центров в России и Китае; проведение совместных культурных мероприятий; развитие сотрудничества в области изобразительного искусства; изучение вопроса об организации российского телевизионного спутникового канала для китайских телезрителей и китайского для русских телезрителей.

18 декабря 1992 г. в Пекине Правительства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, для дальнейшего развития дружественных отношений между российским и китайским народами и укрепления культурного сотрудничества между двумя странами заключили соглашение о культурном сотрудничестве [13], охватывающее такие области, как: искусство, общественные науки, печать, издательское дело, радиовещание, телевидение, кинематография. Этот документ является начальным в развитии культурного взаимодействия России и Китая.

Опираясь на положительный опыт, накопленный в культурных и научных связях между двумя странами, Правительства Российской Федерации и Китайской Народной Республики выработали План культурного сотрудничества на 1997 – 1998 гг. [7]. В план входят обмены в области науки и образования, культуры и искусства, кинематографии, средств массовой информации и книгоиздания, спортивные, молодежные, женские и туристические обмены, а также обмены на региональном уровне.

В соответствии с договоренностью Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики на встрече в г. Пекине (КНР) 18 июля 2000 г. об активизации взаимодействия в социально-гуманитарной сфере и решением, принятым на пятой регулярной встрече глав правительств Российской Федерации и Китайской Народной Республики в г. Пекине 3-4 ноября 2000 г. была создана Российско-Китайская Межправительственная Комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта [2].

Комиссия была создана в целях стимулирования полномасштабного российско-китайского культурного взаимодействия в рамках механизма регулярных встреч глав правительств двух стран, ею были выработаны конкретные планы по расширению и углублению кооперации двух стран в гуманитарных областях [3].

Начиная с 1991 года, после того, как Китайская Народная Республика признала Российскую Федерацию правопреемницей СССР, по итогам официальных визитов главы двух государств подписали ряд документов: Совместная Декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР 18 декабря 1992 года; Совместная российско-китайская декларация 3 сентября 1994 года; Совместная российско-китайская деклара-

ция 25 апреля 1996 года; Российско-Китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка 23 апреля 1997 года; Совместная декларация "Россия и Китай накануне XXI века" 24 ноября 1998 года; Совместная декларация РФ и КНР 25 апреля 2000 года; Пекинская декларация 18 июля 2000 года; Совместная российско-китайская декларация 2 декабря 2002 года; Совместная декларация РФ и КНР 27 мая 2003; Совместная декларация РФ и КНР 14 октября 2004 года; Российско-китайская Декларация об углублении стратегического взаимодействия на международной арене 1 июля 2005 года; Совместная декларация РФ и КНР 21 марта 2006 года; Совместная декларация РФ и КНР 21 марта 2007 года; Совместная декларация РФ и КНР по основным международным вопросам 23 мая 2008 года [8]. Каждая декларация является документальным подтверждением цели встреч на высшем уровне, однако не оставляет без внимания нацеленность на наращивание и углубление российско-китайских связей и контактов во всех сферах взаимодействия.

Культурному взаимодействию как важной части интенсивного развития двустороннего сотрудничества особое внимание уделено в Совместных декларациях РФ и КНР 2005, 2006 и 2007 гг. Политика двух государств направлена на сохранение многообразия мировых культур и цивилизаций "во имя совместного продвижения на пути прогресса" [9]. Главы РФ и КНР подчеркивают необходимость усиления роли обменов в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации и архивного дела для формирования доверительных взаимоотношений между государствами, а также необходимость укрепления социальной базы российско-китайских отношений.

22-25 ноября 1998 г. по приглашению Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина Председатель Китайской Народной Республики Цзянь Цзэминь совершил визит в Россию. 23 ноября была успешно проведена первая российско-китайская неформальная встреча на высшем уровне. Она подтвердила, что благодаря регулярным контактам между руководителями двух стран взаимопонимание и доверие Сторон вышли на качественно новый уровень. На встрече были выработаны согласованные подходы к оценке основных тенденций развития мирового сообщества на пороге XXI века, единое понимание в отношении долгосрочных перспектив дальнейшего укрепления равноправного доверительного двустороннего сотрудничества, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке [10, с. 6-7].

Помимо совместных деклараций, являющихся документальным подтверждением встреч глав государств РФ и КНР, существуют еще совместные коммюнике: Совместное российско-китайское коммюнике 17 февраля 1998 года [12, с. 30-31]; Совместное коммюнике по итогам пятой регулярной встречи глав правительств России и Китая 3 ноября 2000 года; Совместное коммюнике по итогам восьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая 24 сентября 2003 года; Совместное коммюнике по итогам десятой регулярной встречи глав правительств России и Китая 3 ноября 2005 года; Совместное коммюнике по итогам 13-й регулярной встречи глав правительств России и Китая 28 октября 2008 года [11], принятые в результате регулярных встреч глав правительств РФ и КНР. Главные вопросы обсуждения, такие, как укрепление стратегического взаимодействия, углубление сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной областях, а также по крупным международным и региональным проблемам выдвигаются на первый план. В ныне действующем коммюнике 28 октября 2008 года дается высокая оценка деятельности Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, а также отмечается готовность к проведению на регулярной

основе мероприятий Национальных годов России и Китая, выполнению Плана мероприятий по проведению в 2009 году Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России в 2010 году.

Стоит также отметить работу МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами [5, с. 56-61]. Четко определены основные направления работы МИД России по обеспечению участия внешнеполитического ведомства в формировании культурного сотрудничества России с зарубежными странами в целях реализации Концепции внешней политики Российской Федерации [4, с. 3-11], представляющей собой "систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России" [4, с. 3-11]. В реализации же внешнеполитической стратегии России особая роль принадлежит культуре.

В настоящее время, авторитет российского государства зависит не только от его политического веса в мире и от экономических ресурсов, которыми оно обладает, но и от умения развивать культуру своей нации как часть глобального культурно-исторического наследия человечества. Одним из наиболее значимых направлений является приобретающее все большие масштабы сотрудничество с Китаем в области культуры, как одной из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Таким образом, важность осуществления культурной политики понимают главы государств и правительств России и Китая. Эта сфера сотрудничества отражена в основных межправительственных и межгосударственных документах, регламентирующих взаимодействие двух стран, которые приведены в данной работе. Однако ощущается проблема нехватки правовой базы, непосредственно касающейся культурного взаимодействия между РФ и КНР, и отражающей современное состояние и пути решения существующих проблем в этой области. Данная проблема требует более комплексного подхода со стороны правительств обеих стран дальнейшего изучения исследователями.



---

## Литература

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 20 марта 2009 // URL: <http://www.rg.ru/2001/07/17/dogovor.html>

2. Дополнительный протокол от 5 декабря 2000 г. к "Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая" от 27 июня 1997 г. о создании Российско-китайской Межправительственной Комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта // URL: <http://www.novostroy.ru/law/direct.php?num=2460865&id=3&sort=num2&type=gov> (с изменениями от 13 июля 2007 г. // URL: [http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow\\_DocumID\\_133101.html](http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_133101.html))

3. Информационные материалы к заседанию Российско-китайской Межправительственной Комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта // URL: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f43256bf90029f30a?OpenDocument>

4. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник 2001, № 5. С. 3-11.

5. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Дипломатический вестник. 2001, № 5. С. 56-61.

6. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/10/78193.shtml>

7. План культурного сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики на 1997–1998 гг. // URL: [http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow\\_DocumID\\_51977.html](http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_51977.html)

8. Совместная Декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР 18 декабря 1992 года; Совместная российско-китайская декларация 3 сентября 1994 года; Совместная российско-китайская декларация 25 апреля 1996 года; Российско-Китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка 23 апреля 1997 года; Совместная декларация "Россия и Китай накануне XXI века" 24 ноября 1998 года; Совместная декларация РФ и КНР 25 апреля 2000 года; Пекинская декларация 18 июля 2000 года; Совместная российско-китайская декларация 2 декабря 2002 года; Совместная декларация РФ и КНР 27 мая 2003; Совместная декларация РФ и КНР 14 октября 2004 года; Российско-китайская Декларация об углублении стратегического взаимодействия на международной арене 1 июля 2005 года; Совместная декларация РФ и КНР 21 марта 2006 года; Совместная декларация РФ и КНР 21 марта 2007 года; Совместная декларация РФ и КНР по основным международным вопросам 23 мая 2008 года // Официальный сайт Президента РФ. // URL: <http://www.kremlin.ru>

9. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке // Официальный сайт Президента РФ. // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/07/90623.shtml>

10. Совместное информационное коммюнике о неформальной встрече президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя // Дипломатический вестник. 1998. № 12. С. 6-7.

11. Совместное коммюнике по итогам пятой регулярной встречи глав правительств России и Китая 3 ноября 2000 года; Совместное коммюнике по итогам восьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая 24 сентября 2003 года; Совместное коммюнике по итогам десятой регулярной встречи глав правительств России и Китая 3 ноября 2005 года; Совместное коммюнике по итогам 13-й регулярной встречи глав правительств России и Китая 28 октября 2008 года // Официальный сайт Посольства России в Китае. // URL: <http://www.russia.org.cn>

12. Совместное российско-китайское коммюнике 17 февраля 1998 года // Дипломатический вестник. 1998, № 3. С. 30-31.

13. Соглашение между правительством РФ и правительством КНР о культурном сотрудничестве от 18.12.1992 // URL: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=9506>

*Белоглазов Г.П.*

### **Новая книга по истории китайцев в России<sup>1</sup>**

Интерес исследователей к социальным, межэтническим проблемам, роли мигрантов в обществе, особенно на российском Дальнем Востоке, вполне закономерен.

Восприятие россиянами Китая и китайцев, деятельность китайцев в России уже сами по себе привлекают интерес. В то же время изучение этих вопросов позволяет, во-первых, проследить историю заселения китайскими мигрантами юга Дальнего Востока и проживания их здесь; во-вторых, помогает прояснить некоторые эпизоды взаимоотношений между Россией и Китаем за достаточно долгий исторический период; в-третьих, дает возможность выработать оптимальную стратегию отношений нашей страны с ближайшим соседом, как на государственном уровне, так и во взаимоотношениях местного населения на трансграничных территориях двух стран на основе опыта прошедших лет.

В настоящее время, когда активные миграции китайцев стали существенным фактором развития Дальнего Востока России, комплексное исследование опыта и современного состояния российско-китайских межгосударственных и региональных миграционных процессов на Дальнем Востоке вполне оправдано, имеет научную и практическую значимость.

Истории экономических, политических, культурных и других гуманитарных связей Китая и китайцев с Россией и россиянами на разных этапах их взаимодействия посвящен ряд исследований отечественных авторов (см., например, работы С.Л. Тихвинского, Ф.В. Соловьева, В.Л. Ларина, А.Г. Ларина, А.И. Петрова и др.).

Работа О.В. Залеской<sup>2</sup> продолжает традиции отечественного востоковедения в изучении Китая и истории китайцев в России. Исследовательница написала книгу о малоизученной странице истории китайской миграции в дальневосточном регионе России – социально-экономической

---

<sup>1</sup> Материал подготовлен при поддержке грантов: РГНФ, проект № 07-01-02013а по теме "Эволюция представлений о России и россиянах в Китае: история на фоне современности" (Рук. В.Л. Ларин); ДВО РАН, проект № 09-П-СО11-0011 по теме "Миграционные процессы в азиатской России" (Рук. А.С. Ващук)

<sup>2</sup> Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 381 с.

деятельности жизни китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в 1917-1938 гг.

Монография О.В. Залесской позволяет понять сложную социально-экономическую обстановку в приграничной зоне российского и китайского Дальнего Востока, а также сам процесс эволюции миграционной политики российских (советских) властей как на государственном, так и региональном уровнях в этапный период истории взаимоотношений наших стран – 1917-1938 гг.

Структура работы, включающая три главы, введение, заключение, список использованной литературы и приложения, традиционна и отвечает целям и задачам исследования. Содержание глав и параграфов отражает все основные аспекты и особенности китайской миграции в драматический период истории пребывания китайцев в дальневосточном регионе России.

В первой главе автор определила перемещение китайского населения как микромиграции, в истории которых всесторонне показаны особенности пребывания китайских мигрантов на российской территории. Дан краткий обзор положения китайских подданных на российском Дальнем Востоке до 1917 г., приведена общая концепция советской национальной политики и особенности её реализации в отношении китайских мигрантов в исследуемый период.

Авторская трактовка участия китайцев в гражданской войне на территории российского Дальнего Востока отмечает их активное участие в партизанском движении на Дальнем Востоке и Забайкалье, в регулярных частях Красной Армии. По некоторым данным в Красной Армии в годы гражданской войны насчитывалось 30-40 тыс. китайцев. Автор книги указывает и на факт участия китайских войск в интервенции на российском Дальнем Востоке. Согласно заявлению правительства Дуань Цижуня, эта мера была якобы вызвана "необходимостью защиты интересов китайских предпринимателей на территории России". О. Залеская приводит характерные для современного состояния российско-китайских отношений высказывания историков Тянь Баого, Ли Цзягу, Линь Цзюня, которые не отрицая факта участия китайских воинских формирований в интервенции, характеризуют его как эпизод, не имевший отрицательных последствий для дальнейшего развития советско-китайских связей. Китайские авторы указывают на "незначительность", "умеренность" действий войск пекинского правительства на российской территории, но не дают при этом точных цифр о численности воинских соединений. Они отмечают лишь факт их присутствия на российской Дальнем Востоке в "малом количестве". Между тем, по подсчетам О.В. Залесской, гарнизонные китайские войска насчитывали более 11,5 тыс. чел. Они располагались во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, а также на территории Забайкалья, где участвовали в боях против частей Красной Армии (стр.100).

Вторая глава монографии посвящена жизни и деятельности гражданского китайского населения на Дальнем Востоке в условиях реализации советской национальной политики. Анализируются различные аспекты этой политики: культурно-просветительская работа среди китайской диаспоры, внедрение советской системы образования, становления кооперативного, профсоюзного и стахановского движения в среде китайских трудящихся.

Наиболее насыщенной, на наш взгляд, фактическим материалом, новыми научными сведениями, статистическими данными и архивными материалами является третья глава книги, в которой исследованы хозяйственная деятельность и социальное положение китайских мигрантов в условиях восстановительного периода в СССР, а также в пери-

од индустриализации и коллективизации советского Дальнего Востока. Автору удалось довольно ярко описать событийную сторону, отражающую положение китайской диаспоры до- и в период советско-китайского конфликта 1929 г. Ухудшение межгосударственных советско-китайских отношений в это время непосредственно сказалось на социально-экономической обстановке в дальневосточном регионе. Значительным изменениям подверглись условия жизни и деятельности китайских мигрантов. Нестабильная ситуация в дальневосточном регионе подтолкнула высшие руководящие органы СССР, в частности НКВД СССР, к выводам о том, что "стихийное" заселение Дальнего Востока китайцами и корейцами представляет "серьезную опасность", в результате чего было решено "принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию" (из пограничных районов Маньчжурии и Кореи – Г.Б.). В этот период начинались массовые аресты китайских мигрантов, подозреваемых в шпионаже и распространении оппозиционных документов в основном среди "неблагонадежных студентов и "правых гоминьдановцев" (стр. 254). Во время конфликта 1929 г., по мнению автора книги, советское правительство отдало распоряжение заморозить все счета китайских коммерсантов, находившихся на советском Дальнем Востоке, и началось принудительное выселение китайских предпринимателей на родину (стр. 258).

О. Залеская совершенно справедливо заключает, что конфликт на КВЖД 1929 г. стал значимой вехой в истории российско-китайских отношений, и не может считаться событием только местного значения. Количественный и качественный состав китайской диаспоры в этот период подвергся необратимой трансформации. Дальнейшее обострение международной обстановки окончательно укрепило советское руководство во мнении выбрать приоритетным направлением обеспечение безопасности государства. Китайские мигранты на Дальнем Востоке были подвергнуты масштабным репрессиям, в результате которых более не играли какой-либо роли в социально-экономической жизни Дальнего Востока СССР (стр. 291).

Роль китайской диаспоры в социально-экономическом развитии дальневосточных территорий нашей страны и опыт её использования в интересах России, взятая О.В. Залеской в качестве темы монографического исследования, раскрыта автором полно, основательно и убедительно.

Стоит добавить также, что большой научный интерес для историков-востоковедов могут представлять и введенные автором в научный оборот ранее не использовавшиеся в отечественной науке архивные материалы и источники на китайском языке. Использование таких источников, несомненно, повышает информационную ценность данного исследования

Изучение и обобщение исторического опыта по комплексу политических и дипломатических проблем межгосударственных отношений России и Китая в АТР, являющимся зоной стратегических интересов России, остается актуальным и в наше время. В этом контексте, исследование как мало изученных, так и новых аспектов истории межгосударственных китайско-российских отношений, предпринятое О.В. Залеской, имеет несомненную научную и практическую значимость. Ныне, когда растущий спрос на самую разнообразную информацию о Китае явно опережает предложение, книга О.В. Залеской вносит значительный вклад в создание информационного банка по этому вопросу.



*Литошенко Д.А.*

**Terra incognita.  
Хроника жизни научного сообщества  
тихоокеанской России**

**Очерк восьмой.**

**Дао Тихоокеанского государственного экономического университета.**

Всякий, кто, бывая во Владивостоке или живя здесь постоянно, хоть раз предпринимал недолгое по времени и не длительное в пространственном измерении путешествие вниз, или, наоборот, вверх по Океанскому проспекту, мог видеть на "фрунзенской" его стороне комплекс зданий, принадлежащих ГОУ ВПО "Тихоокеанский государственный экономический университет". Однако, несмотря на выгодное во всех отношениях расположение в самом сердце исторического центра культурной столицы юга Дальнего Востока России, тем не менее, на интеллектуальной карте региона бывшая "кузница кадров для советской торговли" и до настоящего времени остается "землей неизвестной". И такое впечатление складывается вовсе не от скудости научной жизни вуза, а исключительно в силу его самодостаточности... Стремясь к восстановлению исторической справедливости, в рамках настоящего очерка мы обратимся к рассмотрению реалий бытования именно Тихоокеанского государственного экономического университета. Позволим себе оговориться: в рамках настоящего очерка нас будет интересовать не вся научная жизнь данного вуза, напротив – наше внимание будет сосредоточено на той её части, содержание которой определяется интересом к регионоведческой проблематике.

И опять, позволим себе посетовать на крайнюю ограниченность информационной базы предприняемого нами исследования. Не будем скрывать, что основу информационной базы составили материалы, размещенные в пространстве официального веб-сайта университета [3; 4] и ряда его дочерних веб-сайтов [2]. Справедливости ради следует отметить, что обновления содержания материалов веб-сайта университета не отличаются оперативностью. По имеющимся у автора сведениям,

информация о структуре университета и наименовании его отдельных подразделений отражает реальность, актуальную для первой половины текущего года, что и нашло отражение в наших дальнейших рассуждениях. Поэтому заранее приносим извинения за возможные неточности и наперед принимаем все замечания по этому поводу со стороны потенциальных критиков, которые непременно явят себя, случись этому очерку обрести внимательного и заинтересованного читателя.

Итак, история Тихоокеанского государственного экономического университета берет начало в декабре 1964 г., когда был образован Владивостокский филиал Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, на который была возложена миссия подготовки специалистов экономического, как бы об этом было сказано ныне, профиля для предприятий и учреждений соответствующих народно-хозяйственных отраслей региона. Этот факт, позволяет официальной историографии университета признавать его старейшим экономическим вузом не только Приморья [6], но и всего Дальнего Востока [3]. Но уже в апреле 1968 г. постановлением правительства Советского Союза Владивостокский филиал МИНХ им. Г.В. Плеханова был преобразован в самостоятельный институт – Дальневосточный институт советской торговли (ДВИСТ).

Вихри радикальной либерализации начала 90-х гг. XX в. не прошли стороной старейшую экономическую *Alma mater* российского Дальнего Востока, но, в отличие от всего отечественного общества, коллизии "эпохи дикого рынка", или форсированного (обвального) "орыночивания" имели для университета, в целом, позитивные последствия. В 1991 году вуз пережил очередное переименование, в результате которого им было получено новое название – Дальневосточный коммерческий институт (ДВКИ).

Вторая половина 90-х гг. ознаменовалась относительной стабилизацией ситуации в новой, демократической России, эмансипацией институтов достигшей известной степени зрелости отечественной экономики рыночного образца, что обозначило новые горизонты для учреждений высшего профессионального образования, обеспечивающих подготовку высоко квалифицированных специалистов, необходимых для их эффективного функционирования. Столь глубокие и значительные трансформации затронули и старейший экономический вуз региона, который в 1996 г. получил статус академии и новое название – Дальневосточная государственная академия экономики и управления (ДВГАЭУ).

Отправной вехой новейшего периода истории вуза явился 2004 г., в котором, в знак признания обществом и государством выдающихся заслуг и как закономерный результат кропотливого труда всего вузовского коллектива, экономическая *Alma mater* региона обрела университетский статус и нынешнее свое наименование – Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ) [6].

Первый ректор нынешнего ТГЭУ – Н.И. Салазко, руководивший им с июля 1968 г. по май 1970 г., в научной области специализировался на истории развития социалистической экономики Приморья, некоторых вопросах оказания помощи сельскому хозяйству. Именно первым ректором вуза была заложена традиция комплексных экономических исследований региона, отличающая научную работу университета и в настоящее время. Именно здесь берет начало путь дальнейшего стратегического развития вуза – истинное дао ТГЭУ в том его виде, в каком оно известно в настоящее время. Ректор Н.И. Салазко проявлял исключительное внимание к воспитанию молодых преподавательских кадров, передавал им свои знания, многолетний учебно-методический опыт. При его непосредственном участии и помощи многие преподаватели института были направлены в аспирантуру и на стажировки в вузы Москвы.

Ректор всемерно создавал самые благоприятные условия для роста квалификации, защиты диссертаций преподавателями института [9].

Наследниками традиций, заложенных предыдущими поколениями руководителями вуза, выступают нынешние члены ректората университета. Команду высшего менеджмента университета возглавляет ректор – доктор экономических наук, профессор Виктор Григорьевич Белкин. В научной области действующий ректор университета занимается проблемами отечественной и зарубежной теории и практики взаимодействия государства и экономики XIX – XX вв. Профессор В.Г. Белкин ведет большую научно-организационную работу в городе и крае, являясь членом Головных советов научно-технических программ "Дальний Восток России", "Сертификация", председателем диссертационного совета ДМ 212.054.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (экономические науки), главным редактором научного и общественно-публицистического журнала "Вестник ТГЭУ" [11].

Вообще то, даже самого беглого взгляда на перечень представителей высшего менеджмента ТГЭУ, достаточно для того, чтобы прийти к умозаключению о том, что этот вуз, безусловно, является наиболее наукоемким из всех образовательных учреждений высшего профессионального образования, действующих во Владивостоке. По имеющимся у автора сведениям большинство университетов губернского города обходится одним проректором по научной работе, изредка в отдельное направление, возглавляемое соответствующим заместителем ректора, выделяется инновационная деятельность. В ТГЭУ пошла собственным, самобытным путем – здесь научно-инновационный блок возглавляется сразу тремя проректорами [11].

В настоящее время проректором по научно-исследовательской работе является доктор экономических наук, профессор Юрий Давыдович Шмидт. В область научных интересов профессора Ю.Д. Шмидта входит моделирование экономических процессов, экономика продовольственного комплекса, региональная экономика. Результатом многолетних исследований и научно-педагогической работы ученого явились более 60 научных и научно-методических работ, в том числе 3 монографии.

Проректор по научно-исследовательской работе ТГЭУ, профессор Ю.Д. Шмидт непосредственно координирует научно-исследовательскую работу в структурных подразделениях и в университете в целом, в том числе научно-исследовательскую работу студентов (НИРС). Помимо того, он курирует вопросы подготовки, переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров университета, работу аспирантуры и докторантуры, издательства университета, вопросы международного сотрудничества.

Научно-технические программы университета находятся в ведении проректора ТГЭУ, кандидата физико-математических наук, доктора химических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Юрия Владимировича Бабина. Проректор по научно-техническим программам ТГЭУ, профессор Ю.В. Бабин "отвечает за организацию фундаментальных и прикладных научных исследований. Координирует научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, финансируемые за счет бюджетных средств министерств и ведомств, а также региональных, федеральных и местных органов управления; собственных средств предприятий, учреждений и организаций. Организует подготовку конкурсных заявок на выполнение НИОКР. Осуществляет общее руководство и контроль за ходом выполнения НИОКР. Организует работу подразделений Научно-исследовательского института экономических исследований и наукоемких технологий ТГЭУ, координирует взаимодействие НИИ ЭИИТ с ин-

ститутами, кафедрами и производственными подразделениями ТГЭУ, планирует и осуществляет мероприятия по повышению квалификации и обеспечению профессионального роста работников НИИ ЭИНТ"[11].

Замыкает когорту высших руководителей вузовской науки в ТГЭУ проректор по инновационной работе, директор института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, кандидат технических наук, доцент, профессор Академии Естествознания Вадим Алексеевич Юрченко. Научный интерес доцента В.А. Юрченко лежит в области исследования методов контроля и диагностики в машиностроении, физико-механических свойств льда и анализа ледовой обстановки в заливе Петра Великого и Амурском заливе, а также разработке инновационных проектов в области высшего и дополнительного профессионального образования. Проректор по инновационной работе ТГЭУ, доцент В.А. Юрченко координирует работу в области разработки и внедрения системы менеджмента качества в соответствии со стандартами серии ISO 9001:2000, дополнительного, в том числе профессионального образования, инновационной, информационно-рекламной деятельности университета и его структурных подразделений, закупок для государственных нужд, развития и использования компьютерной техники и технологий, в том числе компьютерных сетей, платных дополнительных образовательных услуг для студентов университета, специалистов предприятий, организаций и учреждений. Кроме того, проректор по инновационной работе университета курирует работу отдела управления качеством, отдела маркетинга и рекламы, центра информационных и образовательных технологий, отдела государственных закупок, института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, факультета повышения квалификации преподавателей высших и средних специальных учебных заведений [11].

Таким образом, со всей уверенностью можно вести речь о том, что на уровне высшего менеджмента в Тихоокеанском государственном экономическом университете создана модель управления, охватывающая ключевые этапы производства современного научного интеллектуального продукта: от производства научного знания – через инновационную трансформацию – к наукоемкому производству и экономике знаний. Наличие у рассматриваемого вуза подобного атрибута свидетельствует о значительной прогрессивности и перспективности избранного университетом пути стратегического развития, об истинности его дао.

Однако истинное дао ТГЭУ воплотилось не только в изолированной и отдельной модели высшего менеджмента. Помимо того оно нашло отражение в "священном тексте" вузовской системы менеджмента качества – Миссии университета. В тексте этого памятника стратегической управленческой мысли ТГЭУ декларирует себя в качестве исследовательского университета, руководствующегося интересами российского народа и государства, использующего передовые достижения науки, техники и технологии, опирающегося на гуманитарные принципы и общечеловеческие ценности, провозглашенные ООН, считающего своим предназначением подготовку высококвалифицированных специалистов всех образовательных уровней, научных, педагогических и управленческих кадров, конкурентоспособных на рынке труда [7]. От себя заметим, что упоминание декларативных заявлений ООН, представляется весьма показательным, ибо компоненты знаково-символической сферы корпоративной культуры ТГЭУ несет на себе отпечаток общей специфики этой международной организации. Помимо принципов политики университета в области качества в документе указаны критерии оценки её эффективности, среди которых, наряду с другими, называется конкурентоспособность научно-технической продукции на рынке научных

разработок [7].

Помимо управленческой инфраструктуры высшего административного уровня и исполненной правдой жизни "священного текста" системы менеджмента качества в ТГЭУ создан сбалансированный и эффективный научно-производственный комплекс, охватывающий не только учебные, научно-исследовательские, экспертные, но и производственные подразделения [8]. Благодаря сбалансированной и эффективной организации научно-производственной структуры университета в ТГЭУ созданы условия для глубокой и всесторонней интеграции вузовской науки и инновационного производства.

На фоне явных успехов в управлении научно-инновационной деятельностью и неоспоримых достижений в научно-производственной работе, особое любопытство вызывает регионоведческий компонент научно-исследовательской и научно-образовательной деятельности университета. Благо, как было показано выше, экономические исследования региона имеют в ТГЭУ давние и прочные традиции, без преувеличения можно сказать, что эти исследования стали уже частью истинного дао вуза. Удовлетворить данное любопытство можно обратившись к перечню НИОКР, выполненных кафедрами и подразделениями ТГЭУ. По данным, содержащимся в названном документе, явствует, что за период с 2000 по 2005 гг. в университете были выполнены 56 НИОКР [10], 23 из которых, в разной степени имеют регионоведческую направленность. Отбросив чисто технические темы, а так же разработки, посвященные отдельным субъектам хозяйственной деятельности региона и те, в названии которых регион напрямую не указан, хотя они и выполнены на региональном материале, получаем 20 тематических НИОКР. Среди данных НИОКР следует упомянуть исследования региональных рынков различных групп товаров и услуг под научным руководством доктора экономических наук, профессора Ю.Д. Шмидта, исследования по географической организации туристических ресурсов Приморского края и интеграционным процессам в области туризма и гостинично-ресторанного обслуживания между российским Дальним Востоком и провинциями Северо-восточного Китая под научным руководством ведущих научно-педагогических работников университета. Изучение тематики выполненных в 2000 – 2005 гг. регионоведческих НИОКР убеждает в реальном следовании принципам и критериям, заявленным в Миссии ТГЭУ.

Последние сомнения в неотступном следовании ТГЭУ своему истинному дао в области научных исследований окончательно исчезают после знакомства с тематикой публикаций, содержащихся на страницах научного и общественно-публицистического журнала "Вестник ТГЭУ", свежие номера которого выходят в свет один раз в квартал. Со времени своего основания в 1996 году "Вестник ТГЭУ" с готовностью предоставляет страницы своих номеров для опубликования статей по экономической теории, отраслевой и региональной экономике, вопросам финансов, качества образования, маркетингу, менеджменту, пищевым технологиям, математическому моделированию, экологии, психологии, политологии, философии, истории, культуре, рецензий [1].

Доброй традицией, ещё одним проявлением дао университета, стала публикация на страницах номеров "Вестника ТГЭУ" статей теми учеными, кандидатские и докторские диссертации, которых были защищены в диссертационных советах университета, благо в рассматриваемый период истории в ТГЭУ действовали два совета по защите диссертации на соискание ученых степеней доктора наук:

1) Диссертационный совет ДМ 212.054.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по специальностям 08.00.05 – "Экономика и управление народным хозяйством: региональ-

ная экономика; экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (промышленность; сфера услуг; АПК и сельское хозяйство)" (экономические науки); 08.00.10 – "Финансы, денежное обращение и кредит" (экономические науки); 08.00.13 – "Математические и инструментальные методы экономики" (экономические науки). Состав диссертационного совета – 24 человека. В 2003 – 2006 гг. в совете было защищено 33 диссертации.

2) Диссертационный совет ДМ 212.054.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по специальностям 05.18.07 – "Биотехнология пищевых продуктов (растительного и животного происхождения)" (технические науки); 05.18.15 – "Товароведение пищевых продуктов и технология продуктов общественного питания" (технические науки). Состав диссертационного совета – 18 человек.

Итак, подведем итоги очерка. Безусловно, можно с полным основанием утверждать, что научно-образовательная и научно-исследовательская деятельность Тихоокеанского государственного экономического университета отличаются рядом специфических черт: комплексность, экономическая направленность, региональная ориентированность, прагматизм, в совокупности составляющее его интеллектуально-деятельностное кредо – истинное дао, многолетняя верность которому также выступает частью того стратегического пути развития, по которому динамично движется вуз на протяжении всей своей истории. Именно дао ТГЭУ определяет то место, которое занимает вуз в пространстве дальневосточного социогуманитарного регионоведения. Поучительность опыта ТГЭУ, с нашей точки зрения, заключается в том, что им продемонстрирован прекрасный пример того, что достаточно маргинальная для провинциальных научно-образовательных сообществ регионоведческая исследовательская специализация может приобретать подлинно инновационный характер. Инновационная регионоведческая исследовательская идентичность уже стала частью реальности научного пространства высшей школы юга российского Дальнего Востока! Это повод для законной гордости.



---

## Литература

1. Вестник ТГЭУ – Авторам [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.psue.ru/index.php?id=2> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
2. Вестник ТГЭУ – О журнале [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.psue.ru/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
3. Тихоокеанский государственный экономический университет – Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%92%D0%93%D0%90%D0%AD%D0%A3> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
4. ТГЭУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fesaem.ru/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
5. ТГЭУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
6. ТГЭУ / История университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/history/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
7. ТГЭУ / Миссия и Политика Университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/mission/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].

8. ТГЭУ / Научно-производственная структура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fesaem.ru/science/struct.html> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
9. ТГЭУ / Первые лица Университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/history/rectors/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
10. ТГЭУ / Перечень НИОКР, выполненных кафедрами и подразделениями ТГЭУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fesaem.ru/science/svedeniyaonir.html> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].
11. ТГЭУ / Ректорат [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psue.ru/rectorat/> [Дата обращения: 17 октября 2009 г.].

## Сокращения

**ГАЗК** – Государственный архив Забайкальского края

**ГАИО** – Государственный архив Иркутской области

**ГАПК** – Государственный архив Приморского края

**ГАХК** – Государственный архив Хабаровского края

**НАРБ** – Национальный архив республики Бурятия



## Наши авторы

- Белоглазов Геннадий Петрович**, к.и.н., зав. Отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (*г. Владивосток*)
- Бреславец Татьяна Иосифовна**, к.ф.н., профессор кафедры японской филологии Восточного института Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** breslavets2000@mail.ru
- Булипопова Екатерина Валерьевна**, аспирантка кафедры международных отношений Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** aerocat@inbox.ru
- Гайкин Виктор Алексеевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (*г. Владивосток*). **E-mail:** Unara49@mail.ru
- Золотухин Иван Николаевич**, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** zolivnik@mail.ru
- Исаев Александр Александрович**, к.и.н., доцент кафедры истории и философии Тихоокеанского государственного экономического университета. **E-mail:** alex.hist@mail.ru
- Караман Вера Владимировна**, поэтесса, член Союза писателей России. (*г. Владивосток*). **E-mail:** vera\_karaman@mail.primorye.ru
- Кожевников Владимир Васильевич**, к.и.н., профессор кафедры страноведения Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** v.ronin@rambler.ru
- Литошенко Денис Александрович**, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (*г. Владивосток*). **E-mail:** magistr@hist.dvgu.ru
- Михалёва Ирина Владимировна**, старший преподаватель кафедры ГМУ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (филиал в г. Находка). **E-mail:** solomonova\_irina@mail.ru
- Мурзакова Надежда Сергеевна**, аспирант кафедры Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** hopem@rbctmail.ru
- Пустовойт Евгений Валерьевич**, аспирант Восточного института Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** jenyamabui@yahoo.com
- Соловьёва Елена Вадимовна**, аспирант кафедры истории и политологии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского. (*г. Владивосток*). **E-mail:** hochyvpekin@yandex.ru
- Толстогузов Сергей Анатольевич**, Ph.D., преподаватель Хиросимского университета. (*г. Хиросима, Япония*) **E-mail:** sergeytol@w6.dion.ne.jp
- Тригуб Георгий Яковлевич**, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (*г. Владивосток*). **E-mail:** joker1073@rambler.ru
- Фокин Николай Иванович**, к.э.н., профессор кафедры экономики и финансов стран АТР Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*).
- Хованчук Ольга Александровна**, к.и.н., старший преподаватель кафедры страноведения Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*) **E-mail:** komanchister@gmail.com
- Хузиятов Тагир Даутович**, к.э.н., профессор кафедры мировой экономики Дальневосточного государственного университета. (*г. Владивосток*). **E-mail:** tagirkh5@hotmail.com

## Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале за 2006 – 2009 гг.

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
<b><i>Тема номера: Корейцы на российском Дальнем Востоке</i></b>				
Барбенко Я.А.	Отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – первой трети XX вв.	2008	№ 3	17 – 23
Караман В.Н.	Корейские иммигранты и русские официальные власти на российском Дальнем Востоке: динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)	2008	№ 3	24 – 32
Тарасенко Д.Б.	Н.В. Кирилов о российских корейцах начала XX в.	2008	№ 3	33 – 38
Толстых И.Н.	Социально-политические и социально-культурные условия жизни корейской диаспоры в Приморском крае на современном этапе её истории	2008	№ 3	39 – 43
<b><i>Регион номера: США и Канада</i></b>				
Анисимов В.Л.	Роль администрации Восточной Сибири в развитии российско-американских отношений на территории Камчатки в середине XIX века	2009	№ 1	7 – 20
Тихий К.Т.	Проблемы формирования позитивного образа СССР в США в первой половине 1920-х гг.	2009	№ 1	21 – 32
Латушко Ю.В.	"Сирота" на троне	2009	№ 1	33 – 44
Симоненко Е.С.	Канадская политическая элита и англо-бурская война 1899 – 1902 гг.	2009	№ 1	45 – 55
<b><i>Регион номера: Океания</i></b>				
Лебедева А.В.	"Высокие стены" Каролинских островов (вопросы истории и культуры Микронезии)	2009	№ 2	10 – 20
Белков П.Л.	Структура родства тробрианцев. К проблеме построения универсальных схем родства	2009	№ 2	21 – 29
Латушко Ю.В.	Табу	2009	№ 2	30 – 40
Беликов В.И.	Что даёт классификация языков Восточной Полинезии?	2009	№ 2	41 – 51
Козьмин А.В.	Изгнание божества на Таити	2009	№ 2	52 – 55
<b><i>Регион номера: Китай</i></b>				
Рябченко Н.П.	Дружественные связи России и Китая на Дальнем Востоке: история и современность	2009	№ 3	9 – 16
Белоглазов Г.П.	Опыт аграрных преобразований в КНР: земельная реформа в Маньчжурии 1945-1949 гг.	2009	№ 3	17 – 29

Кондратенко Г.В.	30-летие социальных реформ в КНР (1978 – 2008 гг.): реформирование системы занятости и системы социального обеспечения	2009	№ 3	30 – 39
Рябченко О.Н.	Литература Северо-Востока КНР в период реформ	2009	№ 3	40 – 51
Иванов С.А.	Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР	2009	№ 3	52 – 59

#### ***Регион номера: Япония***

Кожевников В.В.	Внешняя политика Японии при правительстве Ю. Хатояма: возможны ли перемены?	2009	№ 4	9 – 15
Толстогузов С.А.	Внешняя политика кабинета Хатояма и идея Восточноазиатского сообщества	2009	№ 4	16 – 23
Хузиятов Т.Д.	Глобальная и региональная экономическая стратегия Японии	2009	№ 4	24 – 29
Фокин Н.И.	Японская ловушка. Где выход?	2009	№ 4	30 – 36
Гайкин В.А.	Корейская диаспора в Маньчжурии колониальных планах Японии (1910 – 1931 гг.)	2009	№ 4	37 – 43
Пустовойт Е.В.	Деятельность японского правительства по преобразованию княжества Рюкю в префектуру Окинава в 70-х гг. XIX в.	2009	№ 4	44 – 49
Бреславец Т.И.	Послевоенные сочинения Дадзай Осаму	2009	№ 4	50 – 57
Хованчук О.А.	Особенности формирования японского традиционного костюма и эстетического мировоззрения	2009	№ 4	58 – 64

#### ***Теория и методология регионоведческих исследований***

Барбенко Я.А., Киреев А.А.	К методологии изучения взаимодействия регионального хозяйства и природной среды (на примере сельского хозяйства юга Дальнего Востока)	2006, 2007	№ 1, № 1	8 – 15 23 – 41
Беляев Э.	Действительно ли Россия близится к распаду, как предсказывают математики?	2009	№ 2, № 3	56 – 69 60 – 70
Бурлаков В.А.	Развитие геополитики в России: проблемы и перспективы формирования новой методологии изучения межгосударственных отношений	2007	№ 1	6 – 15
Ганопольский М.Г.	Структура расселения Тюменской области как объект социально-пространственного анализа	2007	№ 1	16 – 22
Киреев А.А.	Специфика дальневосточной границы России: теория и история	2009	№ 2	70 – 82
Нефедов С.А.	Теория культурных кругов и проблема влияния монгольского завоевания на формирование российской цивилизации	2008	№ 1, № 2	6 – 25 6 – 25
Чжун Сяньвэй	К изучению культурологии туризма	2008	№ 3	5 – 16

#### ***Природопользование и экономика***

Власов С.А.	Массовое жилищное строительство в Приморском крае (конец 50-х – 1991 гг.)	2007	№ 1	50 – 59
-------------	---	------	-----	---------

Воронцова Н.А.	Землевладение и землепользование по обычному праву у коренных народов Нижнего Амура и Приморья во второй половине XIX – начале XX веков	2007	№ 3	6 – 12
Илларионов А.А.	О роли транспортной системы в развитии российского Дальнего Востока в дооктябрьский период	2006	№ 1	16 – 32
Илларионов А.А.	Взаимодействие государства и бизнеса в развитии дальневосточного транспорта (середина XIX – начало XX в.): российская историография проблемы	2007	№ 2	36 – 45
Наумов Ю.А.	Прогноз экологического состояния залива Петра Великого и других акваторий Дальнего Востока	2007	№ 1	42 – 49
Римская Т.Г.	Рыбная отрасль Дальнего Востока России в период рыночных преобразований второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в.	2007	№ 2	46 – 64
Ставров И.В.	Экономическое развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (80-е годы XX в.)	2007	№ 2	6 – 15
<b><i>Социальные и демографические структуры</i></b>				
Барбенко Я.А.	Размещение крестьянства в Приморской области во второй половине XIX в.	2008	№ 1	26 – 37
Гамерман Е.В.	Дальневосточная преступность в дореволюционный период: исторические и региональные особенности	2007	№ 3	13 – 21
Заколотная А.С.	История изучения переселения на Дальний Восток России в 20 – 60-е гг. XX века	2007	№ 2	65 – 71
Золотухин И.Н.	Филиппинский архипелаг в зеркале этнической ситуации	2009	№ 3	71 – 85
Королева Э.В.	Основные проблемы управления миграционными процессами в Приморском крае	2008	№ 3	44 – 50
Кречетова В.С.	Национальный аспект демографической проблемы КНР	2007	№ 3	46 – 55
Лазарева С.И.	Организация Благотворительного отдела БРЭМ и его роль в оказании помощи нуждающимся эмигрантам в Маньчжурии (30 – 40-е гг. XX в.)	2007	№ 3	37 – 45
Лазарева С.И.	Вклад русских женщин в развитие эмигрантских учебных заведений Маньчжурии в условиях японского оккупационного режима	2008	№ 2	49 – 65
Михаев И.М.	К вопросу об активизации миграционных потоков в Приморье	2007	№ 2	72 – 75
Позняк Т.З.	Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – начало XX в.)	2007	№ 3	22 – 36
Позняк Т.З.	Формирование застройки и благоустройство городов юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.	2008	№ 2	26 – 39

Ткачёва Г.А.	Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941 – 1945 гг.	2007	№ 1	60 – 74
Ткачёва Г.А.	Территориально-отраслевые изменения трудового потенциала Дальнего Востока СССР. 1941 – 1945 гг.	2008	№ 2	66 – 85
Тригуб Г.Я.	Участие городских самоуправлений, благотворительных обществ и частных лиц в развитии системы народного здравоохранения в городах Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX вв.)	2008	№ 2	40 – 48
Тригуб Г.Я.	Общественная и частная благотворительность в городах Забайкалья в сфере народного образования (вторая половина XIX – начало XX в.)	2009	№ 2	81 – 92
Тригуб Г.Я.	Участие городских самоуправлений Забайкальской области в призрении населения (последняя четверть XIX – начало XX в.)	2009	№ 4	65 – 71
<b><i>Культурные и идеологические факторы регионализации</i></b>				
Андреец Г. А.	Культурная деятельность городских кружков и обществ на юге Дальнего Востока (конец XIX – начало XX вв.)	2009	№ 3	86 – 101
Андреец Г.А.	Нравственный и культурный облик дальневосточного офицера (конец XIX – начало XX в.)	2008	№ 2	86 – 96
Артемьева Н.Г.	Происхождение и эволюция традиционной системы отопления (кан и ондолы) народов Дальнего Востока	2008	№ 1	38 – 45
Артемьева Н.Г.	Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей	2009	№ 1	56 – 62
Бабцева И.И.	Развитие музейной сети Приморского края	2007	№ 2	76 – 81
Багрин Е.А.	Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в.	2008	№ 1	46 – 57
Багрин Е.А.	Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке. (по материалам письменных источников)	2009	№ 1 № 2	63 – 76 100 – 109
Гвоздев Р.В.	Образ зверя в воинских искусствах народов Восточной Азии	2009	№ 2	93 – 99
Ерохин А.К.	Толерантность как идеал образования в философии Рабиндраната Тагора	2007	№ 2	16 – 25
Королева Л.А., Королев А.А.	Татары-мусульмане Среднего Поволжья. 1940-е – 1980-е гг.	2009	№ 2	116 – 123
Лазарева С.И., Шпилёва А.Н.	Вклад восточной ветви российской эмиграции в сохранение отечественной культуры (20-30-е гг. XX века)	2009	№ 2	110 – 115
Михалёва И.В.	Этносоциальная и культурная основа российской и южнокорейской демократии	2009	№ 4	72 – 77

Никитина Е.В.	Из истории становления профессионального хореографического образования в Приморье	2008	№ 1	66 – 72
Поповкина С.Г.	Народная медицина и знахарство восточных славян: традиции и новации в условиях Дальнего Востока России	2008	№ 1	58 – 65
Постников В.В.	"Казанская история": к вопросу об идеологических основах восточной политики России	2007	№ 1	75 – 84
Устюгова О.А.	Менталитет дальневосточного купечества во второй половине XIX века	2007	№ 3	56 – 63
Холцленер Т.	Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке	2009	№ 3	102 – 111
<b><i>Политические отношения и управление регионом</i></b>				
Ахапкина Н.Г.	Научно-техническая политика Республики Корея (1948 – 1987 гг.): Концентрация сил на приоритетных направлениях	2009	№ 1	77 – 85
Золотухин И.Н.	Демократизация "по-филиппински": обзор и анализ основных тенденций внутриполитического развития в период с 1998 по 2004 гг.	2007	№ 2	26 – 35
Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е. С.	Принципы реализации колониальной политики правительства в Приморской области рубежа XIX – XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения	2009	№ 3	112 – 120
Исаев А.А.	Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг.	2009	№ 4	78 – 82
Коваленко С.В.	Женское лидерство на Дальнем Востоке в контексте тоталитарной идеологии (20-30-е гг. XX века)	2007	№ 1	85 – 93
Лазарева С.И., Сергеев О.И.	Роль городских дум Дальнего Востока в активизации социальной работы (90-е гг. XIX в. – 1917 г)	2006	№ 1	33 – 43
Лёвушкина А.О.	Электоральное поведение приморских избирателей: специфика и проблемы изучения	2008	№ 1	73 – 81
Паначёва А.С.	Приморский край на электоральной карте Российской Федерации (по выборам в Государственную Думу 1993 – 2003 гг.)	2007	№ 1	94 – 104
Танцура М.С.	Институционализация законодательной власти в Приморском крае	2006	№ 1	55 – 68
Тригуб Г.Я.	Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.)	2006	№ 1	44 – 54
Тригуб Г.Я.	Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в период гражданской войны и интервенции	2007	№ 3	64 – 80
Фисенко А.И.	Тенденции развития и социально-экономические проблемы реализации региональной политики в России	2008	№ 3	51 – 58

## **Событие**

	К президентским выборам в США 4 ноября 2008 г.: интервью с Э. Белевым	2008	№ 3	59 – 69
Золотухин И.Н.	Партийный фактор в политической системе США и Республики Филиппины	2008	№ 3	70 – 88
Армбрустер Т.	Американо-российские отношения	2008	№ 3	89 – 92
	44-й президент США: Барак Хусейн Обама	2008	№ 3	93 – 105

## **Мировая система и межрегиональные отношения**

Булипопова Е.В.	Северная Корея как азиатский «Прометей»: мифология и политтехнология «двойного стандарта»	2009	№ 4	89 – 94
Емешкина М.С.	Взаимодействие России и Китая в области научно-технического сотрудничества: к вопросу об историографии исследования	2009	№ 1	93 – 98
Журбей Е.В.	Разрешение сепессионистских конфликтов посредством политики "европеизации" (на примере Сербии и Черногории)	2006	№ 1	69 – 80
Золотухин И.Н.	Золотухин И.Н. Чемпионаты мира по футболу в геополитическом измерении	2009	№ 4	94 – 111
Лю Сю	Китайско-российско-японские нефтяные отношения в рамках строительства ВСТО: определение маршрута	2007	№ 3	81 – 88
Мурзакова А.А.	Архитекторы японо-американского союза: лидеры оккупационного периода (1945 – 1951 гг.)	2009	№ 3	83 – 88
Носенко Н.Н.	Перспективы развития внешнеторговых отношений Дальнего Востока со странами АТР	2008	№ 1	96 – 108
Рябченко Н.П.	К оценке исторического значения Второй мировой войны: взгляд из XXI века	2009	№ 2	124 – 133
Сазонова К.Л.	Миротворческая деятельность "Великих Держав" с использованием инструментария Организации Объединенных Наций	2009	№ 2	134 – 138
Сакон Юкимура	Российско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке до 1917 г.	2008	№ 2	97 – 108
Сергеев О.И.	Русское православие на североамериканском континенте: основные этапы развития и проблемы единства	2008	№ 1	82 – 95
Соловьёва Е.В.	Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы	2009	№ 1	99 – 106
Цуй Сяоси	Современное состояние российских энергоресурсов и перспективы их экспорта в страны АТР	2007	№ 2	82 – 88
Ши Чуньян	"Пять точек на одной линии": стратегия провинции Ляонин в новой структуре открытости внешнему миру	2009	№ 1	86 – 92

**Междисциплинарные и системные исследования региона**

Барбенко Я.А.	Феномен Северно-Уссурийского края	2006	№ 1	81 – 89
Золотухин И.Н.	Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентичности российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции	2006	№ 1	90 – 98
Шестак О.И.	Приморский край Российской Федерации: социально-экономическая дифференциация муниципальных образований	2007	№ 2	89 – 101

**Аналитика**

Журбей Е.В.	Внешняя политика "перемен" Барака Обамы: ребрендинг или кардинальная перестройка?	2009	№ 1	107 – 122
-------------	---	------	-----	-----------

**Прагматика**

	Парламентские выборы 2 декабря 2007 г.: результаты опроса экспертов	2007	№ 3	89 – 94
	Выборы главы администрации г. Владивостока 18 мая 2008 г.: результаты опроса экспертов.	2008	№ 2	115 – 120
Биниконский Л.Б.	Историческая наука в условиях рыночной экономики	2009	№ 1	123 – 132
Журбей Е.В.	Перспективы создания "мозговых центров" в России и опыт США	2007	№ 1	105 – 122
Журбей Е.В.	Практика использования механизма частно-государственного партнерства в инвестиционных проектах регионального развития (на примере Дальнего Востока России)	2008	№ 2	121 – 140
Колесниченко К.Ю., Редько Д.В.	Образ идеального главы города в представлении жителей Владивостока.	2008	№ 2	109 – 114
Литошенко Д.А.	Болонский процесс как неизбежность	2007	№ 3	95 – 102
Лукин А.Л.	Некоторые размышления о современных российско-американских отношениях	2008	№ 3	106 – 111
Рябченко Н.П.	Глобальный контекст региональной безопасности в АТР: некоторые оценки с позиции интересов России.	2008	№ 2	141 – 152

**Науковедение**

Киреев А.А.	К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного обследования	2009	№ 1	133 – 140
-------------	---	------	-----	-----------

**Научные сообщения**

Гайкин В.А.	Проект "Туманган": из прошлого в будущее (к столетию проекта "Туманган")	2008	№ 2	153 – 157
Караман В.В.	Ритмы поэзии. Русско-японские параллели	2009	№ 4	112 – 128



Ли Суйань	Образ В.В. Путина в глазах китайцев	2009	№ 3	126 – 131
Постников В.В.	Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. в восприятии дальневосточников (к вопросу о действии монархической идеологии в Российской империи в конце XIX в.)	2009	№ 1	141 – 144
Рыкунов Д.Э.	Первый кинофестиваль китайского кино во Владивостоке	2009	№ 3	121 – 125
Соловьева Е.В.	Культурное взаимодействие России и Китая на современном этапе развития: обзор политико-правовых документов	2009	№ 4	129 – 133

#### ***Регион в документах и свидетельствах***

Караман В.Н.	Исторические источники по истории политических репрессий в СССР (на примере Дальнего Востока)	2006	№ 1	99 – 105
--------------	---	------	-----	----------

#### ***Рецензии***

Белоглазов Г.Г.	Новая книга по истории китайцев в России	2009	№ 4	134 – 136
Кожевников В.В.	Документы говорят	2006	№ 1	106 – 109

#### ***Научная жизнь***

Барбенко Я.А.	Круглый стол "Проблемы вхождения мигрантов в культурологическое и духовное пространство Дальнего Востока"	2008	№ 3	122 – 125
Барбенко Я.А.	Научно-практическая конференция "Проблемы развития демографической ситуации и систем расселения на Дальнем Востоке"	2009	№ 2	139 – 142
Задерей Н.В.	Международная Тэджонская конференция по вопросу о создании ограниченно безъядерной зоны в Северо-Восточной Азии	2008	№ 3	118 – 121
Кондратенко Г.В.	"Россия и Китай в современном мире" – итоги международной конференции молодых ученых	2007	№ 2	110 – 113
Кондратенко Г.В.	"30 лет реформ в КНР. Опыт, проблемы, уроки"	2009	№ 1	151 – 155
Литошенко Д.А.	Хроника: от научной жизни - к жизни научного сообщества	2006	№ 1	110 – 113
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России. Очерк первый. Под парусами "Надежды".	2007	№ 1	123 – 128
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк второй. ВГУ-ЭС: сорок лет на рынке, или полигон буржуазности	2007	№ 2	102 – 109
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк третий. Дом во тьме	2007	№ 3	103 – 110
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк пятый. Палладины ойкумены	2008	№ 2	158 – 164
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк шестой. Форпост коллективной памяти общества	2008	№ 3	112 – 117
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк седьмой. ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея. Часть I.	2009	№ 1	145 – 150

Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк седьмой. ИИФК ДВГУ: размышления после юбилея. Часть II.	2009	№ 3	132 – 141
Постников В.В.	Terra incognita. Очерк четвертый. Регионоведческий аспект в научно-педагогической работе ТОВМИ имени С.О. Макарова (г. Владивосток)	2008	№ 1	109 – 115
Литошенко Д.А.	Terra incognita. Очерк восьмой. Дао Тихоокеанского государственного экономического университета	2009	№ 4	137 – 143

## Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

## Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф.1. Оп.2. Д.3. Л.4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т.д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации.  
**E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru**
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.

**Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.**

**Файлы, подготовленные с нарушением требований,  
не рассматриваются.**

**Ойкумена.** Регионоведческие исследования:  
научно-теоретический журнал.

**2009 № 4(11)**

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г.  
Подписано к печати 08.06.2009 г. формат 70x108/16  
Усл.п.л. 0000. Уч.-изд.л. 12,07. Тираж 200 экз. Заказ 00  
Цена свободная  
Отпечатано в типографии ФГУП "Издательство"  
"Дальнаука" ДВО РАН  
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

